

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Раим ФАРХАДИ
Андрей СЛОНИМ
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Николай ИЛЬИН
Анатолий БАУЭР
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Саодат КАМИЛОВА
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Алексей АЛИМКУЛОВ
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Лидолия НИКИТИНА

ПОЭЗИЯ

Жизнь не терпит черновиков...

Года не значат ничего –
Их просто нет!
Мечты порхают высоко:
Любви в них свет!
И мы летим за ними вслед
Над пляжем, где так свеж наш след,
Над парком, где играют вальс,
Но среди танцующих нет нас...

Леонид НЕГМАТОВ

НОВЫЕ ИМЕНА

Листая памяти страницы...

Перебираешь волосы мои,
как рис на плов:
седые – в сторону. Двоим
не нужно слов,
когда вверху такая синь
и дым вокруг.
Пусть август сена накосил –
остался луг,

где сипло шепчется ковыль
с овсом пустым,
где над грунтовкой вьется пыль,
сажаясь в кусты.

Турсун АЛИ

переводы

Сердце мое нарисуй...

Окликни меня, художница,
Нарисуй мои глаза.
Сердце мое нарисуй.

* * *

Прильни же ко мне, моя лебедь.
В беспокойной ночи
Просочись в мою грудь!

* * *

Не скрывай, дорогая, скажи,
В чем удел твой – в цветении?
Или ты дерево, пораженное молнией?

проза

Михаил СМИРНОВ

БРАТ

Рассказ

– И Аленка согласилась? – недоверчиво спросил Алешка. – Она же такая... Такая, аж дух захватывает!

– Согласилась, – хохотнул Васька. – Ночь долга. Уломал Аленку. Не будет же она до старости в девках ходить. Сам подумай, Крючок, к примеру, что было бы, если бы она за тебя вышла? Ничего хорошего, потому что у вас нет будущего. А я дам все, что душе угодно. Вот и поразмысли на досуге, а нужна ли она, эта любовь, если нечего дать? Одной любовью сыт не будешь. Ай, что с тобой говорить! Начитался своих книжек, а под носом ничего не видишь. И вообще, не лезь, куда тебя не просят, а то по шее получишь.

проза

Игорь АЛЬМЕЧИТОВ

ПОКОЛЕНИЕ PEPSI

Рассказы

ВСЬ ЭТОТ БЛЮЗ...

Я двигаюсь по жизни зигзагами, ставя перед собой мелкие, утопичные цели, которые по мере их достижения болезненно отмирают. Болезненно – оттого что, оглядываясь назад, понимаю, что каждая отдельная цель не стоила затраченных усилий и была лишь очередной попыткой уклониться от встречи с собой и осознанием того, что меня как такового нет, есть лишь разрушение накопленных за долгие годы стереотипов внутри и снаружи.

литературоведение.
литературная критика

Елена КАМИНСКАЯ

ЖИВОПИСНЫЙ ЭКФРАСИС В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Почему прекрасное, пышущее жизнью существо отдает себя в объятия смерти, тлена? Разве прекрасный пейзаж, чистый и благоухающий, не наводит на мысль о красоте и гармонии жизни? Почему в райском месте прекрасное живое существо тянется не к красоте, а к смердящему уродству и бесплотному злу? <...> На фоне абсолютной красоты и гармонии, что и есть суть рая, существует мир человеческих судеб и страстей – мир другой, простой, красоты. Этот мир немислим без доброго и злого начал в их взаимном проникновении и соитии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Игорь АЛЬМЕЧИТОВ. Поколение Pepsi. Рассказы.	13
Рамиль ИБРАГИМОВ. Гость из прошлого. Рассказ.	33
Михаил СМИРНОВ. Брат. Рассказ.	64
Алексей РОТАНОВ. Последний луч солнца. Рассказ.	84
Александр КОЛМОГОРОВ. Тбилиси. Артисты. Самолет. Эссе.	100

ПУБЛИЦИСТИКА

Андрей СЛОНИМ. Будьте добры!..	5
--	---

ИНТЕРВЬЮ

Мосты родовой памяти: Хосият Рустамова – Дмитрий Бураго.	10
--	----

ПЕРЕВОДЫ

Нодирабегим ИБРОХИМОВА. Запоздалое прозрение. Рассказ. Перевод с узбекского Дилдоры Турдыевой.	107
Турсун АЛИ. Сердце мое нарисуй... Хокку и танка. Перевод с узбекского Раъно Азимовой.	111
Нодир НОРМАТОВ. Зеркало Бабура. Рассказ. Перевод с узбекского Г. Норматовой.	116

НОВЫЕ ИМЕНА

Леонид НЕГМАТОВ. Страницы памяти листвя... Стихи.	123
Асрор АЛЛАЯРОВ. Махалля «Кладбище». Рассказ. Перевод с узбекского Диляфруз Муратовой.	127

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Неми ЗИГАНШИНА. Художник и время.	134
---	-----

ПОЭЗИЯ

Лидолия НИКИТИНА. Жизнь не терпит черновиков...	28
Игорь ЭРНСТ. Я руки к тебе простираю...	60
Евгений ХАРИТОНОВ. Люблю в траве рассыпанные росы...	82
Алишер АДЫЛБАЕВ. Все навек останется со мной...	96

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Наргиза ИБРАГИМОВА. Женская проза в современной литературной критике Узбекистана.	130
Татьяна АВДОНИНА. Записные книжки Сергея Довлатова.	137
Елена КАМИНСКАЯ. Живописный экфрасис в структуре повествования.	142

КАРАВАН ИСТОРИИ

Юрий ФЛЫГИН. Пионер российского исламоведения.	146
--	-----

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки картины Марата Садыкова.

Звезда Востока

2021 № 6

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.
тел. (71) 231-23-67

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет Алексей АЛИМКУЛОВ

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 450 экз. Заказ №
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».
г. Ташкент, Алмазарский р-н,
ул. Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом **не более 50 страниц**.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

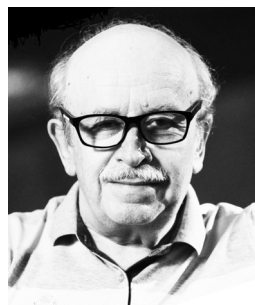
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

БУДЬТЕ ДОБРЫ!..**Андрей СЛОНИМ**

...«Будьте добры!» – эта короткая фраза укоренилась так прочно в речи, что ее глубокий первоначальный смысл стерся. А в нынешней заболтанности ее употребление стало очень редким. Случайность или недобрая закономерность?

Вспомним, когда принято ее употреблять: «Будьте добры, посмотрите, пожалуйста, не пришла ли на мое имя посылка?» – просит кто-то в почтовом отделении; «Будьте добры, подскажите мне, пожалуйста, который час...» Таких примеров множество. В них не всегда осознанно, но вполне явственно звучит призыв БЫТЬ ДОБРЫМ.

...Время однонаправленно и динамично. И в его движении отчетливо прослеживается то важное, что привнесено в жизнь нашей страны в последние годы. Несмотря на множество сложностей, на не отступающую уже второй год пандемию, на обилие других проблем в жизни общества, ощущаются позитивные шаги нашего молодого государства на пути его становления.

Многое хочется осмыслить, вникая в непростые тонкости и детали. Во многое необходимо тщательно вдуматься, вспомнив знаковое интервью нашего Президента Ш. М. Мирзиёева, опубликованное в газете «Янги Узбекистон», о проблемах и итогах развития Узбекистана за последние пять лет, вспомнив об исторической встрече президента с представителями творческой интеллигенции.

Мне довелось не только участвовать в этой встрече, но и высказать руководителю государства благодарность за особую заботу о развитии культуры и искусства в Узбекистане, поделиться размышлениями о важных проблемах.

Эту встречу я помню до мельчайших деталей. Приятно удивила ее деловая атмосфера, оперативность оценок, динамичность прогнозирования и восприятия реальности. Были поставлены насущные задачи, четко очерчены ждущие решения проблемы. Президент жестко критиковал застойность и медлительность, бессилие устаревших и отживших форм борьбы с недостатками. Важнейшим было утверждение Президента, что произведения искусства, культура, литература, духовность и просветительство в Узбекистане никогда не будут превращены в бизнес.

В недавнем интервью (газета «Янги Узбекистон») Президент говорил о непростом поступательном развитии страны и, главное, о том, что важнейший

Андрей СЛОНИМ – режиссер-постановщик ГАБТа им. А. Навои, заслуженный деятель искусств Республики Узбекистан. Родился в 1949 г. в Ташкенте. Автор поэтических сборников «Перекрестки», «Мгновения». Публиковался в журналах, альманахах и коллективных поэтических сборниках Узбекистана и России.

принцип, который необходимо соблюдать, – «не народ для государства, а государство для народа». Этот принцип требует коренной перестройки сознания руководителей всех уровней и тех, кто своей энергией и трудом вершит перестройку.

...Да, последние пять лет оказались отнюдь не безмятежными. В мире происходят сложные и неоднозначные события, не всегда гладко идут социальные реформы, а ворвавшаяся в жизнь пандемия взломала былую привычную жизнь. Весь мир в целом, включая нашу страну, столкнулся с грозным недугом и его трагическими последствиями. В этом контексте знаменателен фундаментальный указ Президента «О мерах по дальнейшему повышению роли и значения сферы культуры и искусства в жизни общества», который принципиально определил влияние культуры и искусства, приобщающих к истинным идеалам, на души людей. В этом указе подчеркивается значимость творческой деятельности театров, писательских и концертных организаций, музеев, библиотек.

Особого внимания и поддержки были удостоены творческие союзы – Союз композиторов и бастакоров, Союз писателей, Академия художеств. Уже получила известность и заслужила уважение деятельность Зааминского семинара молодых писателей, где под руководством маститых мастеров литературы молодые писатели получают уроки мастерства, совершенствуют свои творческие способности.

Даже в условиях непредсказуемой ситуации – пандемии – в период вынужденной изоляции все труппы театров Узбекистана трудились с полной самоотдачей.

Постоянные «саморепетиции» певцов, музыкантов и артистов балета показали огромную преданность делу. В результате коллектив ГАБТа имени А. Навои органично вошел в привычную форму работы и представил зрителю к открытию сезона две обширные концертные программы. Целая серия премьер, концертов, оригинальных проектов как на основной сцене, так и в Музыкальной гостиной осуществилась вопреки всем неблагоприятным условиям, даря творчество и Добро...

«Будьте добры!..» Да, в противоречивое время с осязаемым дефицитом истинной доброты и человеколюбия выпало жить всему миру, и сегодня, пожалуй, с особенной остротой ощущаются перипетии в мире, происходящие как будто бы далеко от нас.

Одна из наиболее больших и опасных проблем – международный терроризм, опасный не только в своей сути, но и пагубно влияющий на молодые души, убивая в них и доброту, и сострадание к ближнему, превращая человека в бездушного носителя смерти и разрушения.

Недавно мне довелось участвовать в очередном заседании нового и весьма интересного клуба «Интеллектуал», созданного по инициативе видного журналиста и общественного деятеля Бориса Бабаева. Люди, разные и весьма весьма по-разному воспринимающие события, происходящие в мире, живо обсуждали насущные проблемы. И одной из самых острых была тема международного терроризма. В процессе обсуждения были высказаны различные подходы к пониманию этой проблемы, обрисованы механизмы вербовки молодежи многих стран, активной агентурой участников террористических группировок. Известный журналист-публицист Виктор Михайлов детально рассказал о напряженной деятельности возглавляемого им ННО «Центр изучения региональных угроз»: о путях вербовки молодежи в различные террористические организации для обучения и последующей службы, о зомбировании сознания определенных

кругов молодежи в целях превращения их в сознательных и послушных служителей различных «священных войн». Осязаемо предстали социальные и религиозные корни этой проблемы, впечатлив глубиной и невероятной сложностью.

Но произнесем снова не формально, а с сохранением буквального смысла фразу «Будьте добры!» и рискнем посмотреть сквозь ее призму на вопросы формирования личности. Ведь террорист начинается вовсе не с того момента, когда он берет в руки автомат или гранату и совершает убийства. Истоки этого в самом раннем возрасте – в детстве и юности.

Нет! Я далек от неразумного стремления огульно осуждать молодежь. Есть множество интересных, одаренных, перспективных и, что важно, истинно добрых ребят, которые увлеченно конструируют, изобретают, делают открытия, радуют талантливым творчеством, поражают новизной осмысления явлений. Речь сейчас о том, что пагубно влияет на раскрытие способностей и индивидуальности натуры. Имя этому – опустошение души, озлобление...

...Многое в этом недобром процессе берет начало в «синдроме постоянной занятости» родителей, не имеющих достаточного времени для общения со своим ребенком. Они не научили ребенка с первых лет жизни видеть в живом существе особенное и чудесное творение. А сам он привык бездумно видеть некую особь, которую легко пнуть, ударить, а нередко просто лишить жизни. Иными словами, родители не научили БЫТЬ ДОБРЫМ. Не улыбочиво-добреньким, а мудрым, зорким, пытливым, настроенным на восприятие излучения душ своих ближних (как людей, так и животных, ведь наш мир неразрывно связан с ними!). Не научили понимать проблемы родных и близких, помогать, принимая участие в разрешении трудных ситуаций, направлять энергию своей души на помощь любому существу в мире и на его поддержку.

В пагубном ощущении себя центром мироздания рождается очередной обделенный добротой маленький эгоист – не пугающий монстр, а обыкновенный ребенок, но осознающий только свои постоянно растущие желания. Понятно, что ему уже не дано увидеть в сидящем на газоне котенке или шенке интересное, красивое и грациозное создание, живое и хрупкое, которое может искренне любить и хранить верность, у которого есть свой мир, не до конца разгаданный... Создание, которому свыше дана Жизнь как великий дар. И дар этот необычайно хрупок, случайные опасности могут бессмысленно эту жизнь оборвать... Душа такого ребенка пуста, ведь доброта в ней – увы! – не поселилась. Именно из этой пустоты рождается пошлое и опасное осознание «вседозволенности», которое и может толкнуть на малые, а потом и на большие преступления. Неумение почувствовать чужую боль рождает черствость души, а затем и ожесточенную агрессию. Становится абсолютно все равно, с кем сводить счеты.

Есть и иные корни, еще более глубокие и зловредные. Ведь если в детстве ребенку недобрые и неразумные родители сказали: «Эта кошка старая, она нам НЕ НУЖНА – давай ее выкинем или усыпим!» – и в его душу не вкралось сомнение о ДОПУСТИМОСТИ такого, то чему же удивляться далее? В отношении к животным прослеживается досадная утрата не только человеческих, но и высших принципов. А если говорить о высших устоях истинной духовности, то как же безвозвратно забывают многие сограждане о том, что сам великий Пророк Мухаммед, как известно, увидел во время молитвы, что на одну из пол его халата улегся кот и спокойно задремал. И Пророк совершил неожиданное. Он... ОТРЕЗАЛ ПОЛУ СВОЕГО ХАЛАТА, чтобы не потревожить сон животного! Как говорится, комментарии излишни...

Не приходится удивляться, когда духовно искалеченный подросток проявляет

бессмысленное и беспощадное насилие по отношению к однокласснику. Казаться «супером» в сто раз проще, чем настроить душу на восприятие и понимание проблем ближнего. Насмотревшись в примитивных киносюжетах на кажущееся всеислие «одноклеточных», бесчувственных и тупых «крутых», он начинает творить бессмысленную жестокость, потому что в его душе происходит полное и необратимое отмирание таких определяющих основ, как СОСТРАДАНИЕ, СОПЕРЕЖИВАНИЕ, СОДЕЙСТВИЕ тем, кто в этом нуждается и кому можно помочь.

Первоистоки этого куда страшнее и серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Когда-то в детстве, придя к родителям со своими еще детскими, но серьезными проблемами, ребенок встретил равнодушное «отстань, мне сейчас НЕ ДО ТЕБЯ!». А не сумев решить заданную на уроке задачу, услышал: «Ты – бездарь, у тебя никогда ничего не получится!» или – что еще хуже – встретился со злобным и слепым физическим наказанием, порожденным родительским бессилием. И... как и следовало ожидать, ответное озлобление, юный человек начинает оскорблять своих учителей и сверстников. А «мудрые» родители, не вникшие в суть проблемы, начинают яростно защищать своего отпрыска, грозя и сверстникам, и учителю «страшными» карами. Возникает новый уровень «пирамиды зла» – ошущение полной БЕЗНАКАЗАННОСТИ за варварские поступки...

Став взрослым, такой представитель рода человеческого с искривленным сознанием сформулирует нечто более страшное вроде: «Бабушка старая, она свое пожила, зачем ей квартира – надо ее в дом престарелых определить, а мы с женой там поселимся!» В этом примере уже вопиющее нарушение исконных устоев жизни, предавать которые немислимо! Он не только одиозен своим опустошающим смыслом, но претит человеческим основам нормального бытия и единения поколений, варварски разрушает души...

Чему удивляться, когда с телевизионных экранов в многочисленных сериалах и с компьютерных мониторов в «стрелялках» буквально извергается агрессивность и жестокость, а культ кулака, пистолета и автомата решает судьбы как «положительных», так и «отрицательных» героев. Чему удивляться, когда, проводя свой досуг за внешне безобидной игрой на компьютере, молодой человек с поразительной легкостью, азартом и бездумной ПРОСТОТОЙ стреляет по «противникам», лишая жизни немых героев игры, стремясь непременно «убить» как можно больше персонажей! Будьте добры, вдумайтесь в это...

А как быть и с возникающим на каждом шагу «неопровержимым доводом» авторов сериалов, что, только пройдя сквозь тюремное заключение, можно осознать непреклонные «истины существования»? Как ни горько признать, но два-три поколения, выросшие без идеологии и усвоившие пагубный лозунг «Деньги решают все!», по сути, утратили истинные духовные устои. Легко и удобно забыть, что ВО ВСЕХ фундаментальных религиях убийство считается высшим грехом. А подрубание под корень «ствола» этого устоя оправдывается многочисленными удобно придуманными «поправками». И невежу-юнца специально нанятые лица старательно убеждают, что «неверного» представителя другой конфессии необходимо убивать... Ведь это и щедро оплачивается, и в ином мире будто бы сулит «вечное блаженство»... Будьте добры, люди! Край пропасти уже рядом... Одумайтесь...

Убийственно безысходно забывается сегодня великий смысл понятия «СОВЕСТЬ», означающее «СО-гласие с ВЕСТЬЮ свыше»!

Вне всякого сомнения, надо серьезно задуматься о воспитании сознания человека с самых ранних лет. Можно десять раз цитировать крылатые строки

великого Алишера Навои о необходимости единения людей, но, если не подкрепить эти великие и правые идеи конкретными делами, эта сложнейшая проблема едва ли будет решена. Как же осуществлять воспитание, как сформировать в человеке сознательную жизненную позицию?

Разумеется, одни назидательные призывы и беседы вряд ли помогут. Необходимо, как сказал наш Президент, принципиально, в корне изменить систему образования и восприятие молодежью жизненных, научных и творческих основ. Новая система образования должна быть нацелена не на механическое запоминание, а на осмысление сути явлений в любой области и на формирование истинной гармонии и Доброты души.

Знакомство с литературными шедеврами, осмысление замечательных кинофильмов, спектаклей, музыкальных произведений должны формировать души, что особенно важно для поколения, которое входит в жизнь, за которым будущее.

Одновременно с истинным патриотизмом, устремлением к профессии, к людям необыкновенно важно внедрить в сознание молодых великую идею СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ. Сегодня это понятие заметно размылось. В последнее время часто раздаются голоса неких «требователей», утверждающих, что страна что-то им «недодала». При этом практически каждый из них не в состоянии ответить на встречный вопрос: «А что лично ТЫ сделал для своей страны и народа?» Возродить беззаветность служения делу и людям – одна из первостепенных задач, которую должны решать профессионалы, деятели искусств, пропагандисты истинно высоких устремлений души, сознательного изучения истории и культуры нашей страны, приобщения к неисчерпаемым национальным и мировым истокам искусства и творчества.

В соответствии с насущными требованиями времени, например, в ГАБТе имени А. Навои открылась Молодежная творческая мастерская по примеру крупных театров России и мира. В рамках занятий в этой мастерской молодые артисты оперы будут совершенствовать свое вокально-сценическое мастерство, изучать методику работы над образом в оперном спектакле, заниматься пластикой, фехтованием, танцем, приобщаться к высоким образцам отечественного и мирового оперного искусства. Разнообразные занятия с молодежью в театре нацелены на то, чтобы пробудить в каждом интерес не только к своей профессии, но и к многоярусной вековой культуре, сформировать творческую Личность, умеющую творить Добро.

Исторической реальностью стала замечательная дата – 30 лет государственной независимости нашей страны, которая ознаменовала множество достижений и поставила множество задач, ждущих своего решения. Ведь наше Настоящее – это не статичная точка, а некий мост между Прошлым и Будущим. И каждый из нас, и все мы вместе должны пройти по этому мосту.

И – БУДЬТЕ ДОБРЫ!

МОСТЫ РОДОВОЙ ПАМЯТИ

**Интервью Хосият Рустамовой
с Дмитрием Бураго, лауреатом Международного конкурса
поэтов-2020, посвященного памяти узбекского поэта Абдували
Кутбиддина. Конкурс был организован по инициативе редакции газеты
«Китоб дунеси», в нем приняли участие 132 поэта из разных стран.**

– Господин Бураго, мы поздравляем вас с литературной премией имени Абдували Кутбиддина! Мир, в котором мы живем, полон чудес. Но иногда мы не видим чуда у себя под носом. А были ли чудесные озарения у вас?

– Чудеса бывают! Мой отец родился и прожил первые годы жизни в Ташкенте во время эвакуации. Всю жизнь и он, и его мама – моя бабушка Агнесса Павловна Бураго (1917 – 2000) – с теплотой и благодарностью вспоминали добрых и чутких соседей в этом гостеприимном солнечном городе. Кроме того, из заключения мою бабушку освободил мой дед – узбекский уйгур. У бабушки был острый язык, ее дневник стал основанием для ее ареста как неблагонадежного члена общества. Но их семейное счастье было недолгим: после рождения сына Сережи (Сергея Борисовича Бураго, 1945 – 2000) дед был расстрелян. Бабушка Ася почти никогда о нем не рассказывала, объясняя это тем, что время репрессий может вернуться, а если меньше знаешь, крепче спишь. Все, что удалось узнать, так это то, что Борис (думаю, настоящее имя было другим, но сыну она дала славянское отчество во избежание возможных неблагожелательных вопросов по возвращении из эвакуации) служил в отделе НКВД и однажды не

Хосият РУСТАМОВА – поэт, редактор. Родилась в 1971 г. в Наманганской области. В 1993 г. окончила Ташкентский госуниверситет (ныне НУУз), работала в печатных изданиях Узбекистана. Автор сборников «Дом на небесах» (1997 г.), книга «Нажот» (2003 г.) и «Ризо» (2004 г.). В 2004 г. награждена медалью «Шухрат».

Дмитрий БУРАГО – поэт, издатель. Родился в 1968 г. в Киеве, где и живет. Окончил филологический факультет Киевского педагогического института в 1990 г., где преподает на кафедре русской и зарубежной литературы. Главный редактор журналов «Язык и культура», «Collegium», «Соты». Публиковался во многих альманахах. Автор нескольких поэтических книг.

вернулся домой. Много позже бабушка узнала, что и он, и его отдел были ликвидированы в рамках чистки органов от неблагонадежных. Что здесь правда – не мне судить, но ничего сверх этого от бабушки Аси узнать не удалось. Отцу больше не довелось побывать в Узбекистане, но так сложилось, что на каждый большой праздник он готовил вкусный узбекский плов с бараниной и золотистыми головками чеснока. Даже наутро, уже остывшим, папин плов был бесподобен. Мои попытки повторить кулинарный шедевр отца не удавались успехом.

– *Уважаемый Дмитрий Сергеевич, наши читатели и поклонники поэзии очень хотели бы узнать о вашем творчестве и вашей творческой лаборатории.*

– Вы хорошо знаете, что поэзия рождается вслед за мыслью. Мысль – это приходящая замысли, а там, в праздничной гостиной, в дальних комнатах памяти, созревает звук, проступает слово, закручивая вихри времени, приторачивая к его седлу звонкие сабли и тихие надежды. Там совершается то, что зачастую неведомо читателю в силу несовершенства нашего мастерства. Однако опытный читатель угадывает произошедшее по легким паузам и неловким словам, подозревая, что в тексте притаилось чудо. Поэзия – самое большое свидетельство и оправдание смысла человеческого существования и в то же время – самое бессмысленное в утилитарной парадигме человечества увлечение. Поэзия оказывается на заднем дворе цифрового опустошения, но стоит только отключить Интернет, как мы сегодня окажемся беспомощнее самых отсталых народов времен первобытно-общинного строя, потому что существуем не самостоятельно, а через посредника – через гаджеты с их бесконечными возможностями и безграничной услужливостью. И, когда их не окажется, человек обратится к другому человеку, они будут говорить и слушать, и тогда им не обойтись без мудрых высказываний, метафор, глубин света и грусти, вершин печали и радости. А пока что поэты, как странствующие монахи, бродят в полях сетевой цивилизации, встречаются друг друга с эллинским весельем, расстаются с рыцарским мужеством и вспоминают о произошедшем с восточной мудростью. Вот и вся лаборатория.

Да, еще о слове! Оно приходит к нам из глубин времени, смыкаясь и раскрываясь в бесконечных смыслах и интонациях. Жизнь каждого слова несоизмерима с жизнью человека. Человек прикасается к слову, трогает его, как буддийский молитвенный барабан, и продолжает свой путь, не понимая, что каждое слово – совершенное чудо. Вот, например, слова «стена» или «яблоко». В каждое можно заглянуть, как в колодец, где в глубине отражений промелькнет вся история существования человечества – от райского яблока и первых запретов до нынешних смартфонов и сегодняшнего расчеловечивания за стенами виртуальной реальности.

Но этот колодец можно развернуть, как подзорную трубу, телескоп, микроскоп в конце концов или просто как увеличительное дедовское стекло, на старые рукописи. В одном слове заключаются вся жизнь и смерть, прошлое и будущее, и настоящее самозабвенно заявляет об исключительности, выходящей за собственные рамки. По осеннему стеклу в кабинете настоящего времени ползет неуклюжая муха из зеркального будущего в пыльное прошлое. Слово не безответно. Его мощь в накопительной энергии звукового поля, которое раскрывается в поэтическом синтезе невозможного с неминуемым при гулком шлепке ладони по стеклу с мухой.

– *Расскажите о своем творчестве, о себе и своей семье.*

– *Апрельская война, ташкентские невзгоды,
где вы теперь? Кто я, уйгурская родня?*

*Поземкой по Днепру снег водит хороводы,
в то время, как журчит из детства Сырдарья.*

В этом четверостишии из «Январских стихов» (2002 год), посвященных отцу, и собирается узелок, с которым я хожу по свету. Помните, у Мандельштама в узелке «...где мы узнаны / И развязаны для бытия», но это здесь и сейчас. Мне кажется, что, развязывая узелки наших предков, пытаюсь понять их путь по приметам памяти, мы кое-что перекаладываем в свой узелок, который, может быть, будет развязан нашими внуками. Кажется, можно сравнить жизнь человека с мостиком, разделяющим родителей с собственными детьми, он может быть подвесным и хлипким, может быть величавой конструкцией, иногда это просто скользкий брод, обрывающийся посередине, превращаясь в смертельную ловушку или топь. Но чем чаще нам удастся перебираться с одного берега на другой, тем крепче будут берега наших детей, тем легче им будет строить в дальнейшем свои мосты через бурные реки времени.

Сейчас миром правят тренды проектной действительности, идет самоуничтожительная война с памятью, с прошлым, переписывается история, «цивилизированный мир», поправ традиционные ценности всех религий, пытается лишить человечество мостов, соединяющих с прошлым, с родовой памятью. Если мы поддадимся этому, то окажемся в островном «одиночестве сети». А когда случайное насекомое заползет в электрическое устройство и вырубит сеть, мы окажемся в мире без прошлого, в «полной свободе», так как прошлое свое и отчество забудем и Бога своего не вспомним, как у Блока в поэме «Двенадцать»: «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста! / Катька с Ванькой занята...» Только уже без Катьки и без Ваньки, только с компьютером – таков проект.

А мы пытаемся сохранить доставшееся нам наследие и продолжить дела отцов. Мой отец литературовед, культуролог, доктор филологических наук Сергей Борисович Бурого учредил в 1992 году в Киеве журнал «Коллегиум», вокруг которого в течение почти трех десятилетий объединяется киевская интеллигенция. Тогда же началась наша издательская деятельность и организация литературно-музыкальных вечеров в Доме актера, получивших название «Журнал "Коллегиум" на сцене», увидели свет культурологическая газета «Граффити» и литературный журнал «Соты», а в центре всей нашей деятельности, несомненно, была и есть международная научная конференция «Язык и культура», носящая теперь имя Сергея Бурого. Основная задача нашей деятельности – воссоздать и сохранить диалог культур во времени и пространстве – по вертикали и горизонтали.

– *Дмитрий Сергеевич, как вы видите дальнейший творческий путь победителей премии имени Абдували Кутбиддина?*

– Премия имени Абдували Кутбиддина – большая честь для каждого из лауреатов. Думаю, что все мы приложим усилия для того, чтобы ознакомить наших современников с творческим наследием замечательного узбекского поэта. Надеюсь, что его книги увидят свет и в Украине.

Желаю всяческих творческих успехов жюри конкурса, редакции вашей газеты, читателям и, конечно, вам – замечательному поэту и подвижнику!

Я благодарю судьбу за то, что мои стихи переведены на узбекский язык и отмечены премией в рамках престижного литературного фестиваля.

ПОКОЛЕНИЕ PEPSI

Рассказы

Игорь АЛЬМЕЧИТОВ

ВСЬ ЭТОТ БЛЮЗ...

...Я смотрю на ее гладкую спину в мелких редких родинках, татуировку на правой лопатке, ритмично шевелящиеся волосы, судорожно вцепившиеся в простыню пальцы. Я слушаю ее стоны, которые становятся все громче. Стоны то ли боли, то ли удовольствия, и во мне нарастает нетерпение. Нетерпение и пока еще смутное неприятие ее – той, что сейчас со мной, очередной. Давно уже не первой и наверняка не последней. И уж тем более не единственной.

Сейчас я медленно уничтожаю ее и себя. Себя физически и ее как личность. Или наоборот. А может, и то и другое сразу...

Я – это они, тысячи героев тысяч прочитанных книг, сотен просмотренных фильмов, миллионы стереотипов поведения и настроений, подсознательно усвоенных с детства либо насильно вбитых в меня моим окружением. Я – это их мысли, чувства, желания. Я – это весь мусор, накопленный за тридцать лет моей бессистемной жизни. Без них меня нет, но и с ними мне неудобно. Я – это мой деструктивный синдром. Я разрушаю все на своем пути, включая себя самого. Разрушаю, чтобы создать заново еще раз. В новом месте. Чтобы затем разрушить в очередной раз. И так до бесконечности...

Я – это эволюция человека без прикрас в отдельно взятом лице. История цивилизации, зажатая в узкие временные рамки: рождение, развитие, короткий миг обманчивой стабильности и, наконец, нескончаемые междоусобицы и войны с внешними и внутренними врагами, которые неизменно приведут к упадку, а затем к смерти...

...Чей голос я слышу сейчас, когда я с ней, чьи самолюбие и нетерпение говорят во мне, кому я пытаюсь противостоять, делая одно дело и уклоняясь от другого?

Она слабо стонет, и я чувствую, что сил остается гораздо меньше, чем упорства, но все тот же голос не дает мне остановиться – мое первобытное упрямство или моя гордость, и я, как заведенный, продолжаю двигаться, уничтожая и стирая ее «я», а заодно и свое собственное.

Мой путь – путь саморазрушения, и она лишь еще одна веха на нем, факт

Игорь АЛЬМЕЧИТОВ родился в 1973 г. в Воронеже. Окончил факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Публиковался в периодике ряда стран. Автор романа «Почтарский мост». Лауреат международного литературного конкурса русскоязычных авторов.

моей будущей личной истории, которая станет ненужной никому сразу после моей смерти. Или даже много раньше.

Я двигаюсь по жизни зигзагами, ставя перед собой мелкие, утопичные цели, которые по мере их достижения болезненно отмирают. Болезненно – оттого что, оглядываясь назад, понимаю, что каждая отдельная цель не стоила затраченных усилий и была лишь очередной попыткой уклониться от встречи с собой и осознанием того, что меня как такового нет, есть лишь разрушение накопленных за долгие годы стереотипов внутри и снаружи. Есть застывшее статичное пространство моего «я» и движение во времени, ограниченное рождением и смертью. И есть стоны напротив. Стоны, которые раздражают все больше... и еще есть упрямство довести все до конца...

Я успокаиваюсь только по ночам, с приходом полной темноты, когда становится не видно даже смутных очертаний всего вокруг и тем более каких-либо ориентиров. Тогда я ложусь, закрываю глаза и слушаю тишину. Долгими часами...

С каждым движением во мне растет нетерпение... С каждым услышанным словом, фразой и даже звуком во мне нарастает противостояние... отчаянная жажда противостояния людям, что меня окружают, богатству и бедности, глупости и шаблонной рекламной мудрости. Животный и неуправляемый нонконформизм... неумение прийти к согласию даже с самим собой...

Я – это внешняя, самая удаленная орбита нового кислотного поколения, которое не знает ни цели, ни направления, которое ничего не ищет и, как следствие, ничего не теряет. Я – это мой желудок и мои мозги, которые требуют количества, не задумываясь ни о качестве содержимого, ни его необходимости. Я – это тот, для кого делаются тысячи часов рекламы по телевидению и радио, для кого создаются потребности на рынке, тот, кто, заходя в магазин, уже не может уйти оттуда, ничего не купив...

И ее тело – просто еще одно тело на моем пути. Объект моей потребительской патологии. Я знаю это точно, как знал еще тогда, когда познакомился с ней, хотя то знание было еще очень смутным. То, что скоро наши отношения изменятся и, скорее всего, закончатся навсегда, чувствует и она. Но она женщина, а значит она более привязчива и ранима, и разрыв для нее значит много больше, чем для меня, будет еще одним кирпичом в стене ее комплексов. И она знает, что мне известны ее догадки, но по молчаливому согласию мы оба не поднимаем эту тему. Я – потому что привык молчать, а она – потому что при всех своих недостатках все же намного мудрее меня...

Я двигаюсь при слабом мерцании невыключенного монитора компьютера в рассеянных бледно-молочных бликах фонарей с улицы. Еле слышным, но устойчивым фоном в ушах уже третий час стоят надрывающие тишину комнаты и мое спокойствие голоса Роберта Джонсона и Трейси Чапмен... И голоса их, кажется, достигли пика своего эмоционального напряжения, как и я... Сейчас и сам я не более чем игра света и тени, где каждая из моих составляющих норovit уничтожить все остальные.

И все же годы медленного самоубийства не сломили меня. Я все еще здесь, в ней, пусть и очередной вехе моей жизни, но гораздо более важной, чем все предыдущие и все последующие, ибо я научился жить тем, что есть здесь и сейчас, а не утерянным вчера и неизвестным завтра.

И она тоже не более чем игра света и тени, потому что сейчас мы одно целое, пусть и ненадолго. Я знаю, что люблю ее... люблю по-своему –

полностью, без остатка и сомнений отдавшись своему упрямому желанию. Мое знание больше самообмана и моей воли, вместе взятых, оттого даже моя любовь сродни патологии, как и многие мои чувства. И я знаю, что непоследователен в них, но мирюсь с этим, потому что все равно не могу ими управлять. Именно поэтому я и иду против течения, навстречу уже скорому расставанию, убивая свое нелепое «я». Именно поэтому я скоро оставляю ее. Оставляю, потому что, не сделав этого, разрушая свою жизнь, я разрушу и ее жизнь, на что вроде бы не имею никакого права... Я делаю это вовсе не из добрых побуждений, просто рушить свою жизнь легче в одиночку, не рассеивая внимание и силы на окружающих...

И все же, хотя она и не стала той самой единственной, надо отдать ей должное: она сделала со мной то, чего до этого сделать не удавалось никому, – ни с кем в постели до нее я не чувствовал такой самоотдачи и гармонии. Кроме разве что последнего времени, когда понял, что, не порвав с ней сейчас, в дальнейшем уже никогда не смогу сделать этого... Хотя я и отдаю себе отчет в том, что и это, скорее всего, самообман...

Она зарывается лицом в подушку, пряча от меня свою слабость или то, что мы, никогда не называя это вслух, привыкли считать слабостью – слишком наглядное проявление чувств друг к другу. Нам проще обходиться недомолвками и насмешками. Жить так намного сложнее, но мы давно обходимся придуманными ролями – она полностью не доверяет мне, я же, в свою очередь, не знаю, чего ждать от нее в каждый отдельно взятый момент наших сомнительных отношений.

Я прикрываю глаза и представляю ее лицо и фигуру в момент, когда мы решили погулять в городе всего несколько дней назад, ее, на которую с завистью смотрели десятки прохожих.

Я, как сжатая пружина, нахожусь в постоянном напряжении. Но, как и та пружина, от долгого напряжения могу дать осечку в любое мгновение. Я не знаю, чего ждать от себя, своих мыслей, настроения даже в ближайшие минуты. Я равноценно опасен для себя и окружающих. И так же безвреден. Любая из моих трагедий может переродиться в фарс, как и любая шутка может обернуться нешуточными проблемами.

...Мы познакомились случайно. Встречались от случая к случаю, не видя перспективы в отношениях, оттого, вероятно, и не воспринимали их серьезно. Случайная связь при случайных обстоятельствах в свободное от всего остального время. Поэтому, как видно, и растянулось это надолго. Настолько, что своими силами мы уже не могли поломать то, что построили между делом... Каждый жил своей жизнью, но где-то поблизости всегда была она, а рядом с ней – я. Просто для разовых, не обязывающих ни к чему встреч. Просто так. От нежелания или неумения занять свое время чем-то другим...

Я никогда ни к кому не ревновал ее. И не потому, что всегда знал: наступит момент, когда нам придется расстаться. Я не ревновал ее ни к ее прошлому, ни к настоящему, не ревновал к мужчинам, что уже были до меня и наверняка будут после, не ревновал к подругам, на которых, в отличие от меня, у нее всегда находилось время. Я не ревновал ее ни к кому и ни к чему... Я просто панически боялся ее потерять...

Но и это осталось в прошлом...

Сейчас я испытывал лишь нетерпение и желание как можно быстрее уничтожить ее в себе...

Я оступился всего один раз, позволив нахлынувшим чувствам захлестнуть меня... именно с ней и только на один вечер... и результат оказался плачевным. Плачевным для нас обоих. Но все же в большей степени для меня...

Я крушил свою жизнь в одиночестве, пока не появилась она, и я бездумно поташил ее за собой. Сначала неосознанно, но чем дольше длились наши отношения, тем сильнее мне не хотелось расставаться с ней. Случайное знакомство, переросшее в нашу трагедию, из которой не могло выйти ничего, кроме жалкого фарса. Что мы в конце концов и получили. Но мы пошли гораздо дальше и общими усилиями даже фарс сумели превратить в настоящую трагедию. Сначала она, полностью сломав сложившийся в моей жизни, неведомый даже мне порядок, и потом уже я сам, предчувствуя исход наших отношений, в очередной момент слабости дав себе слово, что уничтожу и ее оставшуюся память обо мне... но лишь после того, как исчезну из ее жизни.

Я знаю, что нечестен даже по отношению к себе, но это уже неважно: остановить себя в своем движении я все равно не могу. И не только потому, что стало слишком поздно и придуманная себе раньше роль уже полностью подчинила меня, но еще и потому, что просто не хочу... Я – тривиальный продукт своей эпохи, ее массовое изделие, отражение своего поколения в кривом зеркале причудливого изгиба истории...

...И сейчас я смотрю на ее гладкую спину в мелких редких родинках, татуировку на ее лопатке – пару иероглифов, значение которых она и сама не умеет толком объяснить, на ее волосы, закрывшие от меня ее лицо, я слушаю ее стоны, и во мне нарастает нетерпение... нетерпение и пока еще смутное неприятие ее.

...Я медленно и планомерно уничтожаю ее и себя. Себя физически и ее как личность. Или наоборот. А может, и то и другое сразу... В ее лице я уничтожаю в себе их всех, чтобы остаться, наконец, одному и спокойно завершить начатое несколько лет назад... Их лица и их имена... Ольга... Юлия... Алиса... Наталья... Елена... И это только половина последнего года. То, что казалось серьезным или почти серьезным, но, как и все предыдущее, сошло на нет, развеялось, как сон, оставив тягостное ощущение при пробуждении. А ведь были и будут еще десятки месяцев и десятки имен. До и после них, многие из которых, как и все в жизни, повторяются.

Информационный поток, новые технологии, темп, взятый за эталон, несут меня в общем течении, и скорость его постоянно растет. Точнее, в течении, которое идет против меня, все наращивая ход. Одна из неминуемых издержек при воспитании поколения Pepsi – поколение Next. Поколения, которое и на мне оставило свой след. Поколения самонадеянных умников и умниц, растущих на синтетической информационной подпитке... Бесполоая молодежь от Benetton.

Я вижу часть ее профиля и вспоминаю ее лицо, голос, тепло ее ладоней, представляю то, чего почти никогда не было, – наши прогулки, держась за руки. Накладываю произвольный фон на очертания ее фигуры и выражение лица... словно к крышке унитаза пытаюсь пристроить жилой дом со всеми удобствами... которого у нас уже никогда не будет...

...Она существовала отдельно от всего. Не любовь и не привязанность, не навязчивая идея и не дружба. Скорее, все вместе, возведенное в степень обещание возможности чего-то лучшего и одновременно подарок судьбы моему деструктивному синдрому... Американка итальянского происхождения с ярко

выраженной англо-саксонской внешностью, светло-серыми глазами цвета ноябрьского неба, когда вот-вот пойдет первый, сырой еще снег... шестимесячный подарок судьбы. Открытый конец так, по сути, и не начавшейся истории...

...Еще до встречи с ней я чувствовал: что-то должно измениться. Из дня в день, из недели в неделю, наверно, с самого начала мая или даже с конца апреля это ощущение росло и крепло, будоража меня все сильнее. Такое чувство еще ни разу не обманывало меня. Другое дело, что иногда я получал суррогат вместо ожидаемого, но признаки были те же, что обычно, – что-то должно было произойти. Чувства и ощущения еще никогда не подводили меня.

А может, это я сам притянул ее своим ожиданием... как бабочку костер...

Она была сильнее меня... Намного сильнее и мудрее... словно надуманная Алиса в моем Зазеркалье... нереализованной Стране чудес... С кем не случается... Еще одно запредельное ощущение из моего вполне заурядного прошлого...

И сейчас под неумолкающие звуки «черного американского юга» я медленно и планомерно уничтожаю ее и себя... Себя физически и ее как личность. Или наоборот. А может, и то и другое сразу...

Уничтожаю, потому что опять вру себе, потому что знаю: это именно она – та самая – единственная, та самая, без которой я уже не смогу ничего продолжить в своей жизни, та, без которой уже не будет ни меня, ни мира вокруг... Та, ради которой и были все остальные «до» и «после» нее. «До» – ради того, чтобы прийти к ней, а «после» – чтобы забыться, обмануть себя, предать мою память, совесть и патологическую привязанность к ней... моя нарисованная мечта... та, которую я люблю... слепо, отчаянно и бездумно... И сейчас я уничтожаю ее... уничтожаю только потому, что больше не нахожу ни в себе, ни вокруг себя ничего более сильного и выразительного, чем моя разрушительная привязанность к ней...

Я не боюсь проиграть и унизиться, я боюсь остаться ни с чем – без нее. Уничтожая ее, я уничтожаю себя... и ее в себе. Я пошел самым простым путем – сжег все мосты за спиной и пошел навстречу избавлению... навстречу ей... чтобы попытаться проиграть вместе... Я уничтожаю нас обоих... Уничтожаю, даже не отдавая себе отчета как. Просто чувствую, что любое мое действие несет на себе печать разрушения... У меня не так много времени: наши отношения уже давно остановились где-то на грани, еще чуть-чуть – и последние нити, связующие нас, оборвутся со страшным треском. Именно поэтому я и спешу – время, как всегда, мой постоянный противник, немой упрек и одновременно вызов всему моему существованию. Именно поэтому я спешу... спешу разрушить как можно больше...

В моем мире есть только один человек, перед которым мне по-настоящему стыдно и в чьи глаза я смотрю лишь изредка, чтобы противопоставить хоть что-то себе и своему деструктивному синдрому. Там, на фотографии, ему всегда будет чуть больше полутора лет. Маленький мальчик с тоскливым недетским взглядом, словно еще тогда он знал, что случится со мной позже. Тогда ему было год и восемь месяцев... Человек, которого я бессовестно и непоправимо обманул.

На той фотографии я сам. Наверное, уже тогда я чувствовал, что стою не на том пути, но предостеречь себя смог лишь годы спустя, когда было слишком поздно. Когда понял, что на самом деле значил тот взгляд...

А впрочем, этот взгляд лишь мое предположение, очередной из моих, пусть и долгоиграющих, стереотипов. Когда-то давно воображение сыграло со мной нелепую шутку, а я, подчиняясь его новой прихоти, занес ее в список своих

аксиом. Тогда было удобнее считать именно так. Со временем я смирился с юношескими фантазиями. Почему нет? Еще один отшлифованный временем миф...

...Еле слышным фоном уже третий час надрывают тишину комнаты и мое спокойствие голоса Роберта Джонсона и Трейси Чапмен... пока я медленно уничтожаю ее и себя. Себя физически и ее как личность. Или наоборот. А может, и то и другое сразу...

БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

...Тяжелее всего было зимой, в морозы. Бетонные стены покрывались инеем, переливавшимся в свете мутной электрической лампочки, ныла несуществующая уже почти двенадцать лет нога.

Тогда он натягивал на себя все тряпье, что у него было, ложился на грязный, в желтых разводах матрац, накрывался дырявым одеялом и молча наблюдал за клубами белого пара, вырывающимися из рта.

Эти стены давили на него, особенно поначалу, когда, пьяный, он бросал им обвинения односложным матом... Но они понимали и всегда угрюмо, виновато молчали. Постепенно он свыкся с ними и часто, сам того не замечая, радовался мысли о возвращении в свой подвал и вечернем отдыхе в полной тишине и изоляции.

В углу на ящике стояла початая бутылка водки. Рядом с ней – полбуханки черствого хлеба. На сегодня ему должно было хватить.

Он не выходил отсюда уже двое суток, прячась от холода и греясь одной лишь водкой. Человек без прошлого и будущего – последним и, пожалуй, единственным доказательством его существования был он сам.

Вокруг все неуловимо менялось каждый день. В глубине души он чувствовал, даже знал наверняка, что его предел где-то рядом. Еще совсем недолго. И тем не менее он боялся перемен даже в мелочах. Перемены несли новое, далеко не лучшее новое, он не мог доверять ему. И только водка оставалась чем-то неизменным все эти годы, гася боль и даря временное забвение. С ней рука об руку шла и цель каждого дня – достать ее хоть сколько-нибудь, только бы не вернуться в подвал пустым – цель всей его оставшейся жизни.

Последней нитью, связывающей его с прошлым, была черно-белая армейская фотография, уже перетертая на сгибе. Он прикрепил ее к стене над ящиком, покрытым засаленным куском картона, служившим столом. Ночью он выбрался на улицу, доковылял до ближайшего киоска, в полутьме негнушимися пальцами на ощупь нашел выплунутые кем-то жевательные резинки, потом долго в подвале разжевывал окаменевшие комочки и, придав им гибкость, прилепил на них фотографию.

И все это после того, как неожиданно проснулся в слезах от снов, наполненных войной и болью, чувствуя, что уже почти потерял человеческий облик.

На фотографии их было пятеро. Вернулся только он. Четверо остались там, на Саланге. Четверо и его нога.

Сейчас он никому не нужный калека. Всеми забытый. В тридцать один год...

Он всегда пил вместе с ними и рядом с ними. С каждым последующим стаканом его язык все больше развязывался. Он плакал и ругался, в пьяном угаре обвиняя их в предательстве, в том, что не взяли с собой, в том, что из-за них он

стал калекой. Но чаще клялся, обещал, что это именно и есть последняя бутылка и что будет жить за них всех, заработает денег и поставит им памятник. Таким, какими они были на фотографии, – молодым и здоровым...

Пить запоями он начал еще в госпитале, после выписки, не имея денег, стал пропивать все, что у него было. Нигде не работал и даже не пытался хоть как-то устроиться в жизни, убедившись после нескольких попыток в тщетности своих усилий.

Точки отсчета, когда он безвольно покатился по кривой, не было, хотя, даже не признаваясь себе, долго еще краснел, вспоминая, как пропил две свои медали...

Он встречал многих таких же, как он сам. В рваной, провонявшей помойкой одежде они крутились возле рынков и вокзалов, воруя всякую мелочь или кланча деньги. Не раз он напивался с ними до беспамятства, затевал драки, часто просыпаясь с разбитым лицом и кровоподтеками на теле. Иногда он завидовал им, наблюдая, как они ели – боясь уронить хоть крошку, сжимали хлеб в потрескавшихся ладонях, словно это был последний кусок в их жизни. Он не ценил того, что имел, и никогда не думал о будущем, отдавая все силы текущему моменту и одновременно живя в прошлом, пока, наконец, не разучился делать даже это. Просто молча смотрел на фотографию и пил, не закусывая.

Теперь дни были похожи один на другой. Когда-то каждый был наполнен ожиданием перемен к лучшему. И хотя тихий предательский голос шептал о том, что свою жизнь он уже проиграл, тормозя все попытки к действию, он все же верил в возможность все начать сначала, и это как-то держало на плаву, пока однажды утром он не смог вспомнить, какой сейчас месяц и даже какое время года, осознав вдруг, что давно уже для него дни и ночи отличаются только количеством света и тьмы.

Никто не считался с ним, но все, кто знал его, опасались его непредсказуемого нрава, угрюмого молчания, ощущая исходившую от него постоянную угрозу.

И сейчас не только из-за мороза он не выходил из подвала. До сих пор ныли отбитые ребра. Одно, наверное, было сломано: при каждом глубоком вдохе правое легкое пронзала резкая боль...

Три дня назад под вечер он сидел в центре города с картонной коробкой для мелочи перед собой. Какой-то здоровый бритоголовый парень, проходя мимо, презрительно кинул, не глядя в его сторону: «Затрахали уже эти козлы. Сидят по всему городу...» И он, слышавший такое не раз, обычно равнодушный ко всему, не выдержав, неожиданно для себя самого взорвался. То оскорбление полностью перечеркивало его жизнь и делало напрасными все смерти – последнюю иллюзию, с которой он не мог и не хотел расстаться, благодаря которой он еще жил и помнил о своих друзьях, последнее его убежище. «Заткни свою пасть, урод!» – «Чего?!» – «Заткнись, я сказал!»

Он никогда не просал унижений, встречая обидчиков поодиночке и избивая жестоко. Со временем его перестали трогать и обходили стороной.

...Парень сделал сразу две ошибки – подошел и оскорбил еще раз. Что было сил он ударил его костью между ног и, когда тот упал, корчась от боли в паху, ударил второй раз, целясь в висок, но только рассек бровь...

...Они били его минут пятнадцать, потом он потерял сознание, а когда очнулся, долго не мог пошевелиться, глядя в звездное небо, такое же чистое, как в Афгане...

Не было ни бессильной ярости, ни бешенства. С тех пор, как стал калекой,

он никогда не побеждал, но каждый раз с тупым упрямством бросался в драку. Ни на что не надеясь, с отчаянием обреченного. Накопленное на войне требовало выхода, терзая нерастраченной злостью.

Что он делал тогда? Была ли его нынешняя жизнь платой за те смерти и грехи в Афгане? Сколько человек убил он там? Десять? Двадцать? Его ли были те пули, что поставили точки в чужих жизнях? Те несколько расстрелянных семей, тот пацан, что кинулся на него с ножом, которого он застрелил в упор. Они никогда не снились ему, он почти не вспоминал о них. Лишь иногда, чтобы убедиться, что война не была сном и что в его жизни были не только эти стены, голод и водка. Он не жалел их. Он жалел себя, свою поломанную судьбу и тех, что до сих пор улыбались ему с фотографии.

В такие моменты он острее, чем когда-либо, ощущал свою обреченность и одиночество. Кутаясь в одеяло, он пытался поскорее заснуть, зная, что утро уже не будет казаться таким безнадежным, как вечер. Вся ненависть, ни к кому конкретно не обращенная, сосредоточивалась в грязных ругательствах, выражающих презрение ко всему окружающему.

Он никогда не просил и ничего не давал в долг. Даже побирался молча – ставил перед собой картонную коробку и наблюдал, как та постепенно наполняется мелочью. Он ненавидел всех без исключения, презирая жалость бросавших ему подачки.

Однажды он почувствовал в себе что-то новое – внутреннюю силу, возможность измениться. Не пил два дня, копил спокойствие, стараясь свыкнуться с мыслью о переменах. Потом еще целый день сидел возле церкви, не решаясь войти. Но в конце концов пересилил себя и уже под вечер вошел внутрь, удивляясь тишине и незнакомым дурманящим запахам. Церковь была пуста, лишь откуда-то из дальних помещений доносились приглушенные голоса. Он подошел к первой иконе и провел рукой по гладкой стеклянной поверхности, ощутив неожиданный прилив спокойствия. В этот момент из боковой двери вышли двое служек в рясах и, увидев его, замерли на месте, потом почти насильно поволокли к выходу и уже на улице грубо посоветовали никогда не заходить в храм Божий. «Шатается тут всякий сброд...»

В этот вечер он напился в одиночестве, ругая матом и Бога, и «всю церковную сволочь». Позже ему не однажды случалось бывать рядом с храмом пьяным, но никогда больше он не заходил внутрь, свирепо глядя на набожных старух, которые, крестясь и шепча молитвы, в испуге шарахались от него.

После госпиталя он остался в Москве. Возвращаться домой одноногим не решился. Была уже середина лета восемьдесят восьмого. По госпиталю упорно ползли слухи, что войска скоро выведут, некоторые части уже уходили из Афгана. Было вдвойне обидно: подрваться в конце войны, на случайной мине...

Была смутная надежда осесть в городе, как-то устроиться, но с самого начала он пустил все на авось, надеясь, что шанс сам найдет его. Спал на вокзалах и в городских парках, проедая и пропивая свои вещи и ту мелочь, что еще оставалась.

Он отчетливо помнил тот день, когда в палату принесли их солдатскую зарплату, а некоторым – деньги за ранение. Офицера из финансового отдела с начальной улыбкой на лице. Помнил, как постоянно молчавший парень (если бы не врач, называвший всех по именам, никто бы и не знал даже, как его зовут) тупо, непонимающе смотрел на несколько купюр, потом сжал их в кулаке и что

есть силы ударил прямо по той ухмылке и еще долго бил ногами свернувшегося на полу в комок хрипящего от боли и страха капитана, пока парня с остеклевшим взглядом, трясущегося в припадке бешенства, не отташили до смерти перепуганные врачи и медсестры...

Спустя неделю он встретил старика-бомжа. Именно старик привел его в этот подвал, накормил и познакомил с жизнью, о которой он знал только понаслышке. Подвал находился в новом высотном доме, и их не раз пытались прогнать оттуда, но они упорно возвращались назад. Постепенно даже участковый махнул на них рукой, просто перестал обращать внимание.

Старик умер через два года...

...Несколько дней он ходил по районным комитетам, заходил к участковому, но его отовсюду гнали, даже не выслушав. Тогда он похоронил старика в том же подвале. Рыл землю палкой и выгребал руками...

С тех пор он начал пить каждый день, полностью разочаровавшись в людях, ненавидя государство и город, в котором жил. Пил в ущерб себе, иногда вспоминая, что не ел почти ничего несколько дней. Старик был единственным близким ему человеком, но спустя годы он вспоминал о нем все реже. Память надолго застряла в Афгане, пока, наконец, он не начал забывать и о нем... Медленно плыл от утреннего похмелья к вечернему, выползал на улицу, ждал, пока наполнится мелочью коробка, и тут же пропивал собранное.

Каждое пробуждение, вырывавшее из бессвязных снов, успокаивало определенностью предстоящих часов. Он сразу тянулся к окуркам, подобранным накануне, выкуривал несколько штук и подолгу отхаркивал затем желтую со сгустками крови слюну.

Хотелось еще раз дожить до весны. Просто дожить, почувствовать запах апреля, горький вкус набухших на деревьях почек, увидеть мелкие резные листья... Даже умирать весной было не так обидно. Продержаться еще пару месяцев, дождаться настоящего обжигающего солнца, а там – плевать... Что будет – то будет...

...Он высунул руку из-под одеяла, подтянул к себе бутылку и сделал несколько глотков. Водка даже не обожгла давно задубевшее от алкоголя горло, но в желудке потеплело. Он сделал еще несколько глотков. По телу медленно разливалось тепло. Старые, полустертые в памяти ощущения лета, палящего солнца, раскаленного песка и резкого очертания гор на фоне бесконечного неба...

Избавляясь от наваждения, он потряс головой и выполз из-под одеяла. Воздух с остервенением вырывался из простуженных легких и бледно-молочным паром поднимался к потолку.

Он оперся на костыль, встал на ногу и обессилено откинулся на стену. «Ничего, ребята, бывало и похуже». Впервые за многие месяцы он улыбнулся им, весело скалившимся ему со стены. «Только бы дотянуть до весны...»

АННА

– Извините, – она удивленно повернула лицо и посмотрела ему прямо в глаза, – можно к вам под крыло? – на мгновение ему показалось, что сейчас он услышит что-то резкое, но она лишь утвердительно кивнула, задержав взгляд на каплях дождя, стекающих по его лицу, на поднятом воротнике сырого уже

пиджака, сгорбленных от холода плечах и глубинном веселом блеске глаз.

– Залазьте... – она слегка подвинулась, уступая место под зонтом.

Он протянул руку:

– Давайте я понесу...

Она покорно отдала ему зонт, улыбнулась чему-то и покачала головой.

– Вам в какую сторону?

– А вам?

Он весело улыбнулся.

– Пока не знаю...

– А когда узнаете?

– Когда скажете, в какую сторону вы едете.

– С чего вы взяли, что я вам скажу?

– Ну не скажете... Бог с вами... Значит, покажете...

– Это еще почему?

– Ну не бросите же вы меня под дождем... без зонта!

– Ну хорошо... А как будете возвращаться?

– Возьму у вас зонт, а завтра завезу.

– Это что, шутка?

– Какая же шутка? Вполне нормальное желание – не промокнуть до нитки.

Не думаете же вы, что я его присвою?

– Откуда же я знаю? Мы ведь даже не знакомы, – она вдруг улыбнулась, и в глазах ее, как в лужах после дождя, заиграли огни фонарей.

Он посмотрел на ее влажные губы, ямочки на щеках и на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл, спокойным и очень серьезным голосом произнес, глядя на ее губы:

– Зря вы улыбнулись.

– Почему? – она неожиданно нахмурилась, не в силах угнаться за перепадами его настроения.

– Теперь я вас точно не брошу...

– А если меня встречает муж?

– Да не врите, никто вас не встречает...

– Вот те на! С чего это вы взяли?

– Не знаю... Только никто вас не встречает.

Она опять загадочно улыбнулась и посмотрела на пустую мокрую дорогу, уходящую вниз к реке, и огни противоположного берега, размытые серой пеленой дождя. Лужи еще мелко дрожали от падающих капель, все сильнее пахло сырой землей и опавшими, гниющими уже листьями.

Он посмотрел на ее точеный профиль, немного широкие скулы, крашенные белые коротко стриженные волосы в каком-то ухоженном беспорядке.

– Не бойтесь?

– Чего?

– Ночью... одна... без мужа... Уже почти двенадцать.

– Нет...

– Меня зовут Игорь.

Она опять улыбнулась:

– У вас так всегда?

– Что именно?

– Без перехода... От одного к другому.

– Не знаю... Не обращал внимания... Наверно, постоянно.

– Ну, тогда меня зовут Анна.

– И куда же вы идете ночью, Анна, совсем одна? – Она подняла на него глаза и улыбнулась, и он почувствовал то же, что и пару минут назад – что влюбился и уже боится потерять то, чего еще не приобрел. – Если не секрет, конечно, – добавил торопливо, опасаясь получить насмешливый ответ.

– С работы.

– В двенадцать ночи?!

– Да... в двенадцать ночи.

– Не хочется о работе?

– Не хочется, – она опять улыбнулась.

– Господи, и что у вас за улыбка!

– И что у меня за улыбка?

– Не знаю даже, как объяснить... – он запнулся, не в силах оторваться от бликов фонарного света в ее глазах.

Она милостиво согласилась:

– Ну раз не знаете, то не объясняйте, – улыбка не сходила с ее губ.

Они приблизились к очередному фонарю. Теперь блики заиграли на ее губах. Он замер на мгновение, борясь с желанием без предисловий и долгих окольных фраз обнять ее и зарыться лицом в невообразимый беспорядок на ее голове. Затем прикусил изнутри губу и осторожно, унимая искушение, засмеялся, предчувствуя, что она не поймет. Или испугается. Да и сам он не решится. По крайней мере, прямо сейчас.

– Не буду...

Она чуть прищурила глаза, читая на его лице отголоски одолевающих его чувств.

– И откуда же вы идете так поздно, Игорь? – подстраиваясь под его тон, добавила она насмешливо-многозначительно и улыбнулась.

– Черт его знает... Шатаюсь без толку...

– Ночью?

– Ночью...

– Совсем без толку?

Он пожал плечами:

– Совсем.

Они уже стояли на пустой остановке. Редкие машины проносились мимо, разбрызгивая осколки света. Дождь почти утих, и стало ощутимо тихо.

– Простудиться не боитесь? – она вдруг протянула руку и медленно провела пальцами по его мокрым волосам.

– Нет, не боюсь.

– И успешно? – она опустила глаза, растирая между пальцев капли воды.

– Что именно?

– Шатания без толку...

– Сегодня – да.

– Это не в связи со мной?

– Да...

– Смотрите, компания из меня никудышная...

– Меня устраивает... Да и черт с ними, с компаниями. Может, я от них и прячусь в городе по ночам.

– И часто прячетесь?

– Часто.

- И под дождем тоже?
- И под дождем...
- А почему без зонта? – она помедлила секунду и с усмешкой добавила: – Чтобы был повод под крыло попроситься?
- Нет, это случайно...
- Что именно? Без зонта? Или под крыло? – она хитро прищурилась, наблюдая его замешательство.
- И то и другое...
- Понятно... – она подняла глаза на пустую дорогу.
- Так куда вам, Анна?
- Она назвала остановку.
- Ого!.. И как вы собираетесь добираться?
- На такси.
- Значит, хорошо, что я встретился.
- Почему?
- Потому что я вас и отвезу...
- Давайте лучше выпьем кофе, а доеду я сама.
- И кофе выпьем, и доедем вместе.
- Ну вот, а потом я буду беспокоиться, как вы добрались.
- Вот уж за меня беспокоиться не надо. Со мной ничего не случится...
- Уверены?
- Да.
- Ну хорошо, тогда идем пить кофе.
- Слушайте, Аня, давайте на «ты», хорошо?
- Хорошо...
- Так чем вы все-таки занимаетесь? В смысле – ты... – он таки смутился, оттого что начал первым.
- Работаю...
- И кем?
- Она хотела было ответить, но лишь вздохнула и улыбнулась. Глаза ее опять засияли в свете фонарей. Чувствуя, что опять тонет в ее глазах, уже боясь долгих секунд молчания, он спросил первое, что пришло в голову:
- Все еще не хочется о работе?
- Все еще не хочется...
- И часто так работаете? – он посмотрел на часы.
- Сегодня пришлось задержаться...
- И успешно?
- Успешно... – она усмехнулась, отвернулась в сторону и потянулась в карман легкого пальто за сигаретами.
- Куришь?
- Курю... Иногда.
- Пока она доставала из пачки сигарету, ковырялась в сумке в поисках зажигалки, он молча пожирал ее глазами, чувствуя, что уже переигрывает со своим неумелым восхищением. Точнее, попыткой намеренно показать его.
- Она глубоко затянулась и, не поднимая головы, тихо произнесла:
- Уже сентябрь...
- Да, – эхом отозвался он, – уже сентябрь.
- Она подняла на него глаза, поежилась от сырости, еще раз затянулась и задумчиво посмотрела на сигарету. Он протянул руку, мягко забрал у нее

сигарету и бросил в искрящийся поток воды, несущийся по краю дороги.

– Холодно?

– Да, прохладно...

– Держи, – он протянул ей зонт, нырнул под него и обнял ее сзади. – Сожми кулаки...

Она покорно сделала, как он просил, не поворачивая головы, лишь спина чуть напряглась в неуверенном ожидании.

– Не бойся... – он обхватил ее кулаки своими ладонями, согревая ее руки, прижался губами к ее затылку и нежно выдохнул горячий воздух.

– Так теплее?

– Да... – он почувствовал ее улыбку и осторожно поцеловал ее волосы.

– Извини...

Она мягко освободила свои руки и передала ему зонт. Потом взяла его левую руку в ладони, поднесла к лицу и, словно боясь нарушить зыбкое спокойствие, молча поцеловала ее.

Неожиданно зазвонил телефон. Он механически сунул руку в карман.

– Это у меня... – она потянулась к сумочке, расстегнула молнию и вытащила телефонную трубку.

– Да?... Привет... – лицо ее как-то сразу осунулось. – Все в порядке... Нет... Не могу... – она пристально посмотрела на него. – Нет, я уже около дома... Нет, не хочу... Сегодня нет... Хорошо... Ладно... Нет, не смогу... Звони... Пока... – она отвернулась. – Я покурю, хорошо?

– Хорошо...

Она положила телефон в сумку, вытащила пачку сигарет, но после секундного раздумья положила ее обратно.

– Дождь закончился... – Анна подняла лицо к фонарям.

– Замерзла?

– Да... чуть-чуть.

– Иди сюда... под крыло, – он улыбнулся ей, и она осторожно придвинулась к нему. Он мягко обнял ее и выдохнул горячий воздух ей в затылок. Она поежилась, как от шекотки, и он всем телом снова почувствовал ее робкую улыбку...

...Игорь вернулся мыслью во вчерашний день. Вспомнил ее глаза в отсветах фонарей и от неожиданности радостно улыбнулся: на некоторое время совсем забыл о ней – самом объемном воспоминании последних часов, опять заиклившись на самом себе. «Анна, – мысленно растянул слово и улыбнулся. – Надо же... Анна...» Он закрыл глаза и укрылся с головой одеялом. Чтобы отгородиться от всего мира, пусть даже такой ненадежной стеной. В знакомой себе вселенной... знакомой от края до края...

На следующее свидание он так и не пошел, боясь привыкнуть к ней... к той, которую все равно пришлось бы потерять рано или поздно... о чем свидетельствовал весь опыт предыдущих отношений...

Он грустно улыбнулся про себя... мечту захотелось оставить в памяти мечтой, не утопив ее в реальности... хотя удержаться от звонка и встречи с ней стоило невероятных усилий и душевных терзаний...

...Больше он ее не видел... Разве что единственный раз в городе спустя почти целый год. Да и то издалека...

СИНДРОМ МЕНЕДЖЕРА

То, что не убивает, делает нас сильнее...

...То, что не убивает, действительно чаще всего делает нас мудрее и сильнее, за исключением хронических болезней века прошлого и века настоящего...

Можно долго рассуждать о СПИДе, наркотиках, раковых опухолях с кулак младенца, холестерине и загрязнении окружающей среды... Но все это слишком привычное и обыденное. То, что уже стало частью реальности и воспринимается без должного пиетета. Как и хронический стресс, ставший, как и все остальные «ужасы», уже привычной частью окружающей действительности, а часто и окружающей обстановки... неотъемлемой частью окружающей обстановки...

Естественно, есть группы риска в категории не только и не столько стресса, хроническими носителями которого они являются, но и целого букета прочих болезней, которые, как магнитом, притягивает к себе состояние хронического стресса... Даже более, чем ослабленное состояние организма. Ослабленное состояние психики и, как бы пафосно это ни звучало, духовности гораздо более опасно.

Естественно, первая и основная группа риска, которая приходит на ум – это те самые менеджеры, «белые воротнички», которые, помимо хронической усталости и хронической нехватки времени, постоянно находятся в крайностях – от радикальных переработок в офисах, становясь трудоголиками, до радикальных удовольствий, выработанных той же хронической нехваткой времени – возможностью за минимум времени получить максимальный эффект физической и психологической разрядки. Причем речь здесь идет часто не только об экстремальных видах спорта, но и экстремальных видах секса, экстремальных способах поднятия адреналина в крови и прочих видах экстрима, убивающих ту самую эфемерную «душу» (о наличии которой до сих пор спорят) и разлагающих тело...

Возьмем как пример не те замученные существа в растянутых свитерах и по несколько недель не стиранных джинсах с якобы японскими электронными часами на запястьях за несколько сотен... естественно, не долларов, а всего лишь рублей... часами, купленными в дешевом киоске по дороге от «работы» к дому, у которых в трудовых книжках уже появилась запись «менеджер того-то» или «менеджер по работе с тем-то». Этих менеджеров, у которых обычно не хватает ни ума, ни решимости сделать несколько шагов по карьерной лестнице, пока оставим в покое. Поговорим о менеджерах в западном понимании слова – о сотрудниках крупных компаний, отвечающих за целые направления деятельности и являющихся типичными управляющими на разных ступенях карьерной эволюции.

И, хотя слово «менеджер» и в российской действительности, преломившись о типичные русский юмор, «загадочную» русскую душу и не менее удивительную российскую действительность, уже кардинально изменило свое явное или прямое значение, свернем пока эту тему и вернемся к тем самым настоящим «белым воротничкам» – менеджерам в сорочках из итальянского хлопка (от 100 у. е. за штуку), которые и являются группой, наиболее подверженной стрессу. Той самой группой риска, которая, не являясь количественно преобладающей, определяет направление ментального развития всего бизнес-класса

постсоветского общества, начиная «от» и заканчивая «до».

Так что же такое «синдром менеджера»? Остановимся на самом банальном определении: сотрудник крупной компании, тот самый «белый воротничок», который незаметно для себя самого уже не лично управляет процессами, происходящими в его жизни, а полностью зависит от своей работы, психологически подчинен ей, живет и сгорает на работе (как в прямом физическом, так и в переносном смысле), то есть подчинил свою жизнь исключительно работе, все остальное отодвинул на потом, на второй или даже третий план...

Распознать синдром не трудно даже на начальной стадии... Видите человека, берушего работу на дом? Это он самый... говорящий, что не успел что-то в рабочее время... Он вышел на работу в выходные, когда этого от него не требуется? Это еще одна стадия превращения в корпоративного... нет, пока еще не монстра корпоративного мира, но это еще один из многих тревожных знаков... Некто «он» задерживается на работе до одиннадцати или двенадцати ночи ежедневно, оправдывая это тем, что «дома делать нечего и все равно его там никто не ждет». Пожалуй, это завершающая стадия... И, наконец, когда некто «он» названивает в офис ежедневно, лежа где-нибудь на пляже в Испании, будучи в отпуске, потому что ему что-то не дает покоя и, когда узнает, что все складывается не так, как он планировал, уходя в отпуск, незамедлительно летит обратно в ущерб себе и свободному времени, которого у него и так нет. Он появляется на работе, так и не отдохнув, с желанием устранить ту самую проблему, которая, говоря откровенно, не стоит и выеденного яйца, а тем более его здоровья. Проблему, которую и без него решили бы с успехом... В этом случае следует бить в набат... превращение свершилось... Родился очередной корпоративный монстр... Ното managerus – причудливый тепличный офисный цветок, живущий только в мегаполисах и растущий на благодатной почве корпоративного мира и некоего сомнительного корпоративного духа...

Что с этим делать? Как лечить?.. Рецепта нет и, как ни странно, никогда не будет... И проблема заключается не в ее замалчивании, а в том, что новое время диктует новые стандарты, и спустя несколько поколений нормы сегодняшней жизни, традиции и общественный уклад постепенно станут историей и люди новой формации займут их место... Пока это одиночки. Но одиночки, диктующие моду и устанавливающие новые стандарты жизни... одиночки, которые с течением времени, к счастью или к сожалению, превратятся в миллионы...

Жизнь не терпит черновиков...

Лидолия НИКИТИНА

Сны

Однокласснику Валерию Ткаченко

Кому-то я еще нужна –
Пусть только в снах, хоть иногда!
Столь явных, будто мы в «сейчас»
И век двадцатый не угас.

А там, в далеком далеке,
Юны мы оба, налегке:
Без злых измен, без мглы в душе,
Без слез, бегущих по щеке.

Года не значат ничего –
Их просто нет!
Мечты порхают высоко:
Любви в них свет!

И мы летим за ними вслед
Над пляжем, где так свеж наш след,
Над парком, где играют вальс,
Но средь танцующих нет нас...

В случайном сне, как наяву,
Я руку чувствую твою.
Она – легка! Она – смела!
Чужого нет на ней кольца...

И мы не знаем ничего
Из будущего своего...

Лидолия НИКИТИНА родилась в 1941 г., окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Автор сборников литературных миниатюр «Два шага, чтобы встретиться», «Осенняя элегия», «Зеленые яблоки», «Время женщины», нескольких сборников рассказов, новелл и стихов.

Горит свеча

Горит свеча, душа поет:
Миг расставанья, радость встречи!
Куда любовь нас заведет?
Ужель в тупик, как было прежде?

Сценарий – каждый раз другой,
Но результат – без измененья.
Случайной скуки уголек
Спалит мечты без сожаленья.

Размытый страстью силуэт...
Слова из неги и желанья...
Нет обещанья, лишь намек,
Что эта встреча неслучайна.

От огонька и к огоньку
В потемках бродят наши души...
Не отогреть их никому –
Любовь земная, как ты мучишь!

Без тебя

«Жить без тебя я больше не могу!» –
Сказала я во сне какому-то мужчине.
Он был чуть сед, не очень-то высок,
А взгляд спокойных глаз – небесно-синий.
Как получилось, что, живя в тепле
И видя лишь заботу да вниманье,
Сказала я во сне неведомо кому
Слова любви и горького признанья?
«Жить без тебя я больше не могу!»
Проходит жизнь, а в ней так мало счастья!» –
Во фразе, что услышала в ответ,
Нашла и пониманье, и участие.
«К чему сей сон?» –
Проснувшись среди ночи,
Спросила сиротливую луну.
Но облако закрыло лик унылый
И сердцу стало жутко одному.
«Жить без тебя я больше не могу!» –
Неведомо к кому тоска моя летела.
«Коль ты пришел в мой сон, приходи и наяву!» –
Так незнакомцу говорила смело.
Но гость из сновидения исчез,
Оставив в памяти свою улыбку...

Оберег

Здесь, на Земле,
Ты мне давно не нужен...
А может быть,
В иных мирах Вселенной

Твоя любовь по-прежнему
Нетленна?!
И служит оберегом
для меня?

Не знаю

Я ничего не знаю о себе,
Хотя годов-то прожито немало.
В каких мирах душа моя витала,
Пока не обрела свой кров во мне –
Такой непрочной, слабой, уязвимой,
Забывшей о корнях, судьбой гонимой
От азиатских яблочных садов
К суровым волжским берегам высоким?
Тут стала жить на бровке косогора
В высотном доме с видом на восход.
Здесь каждый уходящий день – утрата
И обретенье смысла бытия.
Ужель расстанусь с этим всем когда-то,
Вновь странствовать отправится душа?
Я ничего не знаю о себе...

Женское счастье

Женское счастье редко встречается –
Как жемчуг бесценный, на дне ведь скрывается.
По сто раз нырнешь за ракушкой манящей.
Створки раскроешь – внутри нет подарка...

Нет боли, наполненной лунной печалью.
Нет зернышка млечного с тихим сияньем.
Ах, женское счастье! Ты – ожиданье!

Афишная тумба

Ветер срывает с тумбы афишной
Клочки объявлений разменов квартирных:
«...в любом конце города, можно в деревне»...
«Пропала собачка – мой друг неизменный»,
«Куплю самосвал, хорошо бы с прицепом»,
«Охрана квартир», «Найму няню на лето»...
Одни продают, а другим что-то нужно.
А мне без любимого очень недужно.
В глазах и душе то ненастье, то стужа.
Нельзя быть счастливой без друга, без мужа.
Афишная тумба! Ты многое знаешь:
Где новый трамвайный маршрут пролегает,
Где можно найти репетитора детям.
А что без любимого делать, ответь мне?
Писать объявление: «Живу в новом доме.
Работа приличная, внешность – тем более!»
Ищу друга жизни – одна, как в неволе я».
Афишная тумба! Мое объявление
Прочесть дай тому, в ком найду утешенье.

Варианты судьбы

В варианте судьбы, где все набело,
Будет муж у меня молчун.
А я стану «звездой» эстрады –
Славу купит мне муж-толстосум.

На банкете случайно встретилась
С толстячком, симпатичным таким!
Через час он решил жениться.
Уверял: буду счастлива с ним!

В варианте судьбы, где все начерно,
Где любой мой поступок – игра,
Я люблю красивого мальчика,
Ну а мальчик не любит меня...

Он твердил про любовь и про звезды...
Без конца говорил, говорил...
Я зажала уши ладонями –
Ни терпенья не стало, ни сил...

Я судьбе совсем не помощница –
Каждый день начинаю с нуля.
Разлюбила красивого мальчика,
А он взял и влюбился в меня!

Где же тот вариант, что набело
Мне судьба предрекла, не скупясь?
Будто стану «звездой» эстрадной,
С муженьком намолчусь своим всласть?

Может, нет никаких вариантов?
Жизнь не терпит черновиков?
Ну а то, что случается – факты,
Относиться к ним надо всерьез.

Сценарий

Я просто чистый лист бумаги,
Который принимает письма,
Ниспосланные мне Галактикой туманной:
В них тайна имени и сложная судьба.
Уверена, сценарий моей жизни
Написан вдохновенной рукой.
Да, он не прост и много в нем страданий,
Но вряд ли б мне понравился другой.

Река

Праздник кончается буднями,
Радость – легкой печалью.
Жизнь не измерить минутами
Ярких, как вспышки, желаний.

Она прорубает русло
В твердой, как сталь, породе.
О, сколько нужно терпенья,
Чтоб сделать его полноводным,

Чтоб родники пробились
На склонах безжизненных гор,
А люди счастливы были,
Любуясь тобой – рекой!

Греза

Мы – в лесу.
Снег венчально ложится на плечи.
Разговор – ни о чем...
А судьба – где-то там, в небесах,
Не спешит зажигать свои свечи.
Удивленье в глазах:
Как могли повстречаться мы двое?
Ведь прошли мимо всех,
Растеряв веру в счастье земное?

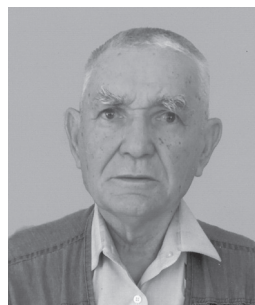
Там, в далеком «давно»,
Опечатав безмолвием души,
Дали слово себе
Посторонних, нелю'бых не слушать.

А сейчас, наяву,
Снег венчально ложится на плечи.
Разговор вдруг пошел о любви.
Распечатаны чувства: мы – встретились!
Где-то там,
В небесах,
Загорелись для нас
Две свечи.

Редакция и общественный совет журнала «Звезда Востока» поздравляют Лидолию Никитину со славным юбилеем, желают доброго здоровья и творческого долголетия!

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Рассказ

Рамиль ИБРАГИМОВ

Группа всадников примерно из десяти человек во главе с Файзуллой-беком возвращалась в свой город, находившийся в юго-западной части ханства. Вчера правитель вилоята встречался с ханом, который наградил Файзуллу-бека халатом со своего плеча, что означало глубокую благодарность властителя своему покорному слуге за победу отряда Файзуллы-бека над отрядом соседнего хана, вторгшегося на территорию ханства с целью грабежа приграничных сел.

Это произошло полтора месяца назад. Слуги сообщили беку, что на сторожевых холмах зажгли костры. Получив известие о вторгшемся неприятеле, Файзулла-бек срочно собрал своих воинов и выступил навстречу врагу. Покидая свой город с наспех собранным отрядом, он не знал о количестве воинов у неприятеля. Правитель вилоята собирался уже на месте встречи с противником принять решение – вступить в сражение, сдаться или бежать вглубь страны. Часто случалось в те времена, что, оказавшись лицом к лицу с превосходящим по численности противником и не имея возможности бежать, мелкие феодалы давали присягу верности новому властителю и вливались в ряды неприятеля.

Оказалось, что просто какой-то сотник войска сопредельного государства решил поправить свое финансовое положение за счет приграничных селений соседей. Разграбив несколько небольших сел и прихватив с собой молоденьких девушек и мальчиков, грабители отправились восвояси.

По мере приближения к неприятелю Файзулла-бек уже составил ясное представление о противнике. От жителей разграбленных селений он узнал о количестве воинов и вооружении неприятеля. Разделив свой отряд на две части, бек решил атаковать врага с двух сторон. И его план удался. Спустя некоторое время, когда сопротивление было сломлено, отряд противника сдался на милость победителя.

Обоз с награбленным, девушек и мальчиков бек распорядился возвратить в разграбленные кишлаки, а пленных врагов разоружить и, надев на них цепи, отправить в близлежащий кишлак. Одного из воинов неприятеля Файзулла-бек

Рамиль ИБРАГИМОВ родился в 1947 г. в Намангане. Окончил Ташкентский государственный педагогический институт иностранных языков (ныне УзГУМЯ). Трудился в разных отраслях народного хозяйства. С 2007 г. – пенсионер. Проживает в Ташкенте.

отпустил на волю, чтобы тот оповестил родных захваченных в плен о необходимости выкупа за своих родственников в течение месяца, ибо после указанного срока те будут казнены или проданы в рабство. Сотник и его помощник, организовавшие это разбойное нападение, в кандалах были отправлены в столицу, их судьбу должен был решить сам властитель.

Конечно же, бек не забыл отправить докладную записку хану, приукрасив свои заслуги и отметив, что эта победа не могла быть достигнута без мудрых советов доблестного хана.

И вот теперь, после надлежащих почестей во дворце повелителя, Файзулла-бек, сверкая новым золотошвейным халатом, не торопясь, направлялся в главный город своего вилоята. Солнце было в зените и напоминало всадникам о необходимости полуденного намаза. Вскоре всадники подъехали к небольшой горной речке, на ее берегу спешили и совершили омовение. Подыскав подходящее место для намаза и обратив свой взор в сторону священной Мекки, путники прочитали молитву и продолжили путь, а Файзулла-бек направил своего коня на невысокий пригорок, чтобы уточнить направление движения.

На вершине холма Файзулла-бек внимательно осмотрел окрестности. К югу располагались холмы, переходящие в высокие горы, к северу по руслу горной речки были видны зеленые поля местных жителей и небольшая тополиная роща.

Внезапно он заметил, что с противоположной стороны холма к нему поднимается одинокий путник. Человек этот был не похож на странствующего дerviша, одежда его, как показалось беку, была довольно необычной для здешних мест: халат почти до земли из черного блестящего материала, на голове вместо чалмы головной убор, напоминающий шляпы китайских купцов.

Путник приблизился к беку и поздоровался. Правителю вилоята представилась возможность внимательно рассмотреть незнакомца. Перед ним стоял очень высокий человек, которому он едва доставал до плеча, ухоженные борода и усы придавали лицу незнакомца странника благородный вид.

– Кто ты, чужестранец, и что делаешь в моих владениях? – грозно спросил Файзулла-бек, решительно схватившись за рукоять сабли.

Вместо ответа странник пристально посмотрел на Файзулла-бека. Когда их взгляды встретились, правитель вилоята внезапно почувствовал неодолимую слабость. Тело стало непослушным, руки и ноги – словно ватными, ему показалось, что он вот-вот рухнет на землю. Чтобы не свалиться с коня, он припал к его гриве и обхватил руками шею. В голове промелькнула мысль: перед ним не простой человек, а посланник Бога.

– Простите меня за грубость, вы, наверно, сам Азраил и пришли забрать мою душу. У меня к вам просьба: дайте добраться до дома и умереть в своей постели, – обессиленно проговорил Файзулла-бек.

Услышав это, чужеземец громко рассмеялся. Этот смех, словно звон тысячи колоколов, отозвался в ушах ослабевшего Файзуллы-бека.

– Вы ошибаетесь, достопочтенный бек, – ответил странник, – я совсем не ангел смерти Азраил. Я человек из далекого будущего, зовите меня просто Захид. Там, где я проживаю, некоторые избранные, к которым я отношусь, имеют способность к телепортации, телепатии и гипнозу. Говоря проще, я могу передвигаться во времени и пространстве, читать чужие мысли и подчинять своей воле других людей. Но я не имею права вмешиваться в ход истории. Я не имею права убивать или спасать кого-либо от смерти, у

меня нет возможности давать советы, которые могут повлечь за собой изменение истории. Несоблюдение этих заповедей может иметь необратимые последствия. Я просто могу исчезнуть.

Захид еще некоторое время говорил об истории и о будущем. Файзуллабек, уже пришедший в себя, внимательно слушал собеседника, но никак не мог понять, на каком из тюркских языков говорит Захид. Это была помесь андижанского, маргиланского, кокандского и ташкентского диалектов – необычная, но приятная для слуха речь. Захид произнес несколько слов, непонятных Файзулле-беку. Это были явно не тюркские слова. Бек изучал в медресе арабский и персидские языки, но не припоминал этих слов. Чтобы не показать своего невежества, он подтверждающе кивал головой.

Правитель вилоята никак не понимал, как люди могут путешествовать во времени, он даже подумал, что перед ним какой-то странствующий индийский факир-кудесник, способный на немислимые чудеса. Рассказ странника о своем мире беку показался откровенным враньем. Неплохо было бы наказать ударами плетью за эту неслыханную ложь. Тут Захид еще раз удивил Файзуллабека:

– Я не индийский факир. То, что я говорю, сушая правда, нет повода для наказания плетью! – произнес Захид.

От удивления у Файзуллабека приоткрылся рот. Он понял, что рядом с этим человеком опасно даже думать и решил изменить тему разговора.

– Извините, уважаемый Захид, а кто в ваше время сидит на троне? Потомки ныне властвующего хана или кто-то другой?

– У нас уже давно нет падишахов, ханов, султанов, беков и других правителей, которые могли бы вершить судьбы людей, – улыбнулся Захид. – Прошло много времени, пока мы достигли такого положения. Произошло много разрушительных войн, которые унесли огромное количество людей. Но народонаселение земли все же постоянно росло, пока не достигло критических значений. В мире постоянно происходили изменения: появлялись и исчезали новые государства. В этих государствах люди, пришедшие к власти, крепко держались за нее, некоторые даже пытались создавать династии. Однажды произошла катастрофа, в результате которой погибло почти все живое на земле. Но человечество выжило и сохранило все необходимое для продолжения жизни на Земле. Когда люди поняли, что Земля у них общая, они стали объединяться и создали одно государство. Затем человечество научилось регулировать свою численность, кроме прочего, познало искусство выявления характера каждого человека еще до его рождения.

– Я прошу прощения, что прерываю ваш сказочный рассказ, но я никак не пойму одного: если у вас нет предводителей, кто же управляет чернью? Если за ней не присматривать, она постоянно будет бунтовать против своих господ, и тогда польются потоки крови, – недоуменно произнес Файзуллабек.

– Дорогой бек! В нашем обществе нет ни «белой», ни «черной» кости. Все мы равны. Каждый имеет одинаковые права и обязанности. Большую часть работы за нас выполняют устройства, созданные нами. Так что у нас достаточно времени, чтобы заниматься творчеством по интересам. Для ведения наших общих дел мы назначаем людей, действующих в соответствии с честью, совестью и порядком, установленным в нашем обществе. Каждый имеет право контролировать работу наших избранных. В случае, когда выявления в их действиях корысти, использования полномочий не на благо людей,

назначенные нами люди лишаются права жить на нашей планете.

– Вы их убиваете? – спросил Файзулла-бек.

– Нет, уважаемый бек. В нашем обществе убийство запрещено. Таких людей мы отправляем на другие планеты, – ответил Захид.

– О всемогущий Создатель! – удивленно воскликнул правитель вилоята. – Неужели такое возможно? Вот бы хоть одним глазком взглянуть на будущее!

– Мне кажется, что такое возможно, достопочтенный бек. Но мы не можем перенестись в мое время. Будет такая огромная нагрузка, которую ваш мозг может не выдержать. Я могу переместить вас только на ближайшие 150 – 160 лет. Это может состояться только при условии, если вы пообещаете, что не будете принимать никаких опрометчивых решений и никому не причините вреда, – произнес Захид.

Файзулла-бек почувствовал неожиданный прилив радости. Он видел немало гадальшиков, которые предсказывали будущее возле мечетей, медресе, кладбищ, на базарах. Эти предсказания в большинстве случаев оказывались ошибочными. А тут ему предоставляется возможность своими глазами увидеть жизнь потомков.

– Я готов поклясться на священном Коране, что буду выполнять все ваши указания, уважаемый Захид, – сказал правитель вилоята и потянулся к кожаной сумке со Священной книгой, которая была спутницей во всех его походах.

– Тогда не будем терять времени! Чтобы попасть в будущее, я должен передать вам часть своей энергии. Вы должны крепко взять меня за руки и не отпускать, пока не почувствуете под ногами опору. Если оторветесь от меня, вы потеряетесь во времени, и я не смогу найти вас. Если вы готовы, начнем, – сказал Захид и протянул руки.

Файзулла-бек прочитал короткую суру из священного писания и вытянул руки в сторону чужеземца. Захид схватил ладони правителя в замок, и тут с беком стало происходить что-то невероятное. Голова, как показалась Файзулле-беку, стала набухать, его выбросило из седла, от страха он прикрыл глаза.

Воины Файзуллы-бека, поджидая предводителя, не спеша двигались в сторону родных мест. Один из слуг, который всегда отличался любопытством, решил посмотреть, чем занимается его хозяин. Он развернул коня и всмотрелся в вершину холма. Пред ним предстала такая картина: правитель вилоята сидит на коне, а рядом стоит какой-то высокий незнакомец в черном одеянии. Хозяин и незнакомец держатся за руки.

Всадник поспешил догнать сородников, чтоб рассказать об опасности, грозящей их хозяину, но, подумав, что ни борьбы, ни признаков злобных действий между хозяином и незнакомцем нет, слуга развернул коня и посмотрел на вершину. Дикий ужас охватил беднягу. На вершине одиноко стоял лишь конь хозяина. Он закрыл лицо ладонями и стал судорожно молиться: «Агузи билахи мина шайтани ражим. Бисмилахи рахмани рахим».

Файзулла-бек не мог понять, что с ним творится. Ему казалось, что он падает в бездну. Голова гудела, в ушах стоял пронзительный свист. Со страху он крепко вцепился в руки Захида. Наконец все прекратилось, и он почувствовал под ногами опору. Правитель вилоята отпустил руки своего спутника и нерешительно открыл глаза. Файзулла-бек и Захид стояли посреди комнаты.

«Странная комната, – подумал Файзулла-бек. – Она хоть и большая, но в ней невозможно пройти без риска задеть что-либо». Правителя вилоята удивило также обилие книг. С двух сторон располагались шкафы, набитые до

самого потолка различными по величине и цвету книгами. Файзулла-бек никогда не видел такого количества книг. На стене возле двери висел огромный черный прямоугольник. Здесь было много вещей, предназначения которых бек не знал. Он не мог понять, зачем в комнате два стола – один большой, стоящий посередине, второй поменьше. На большом столе – стеклянная ваза с цветами, на маленьком – в беспорядке книги, тетради, листы бумаги, какие-то предметы, которых Файзулла-бек никогда не видел.

– Как я вам и обещал, мы перенеслись на 160 лет в будущее и находимся в комнате, которая принадлежит одному из ваших потомков. Вы пробудете здесь целый день, а вечером мы возвратимся в ваше время. Сейчас, с вашего разрешения, я удалюсь. Мне необходимо выяснить кое-что в прошлом, – сказал Захид и мгновенно исчез.

Оставшись в комнате один, Файзулла, раздвинул занавески, выглянул в окно и отпрянул назад. Представшее перед его взором было совершенно не похоже на город, в котором проживали правоверные мусульмане. Напротив, через дорогу, стоял огромный дом с девятью рядами окон снизу доверху здания. Дом был таким длинным и высоким, что даже дворец властителя государства казался в сравнении с ним жалкой хижинкой бедняка. Дорога была далеко внизу, по ней с огромной скоростью мчались какие-то белые, черные и других цветов коробочки и коробки. Увиденное изумило его и напугало. Он не знал, как это все воспринимать: как сон или явь?

– Извините, уважаемый, кто вы? Как сюда попали? – неожиданно услышал позади себя голос Файзулла-бека.

Он повернулся и увидел стоявшего у входа в комнату пожилого мужчину. «Наверное, хозяин дома, – подумал бек, – интересный у него вид». Перед пришельцем из прошлого стоял мужчина среднего роста, слегка полноватый, лет семидесяти, в пижаме и домашних тапочках. На голове взлохмаченные седые редкие волосы, на подбородке – седая коротко стриженная бородка, под глазами – мешки. «Наверное, результат постоянного недосыпания», – подумал Файзулла-бек.

Не дожидаясь ответа, хозяин дома вынул из кармана пижамы очки и подошел к окну, чтобы рассмотреть пришельца.

– Как я понял, вы снимаетесь в каком-то историческом фильме и явились ко мне, чтобы проконсультироваться по поводу одежды. А я, старый болван, забыл закрыть на ночь входную дверь, – начал размышлять хозяин дома, рассматривая стоящего у окна человека в золотошвейном халате, чалме и полной боевой экипировке. Вдруг хозяин дома изменился в лице:

– Но все, что на вас, – не театральные реквизиты. Это оригиналы. Они изготовлены в девятнадцатом веке... Такие раритеты есть только в отделе прикладного искусства ташкентского музея искусств. И даже оружие не бутафорское, а самое что ни на есть боевое. Сейчас же признавайтесь, где вы все это взяли? Как вас зовут?

Многое из того, что было сказано хозяином дома, Файзулла-бек не понял, но до него дошло, что хозяин дома сомневается, что его имущество принадлежит ему, беку. Первое, что пришло в голову Файзулле-беку, – вытащить саблю и отрубить голову этому дерзкому человеку, обвиняющему его в воровстве. Но в следующее мгновение он вспомнил совет Захида не принимать скоропалительных решений.

– Извините, но вся одежда и оружие принадлежат мне. Между прочим, этот

чудесный халат я получил в награду из рук нашего славного властелина Коканда Худоярхана, да дарует Аллах ему долгих лет жизни! Конечно, наш хан еще молод, и всеми делами управляет доблестный предводитель кипчаков Мусульманкул. Мое имя Файзулла-бек. Я правитель Уратюбинского вилоята, – произнес Файзулла-бек.

– Пойдите, пойдите. Какой Худоярхан? Какой Мусульманкул? Они жили в девятнадцатом столетии, а на дворе уже двадцать первый век, – недоуменно воскликнул хозяин дома.

– Вы ошибаетесь, уважаемый. Мы живем в тринадцатом веке после переселения нашего Пророка – да благословит Аллах его имя! – из священной Мекки в Медину, – перебил Файзулла-бек хозяина дома.

– Вы правы. По лунному календарю (хиджре) сейчас действительно тысяча четыреста тридцать первый год. Вы знаете, мы уже давно живем по солнечному календарю. Если в Арабистане, где создавался лунный календарь, не имело значения, по какому календарю жить, то здесь этот календарь приносит некоторые неудобства. Странно, но все: и ваш диалект, и одежда – доказывает, что вы действительно явились сюда из далекого прошлого. В данный момент Ура-Тюбе находится на территории суверенного Таджикистана. И этот город не главный в вилояте. Так что там нет бека. Причем уже давно. Выходит, если вы реальный Файзулла-бек, то приходите мне прапрадедом. Мой дед Мумин ваш внук. По документам, которые я нашел в архиве, он сын Сабира, сына Файзуллы, бывшего Уратюбинского бека. Давайте знакомиться. Я Кудрат Пулатович Муминов, историк, действительный член Академии наук нашей республики. Но позвольте спросить, как вы попали в наше время?

Хоть и старался поверить в происшедшее хозяин дома, но ему казалось, что у него галлюцинации и что он принимает желаемое за действительное. Для уверенности он потрогал халат пришельца и убедился, что это реальность.

– Ты с кем это разговариваешь? – раздался женский голос из соседней комнаты.

В комнату вошла худая пожилая женщина с коротко стриженными рыжими волосами. На ней был красивый цветастый парчовый халат. Файзулле-беку показалось странным, что голова хозяйки дома не покрыта платком и женщина вышла к мужчинам без разрешения. Женщина бросила пренебрежительный взгляд на гостя.

– Опять всяких бомжей приводишь домой! Не дом, а проходной двор, – проворчала старуха. – Когда все это прекратится?

Файзулла-бек не понял ничего из сказанного хозяйкой дома, потому что она произнесла все это по-русски, но в глубине души он почувствовал, что женщина сказала что-то недоброе о нем.

– Кудрат, что сказала эта Ялмауз-кампир? – тихо спросил хозяина дома пришелец.

Хороший слух хозяйки дома, не присущий женщинам ее возраста, сразу же уловил слова Файзуллы-бека. В воздухе запахло грозой.

– Я тебе покажу, кто Ялмауз-кампир, бомж проклятый! – нахмурив лицо, произнесла хозяйка дома и, засучивая рукава своего халата, воинственно двинулась к стоящим у окна мужчинам.

На этот раз Файзулла-бек услышал от женщины узбекскую речь, но не понял слово «бомж». Кудрат Пулатович, увидев воинственность жены, решил во что бы то ни стало предотвратить столкновение. Он быстро направился

к жене, словно разъяренный бык, и, взяв ее за предплечья, развернул на 180 градусов.

– Успокойся, Маша, – тихо сказал по-русски Кудрат Пулатович, отводя под руку жену в сторону двери. – Я тебе все потом объясню.

Мариам-опа (так на самом деле звали женщину) хотела еще что-то сказать, но, осознав строгость мужа, решила промолчать и безмолвно покинула комнату.

Кудрат Пулатович довел жену до выхода и прикрыл за ней дверь, на несколько мгновений задержавшись у закрытой двери.

Академик вспомнил события сорокапятилетней давности. Молодой аспирант возвратился в родной город из археологической экспедиции в Сурхандарьинскую область. На раскопках древнего поселения, которые проводились под руководством всемирно известного ученого из Москвы, были найдены предметы, подтверждающие теорию, высказанную молодым ученым.

На ступеньках у входа в университет Кудрат в первый раз увидел свою будущую супругу. Возле доски объявлений с результатами вступительных экзаменов стояла хрупкая заплаканная девушка. По ее виду можно было догадаться, что она из какого-то далекого горного кишлака. На голове у девушки была простенькая косынка, из-под которой опускались две черные, как смола, косы. На ней было ситцевое платье с шелковыми штанами типа «лозим», украшенное снизу декоративным украшением «жияк», на ногах – какая-то непонятная обувь, что-то среднее между тапочками и резиновыми калошами.

Кудрату стало искренне жаль рыдающую девушку, и он решил помочь ей. В этом же году при его содействии она поступила на подготовительное отделение университета и поселилась в общежитии. А чтобы как-то сводить концы с концами в большом городе, она подрабатывала вечерами уборщицей в одном из учреждений Ташкента.

Часто встречаясь с Мариам, молодой аспирант стал симпатизировать скромной и немногословной девушке. Вскоре эта симпатия переросла в любовь. Уже через год после первой встречи Кудрат послал сватов к ее родителям. И с тех пор она была верной помощницей в его делах. Мариам делила с Кудратом все радости и невзгоды, воспитывала детей и создавала условия для плодотворной работы. То, что он достиг больших высот в науке, было во многом ее заслугой.

Но как она изменилась за это время! Из скромной кишлачной девочки она превратилась в капризную и шепетильную светскую даму. В те далекие годы она не знала ни одного слова по-русски, а сейчас очень редко обращается к своему родному узбекскому языку. Дети разговаривают исключительно на русском языке, знают английский, но абсолютно не хотят говорить по-узбекски. Старший сын вообще после окончания аспирантуры остался в Москве и занимает там важный пост в каких-то финансовых структурах. Академик не желал вмешиваться в дела своих детей. Он считал, что главное для них он сделал: дал им жизнь и образование. Остального они должны достичь без его участия.

Кудрат Пулатович так бы и стоял, предаваясь воспоминаниям о прошлом, но скрип кожаных сапог пришельца из прошлого заставил его вернуться в настоящее. Он подошел к Файзулле-беку и собрался задать какой-то вопрос, но, вспомнив что-то, взглянул на наручные часы.

– Ой, совсем забыл! Один из соседей дает утренний плов по случаю выдачи замуж дочери. Он убедительно просил меня быть на этом мероприятии. Не

желаете ли составить мне компанию? – спросил хозяин дома.

– Почему нет? Мне интересно узнать, как пируют сейчас. С удовольствием принимаю ваше приглашение, – ответил Файзулла-бек.

– Тогда подождите меня несколько минут. Я надену другую одежду, – сказал Кудрат Пулатович и вышел из комнаты.

Файзулла-бек остался у окна, рассматривая улицу. Его поразили большие деревья, которые росли по обеим сторонам улицы. Некоторые виды деревьев были ему незнакомы, но чинары и тополя произрастали и в его время в горах, что неподалеку от Ура-Тюбе.

Минут через десять в комнату вошел Кудрат Пулатович. На нем были черный костюм, белая рубашка и цветной галстук, на голове – прекрасно вышитая тюбетейка из зеленого бархата.

– Ну все. Я готов. Только саблю, кинжал и топорик оставьте дома. У нас запрещено носить оружие, кроме как военным и милиционерам.

Гость снял с себя оружие, положил в кресло и направился к двери. Вдруг он остановился и вопросительно посмотрел на хозяина дома.

– Послушай, правнук, почему ты не накручиваешь чалму на голову?

– У нас давно никто, кроме священнослужителей, не носит чалму, бобо, – ответил Кудрат Пулатович и добавил:

– Не называйте меня правнуком. Хоть вы и родились на сто двадцать лет раньше меня, но выглядите намного моложе, меня. Люди не поверят, что вы мой прапрадед, и могут усомниться в вашем здравомыслии, иначе говоря, посчитают нас сумасшедшими. Поэтому при людях зовите меня Кудратом Пулатовичем, а вы для всех – мой гость Файзулла-бек из Бухары.

– Я тебя понял, Кудратжан, – сказал Файзулла-бек и последовал за хозяином дома в прихожую.

У двери из квартиры Кудрат Пулатович начал надевать туфли с помощью ложки. Гость удивленно подумал: «Неужели мой потомок так беден, что не может купить себе сапоги, и носит калоши? Когда буду возвращаться в свое время, подарю ему золотую монету. Пусть купит себе сапоги из хорошей кожи».

Академик со своим гостем вышли из квартиры и направились к лифту. Файзулла-бек заметил, что они остановились возле какой-то двери, и Кудрат Пулатович нажал на красную кнопку. Послышалось странное жужжание, и вскоре перед ними открылась дверь в маленькую комнату. Он стоял в недоумении, не зная, как поступить. Кудрат Пулатович, видя нерешительность своего предка, втолкнул его в кабину лифта. За ними закрылась дверь. Лифт стал опускаться. Непонятное волнение овладело беком, и он стал нашептывать суру из Корана, мельком бросая взгляды на Кудрата Пулатовича. Увидев спокойствие на лице спутника, Файзулла-бек решил не показывать своего страха потомку.

Лифт остановился, и уратюбинский правитель, словно резвая лань, выскочил из кабины. «О боже всемогущество, – подумал Файзулла-бек, увидев, как вслед за ними без чьей-либо помощи закрылась дверь лифта. – Чего только не придумает человек с помощью Аллаха!» Следуя за Кудратом Пулатовичем, бек вышел во двор дома и увидел большую зеленую коробку. «Судя по колесам, это арба, – подумал бек. – Но почему колеса толстые и черные, наверное, сделаны из железа? Интересно, сколько лошадей будет тянуть эту арбу? Хотя из окна я не видел ни одной лошади или ишака».

Люди, собравшиеся во дворе, пристально разглядывали слишком экзотично

одетого человека, вышедшего с Кудратом Пулатовичем. Разглядев все детали одежды Файзуллы-бека, они подходили к академику, здоровались и тихо справлялись о его спутнике.

– Это мой дальний родственник из Бухары, – неохотно отвечал Кудрат Пулатович. – Приехал сегодня ночью.

Пока соседи разговаривали с Кудратом Пулатовичем, бек с большим интересом разглядывал сверкающие разноцветные коробки на черных колесах. Некоторые он трогал пальцем. Дотронулся бек и до колес. К своему разочарованию, он заметил, что черные круги сделаны не из железа, а из какого-то другого материала. Заглянул он сквозь прозрачные стекла и внутрь коробок. Его поразило, что внутри, кроме сидений, находится еще одно колесо, но гораздо меньшего размера.

Вскоре пригласили садиться в автомашины. Большинство людей потянулось к автобусу. Академик подозвал с интересом разглядывавшего легковые автомобили бека и попросил его сесть в автобус. Файзулла-бек вошел в автобус, но через пару мгновений выскочил из него.

– Дорогой Кудратжан... э-э-э... Пулатович, – возмущенно воскликнул Файзулла-бек, – я не могу ехать в этой арбе вместе с безбородыми. Я нормальный мужчина. От них, словно от женщин, пахнет благовониями.

Сначала Кудрат Пулатович ничего не понял. Почти все мужчины с утра бреются и освежаются одеколоном. Потом он вспомнил, что безбородыми раньше называли людей нетрадиционной сексуальной ориентации. Он не стал ничего объяснять беку, а просто посмотрел по сторонам в надежде увидеть какой-нибудь свободный легковой автомобиль. К счастью, неподалеку один из соседей, мужчина средних лет с усами, открывал дверцу своей «Нексии».

– Рустамжан, если машина свободна, можно в ваш автомобиль сядет мой гость? – спросил Кудрат Пулатович.

– Какие могут быть вопросы, Кудрат-ака? – ответил сосед. – Я буду беспрельдно рад, если вы тоже присоединитесь к нам. Не каждый день в этой машине ездят светила науки.

Академик, опасаясь, что его предок неведь что наболтает, решил воспользоваться предложением Рустама. Кудрат Пулатович и бек заняли заднее сиденье автомобиля. «Нексия» плавно тронулась с места.

– Вот Худоярхан позавидует, когда я расскажу, что ездил в такой прекрасной арбе! – восхищенно сказал Файзулла-бек, но тут же получил легкий толчок локтем в бок.

Бек удивленно посмотрел на Кудрата Пулатовича. Увидев недовольную гримасу на лице потомка, он понял, что ляпнул не то.

– Я хотел сказать, что позавидовал бы мне, – решил исправиться Файзулла-бек.

Бек отвернулся к стеклу и стал пристально наблюдать за происходящим на улице. И вообще, он решил не высказываться больше, чтобы не сказать лишнего. Было раннее утро, улица полупустая, и «Нексия» неслась очень быстро, обгоняя другие автомобили. Восхищению бека не было предела.

– Какой удалой арбакеш... и как умело он управляет своей арбой – воскликнул полный гордости за мастерство Рустама Файзулла-бек.

– Какой-то странный у вас гость, Кудрат-ака – с чувством обиды произнес водитель автомобиля, – меня он называет арбакешем, а мою машину арбой. Такое ощущение, что он впервые сел в машину.

– Вы не обижайтесь, Рустамжан, – сказал Кудрат Пулатович по-русски. – Он действительно в первый раз в автомобиле, так как рос там, куда автомобили не заезжали.

В дальнейшем водитель и пассажиры не произнесли ни слова. Через некоторое время они подъехали к одному из дворцов торжеств города. Возле огромного помпезного здания собралось множество людей. Родственники невесты, выстроившись в ряд перед входом, приглашали подъезжающих гостей пройти в здание.

Ввиду того что ближайшие места парковки были уже заняты, Рустам остановил недалеко от здания. Кудрату Пулатовичу и его спутнику пришлось немного пройти, чтобы добраться до Дворца торжеств. Как только они появились в зоне обзора стоящих возле дворца людей, отец невесты подошел к академику.

– Ассалом алейкум, уважаемые гости! Я рад, что вы посетили наше торжество, дорогой Кудрат-ака. Пройдите в зал и займите почетные места, – сказал хозяин торжества и подозвал одного из распорядителей, попросив его усадить Кудрата Пулатовича и его гостя за стол, за которым уже расположились имам и почтенные аксакалы.

Файзулла-бек стоял, завороженный внешней красотой прекрасного здания. Но еще больший сюрприз его ожидал внутри Дворца торжеств. Зал был огромен. Бек не увидел здесь привычных, настеленных на пол курпачей и дастарханов. Вместо них в зале было несчетное количество больших круглых столов. Вокруг каждого сидело по десять человек. На столах огромное количество яств, которых Файзулла-бек не видел ни на одном пиру. Между столами бегали молодые ребята, поднося сидящим чай в разукрашенных «хлопковым» орнаментом и окаймленных золотом чайниках.

Уратюбинский бек поразился богатому убранству стен и потолка зала Дворца торжеств. Он заметил, что свет в помещение поступал не из больших окон, которые наполовину были закрыты золотистой тканью, а от огромных люстр, свисающих с потолка. В нескольких местах возле стен стояли большие белые ящики, из которых исходила прохлада. Доносилась прекрасная задушевная музыка. Певец исполнял старинные классические мелодии.

Файзулла-бек изумлялся увиденному, не замечая, что взоры сотен глаз устремилены на него. Гости торжества удивлялись одеянию бека. Каждый шаг Файзуллы-бека по гладкому, словно зеркало, мраморному полу сопровождался громким скрипом его кожаных сапог. Он не заметил, как прошел весь зал и очутился за столом, стоящим на возвышении. Слева от него сидел бородастый мужчина средних лет в чалме и белом халате. «Наверное, домулла», – подумал бек. Справа расположился Кудрат Пулатович.

– Вы из каких мест будете, уважаемый? – спросил Файзуллу-бека имам и добавил:

– Вы, наверное, как и я, священнослужитель?

– Да, что-то вроде этого, – ответил бек и, вспомнив наставления своего потомка, сказал:

– Я из Бухары.

– А какое медресе вы окончили? – не унимался священнослужитель.

– Я учился в Коканде, – не задумываясь, высказался Файзулла-бек, продолжая восхититься великолепием зала.

«Странно. В Коканде давно уже все медресе закрыты. Одежда у него тоже какая-то необычная. Я давал расписку правоохранительным органам о

выявлении всяких странностей... Буду вынужден позвонить в милицию, после того как прочитаю молитву. В противном случае я могу лишиться не только работы, но и свободы», – подумал мулла.

Люди группами заходили в зал, распорядители приглашали их занять места за столами. Проголодавшийся Файзулла-бек, попивая душистый зеленый чай, время от времени протягивал руки к деликатесам, стоявшим на столе. Он попробовал фисташки, миндаль, особенно ему понравилась самса из слоеного теста.

Когда все места за столами были заняты, имам взял микрофон и заговорил. Файзулла-бек вздрогнул от неожиданности. Голос муллы был очень громким и исходил не из уст священнослужителя, а откуда-то из зала. Прочитав сначала длинную и красивую проповедь, мулла стал читать суры из Священной книги, подходящие для данного торжества.

Настала очередь плова. Парни на столы по цепочке передавали большие ляганы с пловом. Первые ляганы, как и положено, поставили на стол, где сидели мулла и почтенные старцы. Каждая большая тарелка была рассчитана на два человека. Пока сосед муллы делил мясо в плове, имам покинул свое место. Через некоторое время он вернулся.

Впервые в своей жизни Файзулла-бек ел плов не пятерней, а железной ложкой. Бек был поражен вкусовыми качествами плова и готов был съесть еще тарелку этого прекраснейшего кушанья. Но, увы, торжество было закончено, все вытирали губы и руки салфетками, лежавшими на столе. Люди ждали последнего слова имама.

Священнослужитель, удостоверившись, что все закончили трапезу, прочитал молитву и поблагодарил организаторов торжества и людей, помогавших на этом мероприятии. Люди потянулись к выходу. Кудрат Пулатович и Файзулла-бек, дождавшись, пока зал немного опустеет, вышли из-за стола и направились к двери.

Файзулла-бек медленно шел за своим потомком. Вдруг возле выхода он ощутил, как кто-то дотронулся до его локтя. Он обернулся и увидел высокого парня.

– У нас есть пара вопросов к вам, – тихо произнес молодой человек. – Можем ли мы отойти в сторону?

– Конечно. Я готов ответить на все ваши вопросы.

Файзулла-бек и молодой человек вышли из Дворца торжеств и направились за угол здания. Двое верзил, поджидавших там, завернули беку руки за спину и затолкали в милицейский «УАЗик». Машина быстро помчалась в сторону районного отдела внутренних дел.

В машине Файзулле-беку надели наручники. В отличие от предыдущей «Нексии», милицейская машина ехала не столь плавно и быстро. Она рычала, скрипела, подпрыгивала на каждой колдобине, но двигалась, как подметил Файзулла-бек, намного быстрее лошади. Водитель всю дорогу ругал эту, как он называл, ишак-арбу, а парень, который сидел впереди Файзуллы-бека, приложив к уху какую-то штучку, с гордостью докладывал кому-то о задержании особо опасного религиозного экстремиста.

Вскоре милицейская машина, в которой находился арестованный предок академика Муминова, подъехала к зданию, огороженному высокой железной решеткой. Сделав несколько зигзагов и остановившись возле будки с несколькими военными, «УАЗик» въехал во двор районного отдела милиции. В

пространстве между железной решеткой и зданием бек увидел воина в походе на котел железном шлеме, вооруженного коротким ружьем. «Наверное, у них слишком много врагов, если столько человек поставлено в охрану», – подумал бек.

В здании РОВД Файзулла-бек вновь столкнулся с охраной. При входе в здание его обыскали, сняли с него халат и пояс, отобрали сумку с Кораном и кожаный кошелек с десятью золотыми монетами. После сотрудники милиции составили протокол и поместили задержанного в отдельную комнату. Там он просидел недолго, в наручниках его повели по длинному коридору.

Со всех сторон слышались голоса сотрудников учреждения. Бек поразились словам, изрыгаемым из уст этих людей. Со всех сторон слышалась нецензурная брань. Одни называли других непутевыми женщинами и мужчинами нетрадиционной сексуальной ориентации. Те же, как ни странно, нисколько не обижались, а отвечали тем же. В качестве еды они предлагали свои половые органы или интимные места матерей и сестер. Особенно доставалось матерям молодых сотрудников. Старшие по званию то сами хотели иметь их, то отправляли бедных женщин на истязание различным животным, чаще всего ишакам. «Вот это да! – поражаясь услышанному, подумал Файзулла-бек. – За такие слова у нас давно бы перерезали друг другу глотки».

Наконец бек в сопровождении парня, который его арестовал, зашел в большую комнату, где за столом сидела дородная женщина с ярко-красными губами и пышной грудью, наполовину вывалившейся из чрезмерного выреза платья.

– Вахаб Усманович, лейтенант Хашимов привел задержанного, – доложила женщина в какой-то ящик, находящийся на столе перед ней.

– Пускай войдут, – послышался мужской голос из ящика.

Хашимов открыл дверь, и неожиданно для бека за ней оказалась еще одна дверь. За второй дверью была огромная комната, по размеру в три раза превосходящая первую. Как показалось беку, по площади она не уступала тронному залу кокандского властителя. В середине комнаты стоял большой т-образный стол со множеством стульев. Во главе стола в черном кресле сидел огромный человек в зеленой рубашке в погонах, на которых было по три восьмиконечных золотых звезды. Лицо его было настолько жирным, что щеки свисали ниже подбородка. Это придавало мужчине устрашающий вид. «Вот это палван! – восхищенно подумал Файзулла-бек. – Очень похож на плененного мной бухарского юзбаши».

– Товарищ полковник, задержанный мной подозрительный тип, о котором сообщил имам курируемой нами мечети, доставлен, – отрапортовал молодой лейтенант.

– Чем он подозрителен? Что при нем было? Наркотики, оружие, запрещенная литература? – спросил полковник.

– Вот это, – ответил Хашимов и выложил перед начальником сумку с Кораном и кожаный кошелек.

– Что это? – спросил бека Вахаб Усманович, вынув из сумки книгу.

– Это дарованная людям Аллахом через уста великого нашего пророка Мухаммеда Али Ассалома – да будет свяшенно имя его! – Священная книга, – ответил Файзулла-бек.

– Послушайте, уважаемый Файзулла, – посмотрев на протокол задержания, сказал начальник РОВД, – как вы относитесь к ваххабитам?

– Вы имеете в виду последователей учения ишана Мухаммеда ибн

Вахаба из Арабистана, который помог падишаху Сауду взойти на трон? – спросил Файзулла-бек и, получив в ответ утвердительный кивок полковника, продолжил: – Сам я не читал его учения, но слышал, что он требует очистить мусульманскую веру от всех наслоений, которые набрались со времени ее образования. Думаю, в какой-то степени это правильно.

Выслушав Файзулла-бека, полковник молча потянулся к кожаному кошельку, осмотрел его, развязал веревку и высыпал содержимое на стол. От вида золотых монет начальник чуть не подпрыгнул от неожиданности. Никогда в жизни он не видел такого количества золотых монет.

– Да ты не только ваххабит, но и золотовалютчик, – гневно произнес начальник РОВД, – а ну, признавайся, где взял золото? Сколько монет у тебя было?

– Я получил это в награду от нашего правителя Худоярхана. Десять тилля за победу над отрядом бухарского эмира, – ответил бек.

Вид золотых монет совсем помутил разум полковника. Он уже не слышал ответа бека. Единственное, что он понял: на столе должно быть десять золотых монет. Средним пальцем он стал пересчитывать их. Монет оказалось девять! Побагровев от злости, он гневно глянул на молодого лейтенанта.

– Сейчас же закройте РОВД и обыщите всех металлоискателем, – прорычал полковник, – горе тому, у кого найдут золото. Выполняйте!

Если бы кто-нибудь увидел лейтенанта в тот момент, то без всяких сомнений решил бы, что у парня лихорадка. Каждая часть его тела тряслась от страха. Казалось, что вот-вот он упадет в обморок. Но молодой человек нашел в себе силы признаться, что утаил вещественное доказательство.

– Извините меня, товарищ полковник! Это я взял золотую монету, – промямлил Хашимов, вынимая из кармана десятую золотую монету. – Я просто хотел показать золото сыну, а потом вернуть.

– Кому ты лагман на уши вешаешь, сопляк?! – прокричал полковник. – Твоему сыну всего два месяца. Он еще ничего не понимает. Твое счастье, что ты сын моего товарища, а то бы я тебя в порошок стер. Этого ваххабита – в подвал и выбейте из него все, что можно. Узнайте, где находится центр ваххабитского подполья. Запомните: операцию по ликвидации их предводителя Худоярхана возглавлю я. Идите, выполняйте приказ!

Оставшись один, Вахаб Усманович нежно гладил лежащие перед ним золотые монеты и думал: «Сейчас их десять, а сколько станет, когда я ликвидирую Худоярхана? Назначения на более высокую должность не предвидится, а получение генеральского звания на нынешней должности весьма проблематично. А вот золота, которым я буду обладать после ликвидации ставки ваххабитов, хватит и детям, и дальнейшим потомкам». Его приятные мечты прервал голос секретаря:

– Вахаб Усманович, капитан Хушвактов из уголовного розыска просит принять его.

– Пускай войдет, – ответил полковник и быстро смел золотые монеты в ящик стола.

В кабинет вошел молодцеватый капитан. Его вид и походка указывали на то, что перед полковником спортсмен. Он действительно был чемпионом Азии по каким-то единоборствам. В РОВД шла молва, что Хушвактов подделал справку и выиграл чемпионат Азии то ли среди умственно отсталых, то ли среди людей с какими-то физическими недостатками. Так или иначе, он завоевал путевку

на Паралимпийские игры, но федерация единоборств не решилась послать на них Хушвактова.

– Что случилось? Докладывай! – приказал начальник.

– Вчера к нам пришел один русский, Горбунов Геннадий Федорович, 1960 года рождения, бывший слесарь одного из заводов Ташкента. В настоящее время безработный, без постоянного места жительства. Нахрдит себе на пропитание сбором баклажек, макулатуры и пластмассы. Проживает в подъездах и подвалах. Так вот, он написал заявление о том, что убил свою жену, Горбунову Екатерину Васильевну, 1967 года рождения, – доложил капитан.

– Нашли труп женщины? – спросил полковник.

– В том-то и дело, что он никого не убивал, – ответил Хушвактов. – Она ушла к другому бомжу, а Горбунов признался, что ему надоело копаться в мусорных ящиках и что лучше в тюрьме жить, чем так существовать.

– А дети у них есть? Если есть, то почему родителей к себе не заберут? – спросил начальник РОВД.

– Есть сын и дочь. Проживают в России, – ответил капитан. – По словам Горбунова, хорошо устроены. Но дети не хотят помогать родителям. Они стараются жить, как на Западе. Там стариков, как только те становятся беспомощными, сдают в дома престарелых.

– Выгоните его на улицу, – приказал полковник. – Мы не настолько богаты, чтобы предоставлять бездомным кров и еду в тюрьмах.

– Может, оставим его? У нас есть несколько нераскрытых дел. Заставим Горбунова признаться в их совершении и тем самым улучшить нашу статистику, – предложил Хушвактов.

– Даже не думай об этом, – решительно возразил Вахаб Усманович. – В прошлый раз я послушал тебя... Да, районный судья – наш хороший друг, но, несмотря на неопровержимые доказательства невиновности подсудимого, он вынес обвинительный приговор. А начинающий адвокат оказался настырным и добился оправдания своего подзащитного. Нам с прокурором вынесли частное определение о некачественном ведении следствия. Хорошо, что мы не оплачиваем людям, оправданным судом, время, проведенное под следствием, людям, оправданным судом, иначе бы вылетели в «трубу».

– Товарищ полковник, давайте хоть на один день оставим его, – попросил капитан, – пусть ребята поотрабатывают удары на нем.

– А если помрет? – высказал опасение начальник РОВД.

– Тогда закопаем, – спокойно ответил капитан. – А судмедэксперта попросим, чтобы в акте о смерти указал диагноз «Сердечная недостаточность». Он всегда помогает нам.

– Нет. Выгоните его немедленно, – категорично произнес полковник. – Я не хочу, чтобы кровь ни в чем не повинных людей обагряла наши руки. Приказываю – выгнать! Вы свободны, капитан!

После ухода капитана Вахаб Усманович долго размышлял о разговоре с Хушвактовым. Что-то сломалось в этом человеке. Ведь он не родился жестоким. Постоянное общение с людьми, нарушающими закон, который он должен ревностно охранять, сделали его жестоким и недоверчивым. В каждом человеке он видел только преступника. А тут – на тебе. Люди, чтобы найти кусок хлеба, копаются в мусорных ящиках и в тюрьму просятся...

А в это время в подвале лейтенант Хашимов яростно колотил резиновой дубинкой по спине прикованного наручниками к отопительной батарее

Файзуллу-бека.

– Скажи, где ваш центр? Кто твои сообщники? Где ставка Худоярхана? – приговаривал Хашимов после каждого удара.

Лейтенант уже не слышал ответов стонущего Файзуллы-бека. Сам процесс избияния распалил его, придав ему чувство превосходства над избиваемым. Он забил бы бедного бека до смерти, если бы не вмешательство пожилого сержанта.

– Остановитесь, лейтенант, вы же убьете человека! – воскликнул сержант, схватив за руку Хашимова. – Что, хотите вместо него в зону?

Слово «зона» мгновенно привело в чувство распоясавшего лейтенанта. Он бросил дубинку на пол и, не сказав ни слова, покинул подвал.

Кудрат Пулатович, погруженный в свои мысли, совершенно забыв о том, что за ним должен следовать Файзулла-бек, вышел из Дворца торжеств и направился в сторону припаркованной машины Рустама. Недалеко от выхода он заметил, что на родственников жениха надевают халаты. Он хотел пройти мимо, но устроители пиршества настояли, чтобы он подошел к ним, и на него тоже надели халат. Он прошел в нем несколько шагов, затем снял, свернул и засунул под мышку. И тут он вспомнил, что не видно и не слышно Файзуллы-бека. Он посмотрел по сторонам, но нигде не увидел своего предка.

«Наверное, уже сидит в машине», – подумал Кудрат Пулатович и быстро направился к автомобилю Рустама. Но возле «Нексии» одиноко, покуривая сигарету, стоял лишь хозяин автомобиля. Гость Кудрата Пулатовича еще не подходил.

Кудрат Пулатович отдал ношу Рустаму и быстро зашагал к площади перед Дворцом торжеств, где небольшими группами еще стояли родственники невесты, их знакомые, друзья, оживленно беседуя. Академик стал спрашивать их о человеке, который был на мероприятии вместе с ним, но вразумительного ответа не получил. Вдруг кто-то похлопал его по спине. Кудрат Пулатович обернулся и увидел имама.

– Вы ищете того странного человека, который сидел рядом с нами? – спросил священнослужитель. – Так его забрали в милицию. Уж больно он отличался от присутствовал в зале. Сейчас, наверное, выясняют, кто он и откуда. Я, как порядочный гражданин своей республики, проявил бдительность.

– Послушай, ты, святоша! Если с этим человеком что-нибудь произойдет, тебе придется искать вакансию дворника где-нибудь в России. Это я тебе гарантирую. Стукач поганый! – сквозь зубы произнес Кудрат Пулатович и направился к машине Рустама.

– Да кто ты такой, чтобы мне угрожать?! – закричал вслед уходящему академику имам. – У меня такие связи, что могу заставить тебя землю грызть! Чтоб тебя Бог покарал, нечестивец!

Один из любопытствующих, наблюдающий за разговором священнослужителя с академиком, подошел к разгорячившемуся имаму и похлопал его по плечу:

– Успокойтесь, домулла. Этот человек многое может сделать! Вы знаете, кто он? – и, наклонившись к уху имама, что-то прошептал. Затем добавил: – Так что идите домой, моля Бога, чтобы этот человек забыл о своих угрозах.

Мулла, который приготовился произнести в адрес академика еще несколько проклятий, тут же отказался от своего намерения и молча направился к легковому автомобилю.

Опечаленный человеческой подлостью, Кудрат Пулатович угрюмо побрел к машине Рустама. Он не мог ни понять, ни оправдать поступок священнослужителя. Ведь за все время пребывания в зале Файзулла-бек не сказал ни слова о политике или религии: у него было чувство, будто бы он попал в сказку. Кудрат Пулатович чувствовал вину за случившееся. Ах, если бы он не потерял бдительность и внимательно следил за своим предком, то все было бы иначе! «Но случилось как случилось – это необратимый факт, – подумал академик. – Теперь нужно предпринимать меры по освобождению предка из милиции. Но как мне объяснить людям в погонах, что Файзулла-бек – человек из прошлого? Сразу скажут, что у старика крыша поехала. И, самое главное, у бека нет никаких документов». Мунинов не заметил, как оказался у машины Рустама.

– Рустамжан, если у вас есть время, отвезите меня в РОВД, а сами поезжайте домой, – попросил Кудрат Пулатович. – Я не знаю, сколько времени пробуду там, буду вызывать Файзуллу-бека.

– Как скажете, Кудрат-ака, – сказал Рустам и открыл перед академиком дверцу автомобиля.

Уже через несколько минут атомобиль был у РОВД. Едва Рустам остановился у ворот, чтобы Кудрат Пулатович вышел из «Нексии», как из будки выскочил разъяренный милиционер и грубо потребовал отогнать автомашину. Но, увидев, что из машины выходит пожилой прилично одетый мужчина, милиционер умерил свой пыл и, уже не выказывая враждебности, дождался, пока автомобиль отъедет от ворот.

Кудрат Пулатович подошел к турникету на проходной РОВД. Дежурный потребовал предъявить документы, удостоверяющие личность Кудрата Пулатовича. Так как паспорта с собой у академика не было, он показал свое удостоверение. Милиционер приготовился записать данные в журнал посещений, но, как только открыл документ, вскочил со стула и, вытянувшись в струнку, отдал честь. Возвращая документ, разъяснил, как пройти в кабинет начальника РОВД.

Выйдя из проходной, Кудрат Пулатович увидел, как из здания к проходной крепко сложенный капитан милиции ведет, схватив за шиворот, неприглядного вида мужчину-европейца. Под глазом у того виднелся синяк, а на губах запеклась кровь. Выведя бедолагу за проходную, капитан награбил его пинком.

– Будешь знать, как отвлекать нас от работы, – крикнул он вслед быстро удаляющемуся бродяге.

– Ну зачем же вы так? – произнес Кудрат Пулатович. – Ведь он...

– А вы, отец, не вмешивайтесь не в свое дело. И вам тоже может достаться, несмотря на ваш возраст, – грубо оборвал милиционер.

Войдя в здание, академик быстро нашел кабинет начальника РОВД. В приемной секретарь поинтересовалась целью его визита и спросила, как его представить.

Через несколько мгновений академик был в кабинете начальника РОВД. Хозяин кабинета сделал попытку встать с кресла, чтобы поприветствовать гостя, но его огромное тело словно прилипло к сиденью. Вахаб Усманович понял бесплодность своих усилий и жестом указал Кудрату Пулатовичу на стул.

– Рад вас приветствовать, уважаемый академик! Не каждый день светила науки появляются в нашем заведении. Мне довелось читать ваши труды. Очень интересные исследования. – Конечно, начальник РОВД слукавил, последнюю

книгу, разумеется, кроме уголовного кодекса и других книг по законодательству, Вахаб Усманович читал еще в школе. – Какая надобность привела вас сюда? Чем я могу помочь?

– Сегодня утром ваши сотрудники схватили моего гостя. Я пришел с просьбой об освобождении Файзуллы-бека, – сказал Кудрат Пулатович.

– Ну зачем же такие выражения: «схватили»... Мы же не гестапо, не жандармы. Мы – народная милиция. Мои люди просто задержали вашего гостя по заявлению очень уважаемого человека. Уже при первой встрече выяснилось, что он член враждебной нашему государству секты ваххабитов, замешан в других незаконных действиях. Сейчас ведется предварительное дознание, выявляется месторасположение других членов секты и их предводителя Худоярхана. После этого дело будет передано в прокуратуру. Я, надеюсь, ясно изложил те причины, по которым не могу освободить Файзуллу? – заявил начальник РОВД.

– Думаю, через несколько минут вы перемените свое решение. А пока я подожду этого момента за пределами вашего кабинета. Насчет Худоярхана: вам придется поехать в Афганистан, в Мазари-Шариф, чтобы найти могилу этого человека, который умер сто тридцать лет назад, – сказал Кудрат Пулатович и вышел из кабинета, оставив полковника в недоумении.

Академик вышел в коридор и быстро набрал в мобильном телефоне необходимый номер.

– Здравствуй, Алишер! У меня появился человек, который жил более 150 лет назад, но его забрали в милицию и не хотят отпускать. Позвони, пожалуйста, министру внутренних дел, попроси его дать распоряжение об освобождении этого человека. Я сейчас в нашем районном отделе милиции, – пояснил Кудрат Пулатович.

– У вас все в порядке со здоровьем, Кудрат Пулатович? – послышался голос в трубке.

– Ты мне не поверил, Алишер, – обиделся академик. – Ну хочешь, после того как его выпустят, я покажу его тебе?

– Было бы неплохо увидеть человека из прошлого. Может, в обед встретимся в каком-нибудь ресторане? – произнес Алишер.

Договорились. Позвони сейчас же. Я хочу подольше побыть с этим человеком, это очень важно, – попросил Кудрат Пулатович.

– Я немедленно попрошу от имени шефа освободить объект нашего научно-го эксперимента, – пообещал Алишер.

Академик завершил телефонный разговор и вошел в приемную начальника отдела милиции. Минут пять спустя в приемной раздался звонок телефона.

– Это Бердыкулов. Вахаб у себя? – спросил голос в трубке.

– Да, товариш генерал, – ответила секретарь.

– Соедини с ним, – в не допускающем возражений тоне произнес генерал.

В это время начальник РОВД просматривал протокол задержания Файзуллы-бека и никак не мог понять, что там написано. «Ну и кретинов набрал я себе в отдел, – возмущенно подумал Вахаб Усманович. – Даже протокол не могут заполнить как следует. Что это такое? Год рождения – 1231 год. Год Змеи. Должность – бек. Нет, так дальше продолжаться не может. Мне нужно решительно разобраться с этими кадрами». Вдруг в телефонной трубке раздался голос генерала Бердыкулова.

– Вахаб! Что ты себе там позволяешь? Ты знаешь, кто у тебя в приемной

сидит? Это же сам советник президента страны по историческим вопросам, – громко прозвучал бас генерала. – Немедленно отпусти его человека!

– Но... – хотел возразить полковник.

– Никаких «но». Ты, толстый кабан, кажется, не понял моего приказа?! – так громко крикнул Бердыкулов, что в ухе полковника чуть не порвалась барабанная перепонка, ему показалось, скажи генерал немного громче, штукатурка в кабинете могла бы осыпаться. – Может, тебе напомнить случай, который произошел несколько лет назад? Начальник ОВД одного из сельских районов (между прочим, сын одного из генералов милиции) ввязался в спор с охраной особы из ближайшего окружения президента. В результате этого начальника на следующий день после спора увели из кабинета в наручниках. А его отца уволили со службы. Надеюсь, ты не хочешь очутиться возле Муйнака. Так что отпусти задержанного и не забудь перед ним извиниться! Даю на это десять минут. О выполнении доложить! Конеч связи.

Полковник понял, что золото уплывает из его рук. «Лучше иметь целую голову, чем какое-то, хоть и желанное, золото», – подумал Вахаб Усманович. Он нажал кнопку вызова секретаря.

– Этот человек еще в приемной? – спросил полковник секретаря, которая заглянула в кабинет, и, получив утвердительный ответ, продолжил: – Пригласи его ко мне. Также найди Хашимова, пусть он приведет задержанного Файзулла-бека сюда. Быстро!

Спустя несколько минут Кудрат Пулатович во второй раз занял место за длинным столом начальника РОВД.

– Вы были правы, господин советник президента. Я вынужден изменить свое решение, – не скрывая недовольства, произнес полковник. – Но я хочу вас спросить, почему вы сказали, что Худоярхан, которого я считаю предводителем секты ваххабитов, умер 130 назад?

– Знаете, полковник, – улыбувшись, сказал академик, – кроме юридической литературы иногда надо читать исторические книги. Худоярхан был не предводителем секты ваххабитов, а властителем Кокандского ханства во второй половине девятнадцатого века. Захоронен на кладбище Киркуф Мазари-Шарифа в 1882 году.

Вахаб Усманович снял и положил на стол головной убор. В голове полковника все перемешалось: и странная запись в протоколе, и информация академика о Худоярхане.

– Так кем же является находящийся в нашем отделе Файзулла? – спросил уже ничего не соображающий полковник.

– Это уратюбинский правитель Файзулла-бек, который жил в девятнадцатом веке и захоронен в Ташкенте на кладбище возле мавзолея Каффала Шаши, что рядом с комплексом Хастимам, – сказал Кудрат Пулатович и, увидев удивленное выражение лица начальника РОВД, добавил: – Да-да, когда-то на том месте было кладбище. Вы, предполагаю, хотите спросить, почему в Ташкенте, а не в Ура-Тюбе? Дело в том, что после прихода русских в Среднюю Азию царская администрация старалась держать возле себя людей, которые занимали высокие посты в своих регионах и имели влияние на местных жителей. Так что в Ташкенте проживали в конце девятнадцатого века дети Худоярхана и многие правители завоеванных Россией регионов.

– Все, что вы рассказываете, очень интересно. Но мне важно знать, как человек, который умер более века тому назад, очутился здесь и сейчас? – задал

вопрос начальник РОВД.

– Это секретные научные разработки, – соврал академик. – Эти изыскания – важная государственная тайна, которую знают лишь несколько человек. В ваших интересах забыть о моих словах.

– Я вас понял, – произнес Вахаб Усманович.

Через несколько минут секретарь доложила:

– Товарищ полковник, лейтенант Хашимов и сержант Аллаяров привели задержанного!

– Пусть войдут, – приказал полковник.

Через пару мгновений в кабинет начальника РОВД вошел лейтенант Хашимов. Вслед за ним, держа под руку едва стоявшего на ногах Файзуллу-бека, в кабинет вошел сержант Аллаяров. Лейтенант сделал три строевых шага в сторону начальника и взял под козырек.

– Товарищ полковник, в результате мер физического воздействия подозреваемый в связях с ваххабитским движением признался, ставка секты ваххабитов находится в Коканде во дворце их предводителя Худоярхана, – бойко отрапортовал Хашимов, а затем добавил: – Не зря нам в академии твердили, что Ферганская долина – территория религиозного фанатизма. Разрешите готовиться к выезду в Коканд?

– Вы что, его пытали? – спросил Кудрат Пулатович, увидев своего предка.

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Лишь жужжание одинокой мухи, которая билась о стекло, стремясь вылететь наружу, нарушало ее. Муминов встал со стула и подошел к своему предку. Слезы обиды за незаслуженное наказание текли по щекам Файзуллу-бека.

– За что меня так жестоко избили? Даже в наше время сначала доказывают вину, а потом по решению кази наказывают плетью. Спасибо миршабу, который стоит рядом, иначе этот изверг, – Файзулла-бек указал пальцем на Хашимова, – забил бы меня насмерть. В чем же я виновен, Кудратжан?

– Он буйствовал. Пришлось усмирить, – виновато промямлил лейтенант.

– Я вынужден доложить об этом безобразном случае президенту, – решительно произнес Кудрат Пулатович. – Вы поставили под угрозу весь ход истории.

Слова академика подействовали на полковника, словно удар молнии. Забыв о своем весе, он, как семнадцатилетний паренек, резво вскочил с кресла и подбежал к Хашимову, схватил его за погоны и резко сорвал их. В руках у начальника РОВД остались погоны с лоскутами от рубашки Хашимова.

– Немедленно... удостоверение работника милиции – на стол! За превышение полномочий и действия, порочащие звание офицера милиции, вы уволены. Дела, которые у вас есть, сдайте старшему по должности. Вон отсюда! – гневно крикнул полковник. Затем обратился к сержанту: – Аллаяров, принесите вещи Файзуллу-бека.

В кабинете остались полковник, Кудрат Пулатович и Файзулла-бек. Полковник предложил академику и беку сесть за стол, сам сел не в свое кресло, а на стул напротив визитеров.

– Уважаемый советник президента, у меня к вам большая просьба: не рассказывайте, пожалуйста, об этом случае президенту, – начал полковник. – Мне осталось четыре с небольшим года до пенсии. Если выгонят из органов, лишусь пенсии, которую заслужил. Ведь я всю жизнь отдал борьбе с преступностью. Как вы видели, я выгнал главного виновника этого безобразия из милиции.

Не подумайте, что в милиции собрались подонки, как этот, кого я только что выгнал. В большинстве своем здесь люди, которые добросовестно стоят на страже закона. Но иногда попадаются такие сотрудники, от которых я никак не могу избавиться: либо дети высокопоставленных чиновников, либо их родственники или друзья. Попробуй их тронуть, сразу начнут под тебя копать. Вы, наверное, сами знаете, как сильны у нас родственные и дружественные связи. Вот и приходится этих сотрудников терпеть, хотя им не место в милиции. А телевидение?.. Молодежь видит насилие. А мне приходится выбивать эту дурь из голов представителей молодого поколения, приучать сотрудников работать только законным образом. Я вас очень прошу: не предавайте этот случай огласке!

– Вахаб Усманович, пришел Аллаяров с вещами, – раздался голос секретаря.

– Пропустите его, – распорядился начальник.

В кабинет вошел сержант. В руках у него были вещи Файзуллы-бека.

– Вот это да! – восхищенно произнес Вахаб Усманович, подойдя к Аллаярову. – Такой халат я первый раз в жизни вижу! Какая красота! Он совсем не похож на современные золотошвейные халаты, которые преподносят на юбилеях.

– Это мне сам властитель Коканда подарил, – несмотря на боль в спине, гордо заявил бек.

– А какой пояс! – продолжал восхищаться хозяин кабинета. – Он украшен камнями и кораллами. Если они настоящие, этому поясу цены нет. А головной убор совсем не похож на современные тюбетейки. Это что за материя?

– Это шелковая чалма бека, – ответил Кудрат Пулатович, внимательно наблюдавший за восторгавшимся полковником. – Камни на поясе настоящие. В то время, когда этот пояс изготавливали, пластмасса еще не была изобретена.

– Какое несметное богатство вы на себе носите! Может, вы меня к себе телохранителем возьмете? – пошутил Вахаб Усманович. Заметив страдания Файзуллы-бека, начальник РОВД предложил: – Кстати, у меня есть великолепное обезболивающее средство. Творит чудеса. Через пять минут Файзулла-бек будет как огурчик.

Полковник выдвинул ящик стола, вынул тюбик с мазью и передал сержанту.

– Аллаяров, натрите этой мазью спину беку, – приказал Вахаб Усманович.

Пока сержант занимался медицинскими процедурами, полковник подошел к сейфу, вынул из него сумку с Кораном и кошелек с золотыми монетами. Взял одну золотую монету из кошелька и дал ее Кудрату Пулатовичу.

– Уважаемый академик, вы, наверное, знаете арабский алфавит. Будьте любезны, прочтите, что написано на этой монете.

– С удовольствием, – согласился Муминов. – На одной стороне указано место чеканки: монетный двор хана и дата «1267» – год хиджры; на другой стороне – «Да будет славен повелитель всех правоверных мусульман Саид Мухаммед Худоярхан-баходир».

Аллаяров натер спину Файзуллы-бека мазью, помог ему надеть халат и пояс, накрутил ему на голову чалму. Как ни странно, у сержанта это получилось неплохо. Вероятно, у него была подобная практика. Вскоре, получив разрешение, он покинул кабинет начальника.

Мазь действительно была чудодейственной, и вскоре Файзулла-бек уже не чувствовал боли. Настала пора прощаться с этим «гостеприимным» заведением. Как ни жалко было полковнику расставаться с золотыми монетами, он вернул хозяину кошелек в целостности и сохранности, а также кожаную сумку со

Священной книгой, проводил академика и его предка до проходной РОВД и даже предложил служебную машину, чтоб доставить их домой. Однако Кудрат Пулатович решительно отказался, мотивируя это тем, что должен показать беку нынешнюю жизнь.

Муминов и Файзулла-бек шли по тротуару большой многолюдной улицы. Бек уже забыл о своих утренних злоключениях и внимательно разглядывал прохожих. На этот раз, чтобы иметь постоянный контроль над своим предком, Кудрат Пулатович шел за ним. Пройдя несколько десятков метров, академик попросил бека остановиться возле газетного киоска, чтобы купить блокнот и ручку.

Бек с интересом разглядывал обложки расставленных на витрине журналов мод. На них красовались отошавшие, по мнению бека, молодые женщины. «Неужели эти доходяги сейчас считаются красавицами? – подумал он. – В наше время ни один уважающий себя мужчина даже не посмотрел бы на таких. Разве что бедняки, у которых нет денег на калым, могли жениться на таких».

Когда академик купил необходимое, они продолжили путь по направлению к центру города. Шли медленно, потому что Кудрат Пулатович задавал вопросы о ханстве, людях, находившихся в ближайшем окружении хана, налогах, взимаемых с населения, о других малоизвестных фактах истории и ответы гостя из прошлого скрупулезно записывал в блокнот.

Файзулла-бек отвечал на вопросы своего потомка рассеянно, иногда Кудрату Пулатовичу приходилось повторять вопрос. Мысли бека были заняты тем, что предстало перед его взором. Ему интересно было все: высокие с большими окнами строения, автомобили, которые временами озвучивали свое движение звонкими сигналами клаксонов, очень широкие улицы, а особенно люди: они совсем не были похожи на почерневших от солнца его современников.

Ах как удивительны были женщины! Их лица и тела не были укрыты паранджой. Лишь изредка попадались женщины в платках. Не было ни одной рябой (таковых было предостаточно в его время), лица женщин были гладкими, светлыми. Почти все они коротко острижены и кудрявы. Иногда встречались молодые с длинными волосами, но не заплетенными в косы, а распущенными, как у обезумевших женщин его времени.

Одеяния, покрывавшие тела этих прекрасных, подобных волшебницам, красоток, были разнообразны. Одни были в мужской одежде, другие носили длинные черные с блестками платья до пят, у третьих, наоборот, платья были настолько коротки, что почти полностью открывали ноги. Обратил бек внимание и на обувь женщин. Он поразился, как умело передвигаются молодые девушки в туфлях на очень высоком и тонком каблуке.

«Распутство в этом мире, кажется, достигло высочайшего предела, – подумал Файзулла-бек, озираясь по сторонам. – Женщины выглядят крайне вызывающе. Многие своим видом как бы говорят: "вот я, бери меня"». Словно в подтверждение его мыслям медленно идущих Кудрата Пулатовича и Файзуллу-бека обогнала парочка молодых девиц в коротеньких шортах из старых протертых джинсов и коротеньких майках. Бек заметил, что у одной из девиц маленькая серьга не в ухе, а на пупке. Парочка шла, взявшись за руки. Их шорты были настолько коротки, что при каждом шаге ягодицы так и норовили выпрыгнуть из них.

– Кудратжан, почему эти женщины так безобразно одеты? – спросил бек, указывая пальцем на удаляющуюся парочку.

– Это просто молоденькие девочки.

– В наше время такие «молоденькие девочки» уже имели по два-три ребенка, – парировал Файзулла-бек.

Академик, чтобы не продолжать далее разговор на эту тему, решил промолчать. В вопросе одежды «девочек» он полностью был согласен с мнением своего предка. Кудрат Пулатович, человек, многое повидавший на своем веку, но не консервативный в своих взглядах, считал, что такая одежда отвратительна. «Но что поделаешь, – подумал академик, – времена меняются, нравы тоже. С этим приходится мириться. Попробуй что-нибудь сказать этим несовершеннолетним блудницам... Они так рот раскроют, что пожалеешь о сделанном замечании».

Еще Файзуллу-бека поразило, что в его времени он считался высоким, а среди людей, окружающих его в данный момент, он мужчина среднего роста. Даже некоторые женщины, проходившие мимо, выше него ростом. «Люди изменились, если сравнивать их с моими современниками, – думал бек, – нынешние мужчины и женщины стали красивей и крупней. Понятие уважения к старшим тоже изменилось. В наше время если человек в возрасте Кудратжана появился бы на улице, то устал бы отвечать на приветствия прохожих. А сейчас даже молокососы стараются не замечать проходящего мимо пожилого человека».

Кудрат Пулатович прекратил вписывать заметки в свой блокнот, решив, что лучше всего будет продолжить работу с Файзуллой-беком в спокойной обстановке дома за письменным столом. Он вспомнил об обещании познакомиться с беком Алишера и позвонил ему по мобильному телефону, назначив встречу в небольшом ресторане в центре города. Затем академик позвонил водителю служебного автомобиля с просьбой подъехать на улицу, по которой они шли к центру города, чтобы забрать его с гостем.

Достигнув условленного места, Кудрат Пулатович увидел, что автомобиль уже ждет их. Водитель Рахмонберды, увидев академика и его гостя, быстро вышел из машины, поздоровался и открыл дверцы. Вскоре, минут через десять, они были у ресторана. Водитель обговорил с академиком время возвращения и уехал. Кудрат Пулатович и Файзулла-бек вошли в полутемный зал ресторана. Несмотря на обеденное время, зал был полупустым. Лишь одинокая пара пожилых иностранцев с молодым местным гидом-переводчиком сидела за одним из столиков.

Парень что-то оживленно рассказывал иностранным гостям. Однако появление Файзуллы-бека моментально охладило интерес иностранцев к рассказу гида. Они впились глазами в необычного человека. После недолгого оцепенения женщина вытащила из рюкзака, лежавшего на соседнем стуле, фотокамеру с большим объективом и что-то объяснила переводчику, показав глазами в сторону Кудрата Пулатовича и Файзуллы-бека. Иностранцы и переводчик подошли к академику и его предку.

– Извините, пожалуйста, – робко произнес переводчик. – Мои гости из далекой Австралии пожелали сделать снимок с вами.

– Рисовать образ человека – грех, – сказал бек и посмотрел на своего потомка.

– Они не будут рисовать вас карандашом или кистью, поэтому в наше время

это уже не является грехом, у нас нет повода отказать этим людям, – успокоил его Кудрат Пулатович.

Файзулла-бек хоть и согласился с мнением академика, но поднялся со своего стула с большой нерешительностью. Австралийцы встали по обе стороны от бека и пригласили академика. Переводчик сделал несколько снимков.

– Я вижу, вы пользуетесь вниманием не только милиции, но и завоевываете международную известность, – послышался голос позади бека и академика.

Файзулла-бек и Кудрат Пулатович обернулись. У входа в ресторан стоял элегантно одетый высокий, подтянутый мужчина средних лет. Это был Алишер, а точнее, Алишер Нигматович, чей звонок руководителю охранного ведомства позволил гостю из прошлого продолжить знакомство с будущим.

Двадцать лет назад Кудрат Пулатович был научным руководителем у молодого аспиранта Алишера. Блестяще защитив кандидатскую диссертацию в Москве, молодой ученый работал под руководством академика Муминова. Но ему не удалось сделать научную карьеру. Однажды, когда Кудрата Пулатовича попросили предложить кандидатуру на ответственный государственный пост, он без малейшего колебания назвал Алишера.

После приветствия Алишер Нигматович сел за столик напротив бека и своего учителя. Вообще-то после информации о появлении человека из прошлого Алишер подумал, что старика кто-то разыгрывает. И в ресторане ему показалось, что рядом с его учителем прекрасно загримированный артист. Но после нескольких минут общения с беком он, прекрасно знающий историю, понял, что перед ним сидит реальный представитель феодальной знати девятнадцатого века.

Алишер Нигматович был в полном недоумении. Как истинный ученый, он всегда считал, что перемещение во времени – это бредовые домыслы получокнутых писателей-фантастов. Он не мог даже представить себе разложение молекул и атомов, из которых состоит любое органическое существо в одном времени и синтез этих молекул и атомов в другом времени. То, что он сидит напротив человека из другого времени, было выше его понимания.

Файзулла-бек внимательно разглядывал предметы на столе, не понимая, для чего перед ним две стеклянные посуды – одна совершенно маленькая, а другая большая, обе – на высокой ножке, и каково предназначение инструмента, похожего на маленькие вилы. Он недоумевал, для чего перед ним на столе две пустые тарелки и тупой нож.

Кудрат Пулатович же думал о новой статье, которую напишет, основываясь на полученной от Файзуллы-бека информации. Ее будет достаточно, чтобы утереть нос молодому выскочке Нурматову. Академик Муминов считал этого новоиспеченного члена-корреспондента Академии наук случайным человеком в исторической науке. Ходят упорные слухи, что на защиту докторской диссертации Нурматов израсходовал огромную сумму денег. Кудрат Пулатович не мог понять, как человек, не побывав ни в одной археологической экспедиции, стал академиком.

Размышления сидящих за столом людей прервал официант, который принес меню. Файзулла-бек, не имея представления о блюдах, указанных в меню, доверил выбор еды своему потомку. Алишер Нигматович и академик выбрали европейскую кухню. Вскоре принесли минеральную воду и разлили по большим фужерам. Так как все отказались от спиртного, рюмки убрали со стола. Через некоторое время принесли в белых тарелках непонятный для уратюбинского

бека красный суп. Это был борш.

Муминов и Алишер Нигматович, вооружившись ложками, приступили к трапезе. Бек, теребя бороду, раздумывал, стоит ли ему прикоснуться к еде. Кудрат Пулатович, заметив это, рассеял его сомнения.

– Уважаемый бек, вы смело можете приступать к трапезе, потому что в блюде мясо коровы, зарезанной по всем канонам мусульманского права. Овощи собраны на полях правоверных мусульман нашей страны, – произнес академик.

Слова потомка помогли отбросить сомнения, Файзулла-бек приступил к трапезе. В дальнейшем, перед тем как есть новое блюдо, бек смотрел на со-трапезников и старался повторять их действия.

В ходе трапезы Алишер Нигматович задал беку несколько вопросов по таможенной и налоговой политике Кокандского государства. Ответы бека развеяли последние сомнения в реальности Файзуллы-бека.

Трапеза закончилась. Сам хозяин ресторана принес счет и начал было разглагольствовать об обеде за счет заведения. Однако суровый взгляд Алишера Нигматовича заставил его замолчать. Вскоре все направились к выходу. За пределами ресторана Алишер Нигматович отозвал Муминова в сторону.

– Кудрат Пулатович, я ошеломлен встречей с человеком из прошлого. Если вы разрешите, я расскажу о нем президенту. Он очень интересуется историей, – произнес Алишер Нигматович.

– Думаю, не стоит делать этого по ряду причин. Во-первых, вряд ли он поверит в человека из прошлого, во-вторых, Файзулла-бек может неожиданно исчезнуть. Если это случится, мы окажемся лжецами.

– Вы, как всегда, правы, – согласился Алишер Нигматович. – Я вам завтра позвоню. До свидания.

Попрошавшись с беком, Алишер Нигматович направился к своей служебной машине. Телохранитель открыл заднюю дверцу черного «Мерседеса». Через пару минут автомобиль высокопоставленного работника аппарата президента скрылся за поворотом.

Несколько мгновений спустя Кудрат Пулатович и бек сели в служебный автомобиль академика. Муминов попросил Рахмонберди показать гостю исторические места Ташкента. Файзулла-бек одобрил предложение своего потомка и перечислил некоторые святы места, где он бывал когда-то при посещении города.

Они посетили памятные места всех четырех даха старого Ташкента. Бек с трудом узнавал мавзолеи святых людей, проживавших в Ташкенте. Вместо старых полуразрушенных зданий перед ним предстали сверкающие майоликой прекрасные монументальные строения. Лишь мавзолеем Ходжи Аламбардора на кладбище Камалон был исключением. Это здание хоть и содержалось в хорошем состоянии, но значительно уступало остальным в декоративном убранстве.

Проводя экскурсию, Кудрат Пулатович внимательно слушал комментарии Файзуллы-бека по поводу того или иного исторического места, мысленно составляя карту города полуторавековой давности, несмотря на то что у него дома хранились карты Ташкента конца девятнадцатого века, составленные русскими картографами, изученные им до мельчайших деталей. Но сейчас выяснилось, что они были составлены с погрешностями.

Солнце приблизилось к западному горизонту. Кудрат Пулатович, чувствуя

недостаток времени для сбора полной информации о ханстве, попросил Рахмонберди срочно ехать домой.

Через полчаса Файзулла-бек и Кудрат Пулатович были в той самой комнате, где изначально появился уратюбинский бек. Академик сидел за письменным столом, что-то записывая в тетрадь. Бек расположился на диване и смотрел в черный прямоугольник, который висел на стене. К его величайшему изумлению, в нем появились люди, которые разговаривали, пели и танцевали. Файзулла-бек подошел к телевизору и заглянул за него, но там, кроме стены, ничего не было. Воздав хвалу Аллаху, который дал разум людям, способный создавать такие волшебные вещи, уратюбинский бек возвратился на мягкий диван и продолжил смотреть на экран телевизора.

Вдруг Кудрат Пулатович вскочил с места.

– Зачем я все это пишу? – вслух подумал академик. – Ведь если нет вещественных доказательств, то это просто вымысел. И как я могу доказать, что встречался с представителем того времени? За такое недолго и в разряд чокнутых попасть. Скажут, что у меня начался старческий маразм. Лучше пойду на кухню и посмотрю, что Мариам готовит на ужин. Возможно, ей понадобится моя помощь.

Файзулла-бек так увлекся созерцанием того, что творилось в черном прямоугольнике, что даже не заметил, как его потомок покинул комнату. Не заметил он и того, что кто-то сел на диван рядом. Лишь прикосновение к локтю заставило Файзулла-бека отвлечься от телепередачи и взглянуть на сидящего рядом. То был Захид. Бек понял, что скоро наступит момент его возвращения в свое время.

– Ассалом алейкум, уважаемый Захид, – поздоровался Файзулла-бек. – Вы здесь для того, чтобы мы вернулись в мое время? Мне так понравились этот город и это время, что, с вашего позволения, мне хотелось бы погостить здесь еще, если это возможно.

Захид отрицательно покачал головой.

– Ну хотя бы еще один день! – умоляюще попросил бек. – Мне хочется рассказать своим соплеменникам, как будут жить их потомки в будущем.

– Достопочтенный бек, это невозможно, – решительно произнес Захид. – По прибытии в свое время все, что вы видели и слышали здесь, будет стерто из вашей памяти. Лишь изредка будут возникать проблески увиденного и услышанного в вашем сознании. Вообще-то я совершил оплошность, взяв вас в будущее. Это был большой риск. Ведь, случись с вами что-нибудь трагическое, это изменило бы весь ход истории. Принимая решение, я руководствовался эмоциями, а не здравым смыслом. Я забыл о неоспоримой истине: каждый человек должен жить в том времени, которое предназначено ему судьбой. Сейчас вам необходимо забрать личное оружие и подготовиться к возвращению в свое время.

– Можно попроситься с хозяевами дома? – спросил Файзулла-бек.

– Нет. Мы должны торопиться, – произнес Захид. – Если для вас время остановилось, то мои часы неумолимо бегут вперед. Я должен еще много чего успеть сделать.

Повинуясь приказу своего повелителя, бек быстро подошел к креслу, где лежало его оружие, нацепил саблю слева, кинжал – справа, а боевой топорик засунул за пояс. Воспользовавшись тем, что Захид увлекся просмотром телепередачи, Файзулла-бек вынул из кошелька золотую монету и положил на край

письменного стола академика.

– Я готов, – трапортовал Файзулла-бек.

Спустя несколько мгновений они стояли у окна, крепко схватившись за руки. В этот момент в комнату вошел Кудрат Пулатович. Он опешил, увидев рядом со своим предком высокого мужчину в каком-то странном одеянии. Ведь, когда он покидал комнату, бек был один. Как ни странно, лицо этого высокого человека показалось академику знакомым, но он никак не мог припомнить, где видел незнакомца. Стараясь вспомнить, он, теребя бородку, опустил голову, уставившись в паркетный пол. Удивлению Кудрата Пулатовича не было предела, когда через несколько секунд, подняв голову и желая задать вопрос, он обнаружил, что в комнате никого нет.

– Ужин уже готов. Прошу вас обоих пройти на кухню, – послышался голос вошедшей в комнату жены академика. Но, заметив, что в комнате никого, кроме мужа, нет, Мариам спросила: – А где же наш гость?

– Он ушел, – ответил Муминов, – и, кажется, навсегда.

– А это что за бронзовая копейка на вашем столе? – спросила Мариам-опа, увидев монету.

– Она не бронзовая, а золотая, – поправил Кудрат Пулатович. – Это, Маша, подарок нам из Средневековья.

Спустя некоторое время они уже сидели за кухонным слолом, молча поедая машхурду.

– Я вспомнил того человека, который был рядом с Файзуллой-беком, – вдруг громко сказал академик, отложив в сторону ложку, – это мужчина из моего сна в археологической экспедиции по Сурхандарьинской области, когда я сделал важное научное открытие. Он показывал мне Кушанское царство. Это означает, что я действительно повстречался с прошлым.

Кудрат Пулатович еще долго рассказывал о Кушанском царстве. Мариам-опа, хотя и не понимала многого из того, что было сказано мужем, постоянно утвердительно кивала головой. За многие годы совместной жизни она привыкла к причудам мужа.

Всадник из охраны уратюбинского бека находился возле холма и, закрыв глаза, безостановочно произносил суры из Корана.

– Ты что, Абдурахим, молитву не дочитал? – услышал он голос хозяина. – Постоянно бормочешь суры из Священного писания.

Слуга открыл глаза, посмотрел на своего господина, потом на холм.

– А где тот высокий мужчина в черном одеянии, с которым вы стояли, взявшись за руки? – недоуменно спросил Абдурахим.

– За кого ты меня принимаешь? – гневно закричал Файзулла-бек. – Наедятся всякой дряни и болтают что попало. Вот приедем в Ура-Тюбе, ты вдоволь насладишься вкусом моей плети.

Погоня коня плетью, бек помчался вслед далеко уехавшим всадникам. За ним помчался все еще не пришедший в себя Абдурахим. Уже к вечеру они благополучно добрались до главного города вилоята.

Вечером после ужина бек почувствовал боль в спине. Он попросил одну из жен осмотреть спину. Когда он снял рубашку, бедная женщина буквально обомлела, увидев синяки. Она стала вопить и причитать, проклиная тех негодяев, которые осмелились поднять руку на ее мужа.

– Эй, дура! Ты что раскудахталась, как курица? – грозно буркнул Файзулла-бек. – Меня никто не наказывал. Наоборот, мне воздали почести во дворце,

его величество подарил халат со своего плеча. Меня, наверное, укусило какое-нибудь насекомое, когда мы ночевали в степи. Ты пошли кого-нибудь за лекарем, как его там... за Хайруллой. Пускай осмотрит меня и приготовит снадобья.

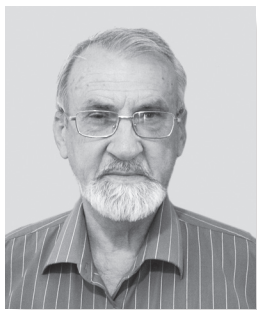
В тот же вечер лекарь прибыл к Файзулле-беку и произвел осмотр его спины. Хайрулла понял, в результате чего она посинела, но не стал возражать беку, а молча приготовил снадобье и объяснил, как его применять. Лечение спины, назначенное лекарем, возымело действие.

Судьба Файзуллы-бека, как и судьбы многих феодалов того времени, изобиловала крутыми поворотами. Вскоре после описанных событий отношения уратюбинского бека с кокандским властителем испортились, Файзулла-бек вынужден был переселиться в Джизак. Во время правления Малла-хана бек вернулся в Ура-Тюбе. После убийства кокандского властителя Файзулла-бек навсегда покинул свой город. После вторжения русских войск на территорию Средней Азии бек участвовал в сражении под Ержаром, в котором войска бухарского хана позорно бежали с поля битвы. Остаток жизни Файзулла-бек провел в Ташкенте, где у него был дом в махалле «Тахтапуль».

Уже в глубокой старости с Файзуллой-беком стали твориться странные вещи: иногда в разговоре с людьми он употреблял такие слова, о которых ни он, ни его собеседники не имели представления. По ночам постоянно повторял имя Кудрат, хотя среди его родственников и знакомых человека с таким именем не было.

Все люди, с которыми Файзулла-бек встречался при посещении будущего, ныне здравствуют, кроме бывшего лейтенанта Хашимова. Этот молодой человек долгое время не мог найти подходящую работу. В поисках счастья он подался в ближнее зарубежье. Не имея рабочей специальности и желания работать на стройке, Хашимов не нашел ничего лучшего, как присоединиться к преступной группировке. Он погиб в одной из криминальных разборок.

Кудрат Пулатович спустя некоторое время после необычайного приключения – посещения гостя из прошлого – решил посетить библиотеку Научно-исследовательского института востоковедения имени Абу Райхана Беруни. Изучая рукописные книги о Кокандском ханстве, он наткнулся на рукопись неизвестного автора. В ней освещались вопросы, которые были затронуты в его беседах с уратюбинским правителем. Основываясь на этом документе, Муминов опубликовал научную статью о политической и экономической ситуации в Кокандском ханстве в середине девятнадцатого века. Этот научный труд доказал, что, вопреки мнению злопыхателей, Кудрат Пулатович Муминов вовсе не «свадебный генерал» в Академии наук республики.

Игорь ЭРНСТ

Я руки к тебе простираю...

Жажда

Я шел по степи бесконечной,
От жажды туманился взор.
И вдруг над чертой горизонта –
Цепочка сверкающих гор
Восстала, неизбежно вечной
Стеной вознесясь до небес,
И делит мир линией фронта
На степь и на царство чудес.

Там по утрам распахнут веер
Зарею брошенных лучей
И между скал блестит призывно
Водой живительной ручей,
Там облаков игривых стайки –
Небес лазурных жемчуга –
Бегут, бегут себе беспечно,
Бросая тени на снега.
Там запах трав лугов альпийских
Приносит ветер, свеж и быстр;
И винторог, летя по склонам,
Копытом сеет снопы искр.
Там месяц выйдет в поднебесье,
Зальет долины серебром

И стройных елей редколесье
Наполнит тайной и теплом.
Там у костра, в комочек сжавшись,
Боясь русалок на ветвях,
Увижу след звезды упавшей
В искре, блуждающей в углях.
Там шум немолкнувших потоков
Навеет мне волшебный сон:
Что пери дивные Востока
Спешат, спешат со всех сторон;
Что льнут они ко мне, ласкаясь,
И теплый, нежный жар ланит,
Огнем неистовым плескаясь,
И сердце плавит, и гранит...

Как пики маняше блистали
Сквозь синюю дымку снегов!
И к ним, ноги в кровь разбивая,
Я брел, не считая шагов.
Но силы мои иссякали...
Померк от усталости взор...
Я, руки к мечте простирая,
Упал у подножия гор.

Игорь ЭРНСТ родился в 1946 г. в Шахрисабзе. Инженер-электромеханик. Поэт, прозаик. Публиковался в журналах и альманахах Узбекистана.

Острова

Носили нас волны
По бурному морю,
И ветер нам рвал паруса.

И в шумы морские
Неясно вплетались
Незримых сирен голоса.

Они нежно пели,
Звучали негромко,
Как будто играла свирель,

В просторах безбрежных
Мы слышали говор
Далеких счастливых земель.

Казалось, что шепчут
Далекие земли,
Неведомый пальмовый край

О том, что под солнцем
Среди океана
Откроется истинный рай.

И мы устремлялись
На поиски счастья,
Блуждая в морях наугад,

Ища в тусклой дымке
Настойчивым взглядом
Страну долгожданных наград.

И встретился остров...
За пенной каймою
Бегущей на берег волны

Красивые люди
Нам машут руками
И правят свои к нам челны.

Но судьбы жестоки,
Стихии коварны,
И в сумрак продрогших морей

Безжалостно гонят
Нас хлесткие волны,
И ветры льдом колют острей.

И видели мы, как
Бледнеют в тумане
Приметы желанной земли.

И к нам доносились
Веселые звуки,
Пока не затихли вдали.

Он словно приснился,
Осколок Эдема,
Размытый загадочный край, –

Как молнии вспышка,
Мелькнувший виденьем
Навечно потерянный рай.

Вот звездное небо,
Вот шепот подлунный,
Вот день, вот рассвет, вот закат.

Так с пеной капризной
Рождаются звенья
В цепи бесконечных утрат.

И носят нас волны,
Поют и играют –
Морей нескончаема трель;

Нам снятся ночами
Призывные песни
Далеких счастливых земель.

Парус

Мы жили счастливо на острове нашем,
Мы жен наряжали в оклад орхидей,
Был лобик дочурки цветами украшен,
Росли мальчуганы опорой людей.

Нам жены дарили чудесных детишек,
Веселые свадьбы шумели весь год,
В любовных утехах не ведал затишья
Наш славный и добрый, красивый народ.

Нам звезды светили, нас солнце ласкало,
Сердца согревая дыханьем весны.
И море на рифах в ночи рокотало,
Нам сны навевая, волшебные сны.

Мы в рощах священных дары приносили
Своим своенравным, но добрым богам.
Как предки велели, друг друга любили,
Прошали обиды смертельным врагам.

В полях наших жёлто зерно колосилось,
Стада разбредались по сочным лугам,
Щедротами море охотно делилось,
И в рощах фруктов нет счета плодам.

Коралловый берег дугой изгибался,
Волна набегала на нежный песок,
За плеском прибоя наш голос терялся,
Свод неба над нами был чист и высок.

Мы жили счастливо на острове нашем,
В селеньях свободных и равных людей.
Наш мир был приветлив, спокоен, не страшен,
Мы жили счастливо...

Казалось, нам вечно судьба улыбалась –
Беспечная юность, беспечная старость,
Сама безмятежность нам свыше давалась...

Мы вдруг на рассвете увидели парус.

Владимир

Что же с тобою, Владимир?
Тихи твои холмы.
Город как будто вымер,
В городе только мы.

Мы по холмам твоим спяшим
Бродим в летней ночи,
Как по волнам бурлящим
Нас, будто шепки, мчит.

Белые стены соборов
Строго нам смотрят вслед,
Духом святым Христовым
Нас берегут от бед.

Листьев узорные тени
Брошены на холмы,
В света и тьмы сплетенья
Робко вступаем мы.

А за рекой, по Заречью,
Россыпь огней вразлет,
Мерцанием – тайной речью –
За горизонт зовет.

Ветер кружит над холмами,
Ветер шумит листвою,
Мечутся под ногами
Тени на мостовой.

Дождь прошумел над холмами.
В лужи упав, луна
Так и бежит за нами,
Новым друзьям верна.

Здесь, на холмах невысоких
Лето – не время снов.
Утро спешит с востока
В сонную мглу холмов.

По улицам, рекам ночи,
Зябкий течет рассвет.
Что новый день пророчит –
Сколько счастливых лет?

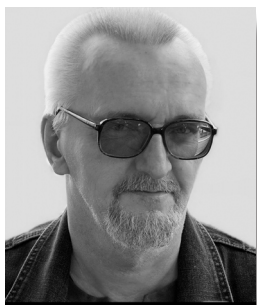
Как же нам радостно было
На золотых холмах!
Утро росой омыло
Русских равнин размах.

Жаль, что так коротко лето,
Быстро промчались дни.
Солнцем скупым согреты,
Грустно стоят холмы.

Время летит над холмами,
Годы былым цветут.
Я не расстался с вами,
В сердце моем живут

Чистые светлые дали,
Вечная рябь холмов,
Звезды, что нам сияли,
Церковь среди лугов.

Помню тебя я, Владимир!
Слышу: звенят холмы.
Город живет, не вымер...
Ждет, что вернемся мы.

БРАТ

Рассказ

Михаил СМИРНОВ

Алешка, сутулый из-за большого горба и поэтому всегда смотревший на мир искоса и исподлобья, в синем трико, в серой застиранной рубашке, на шее – черная нить и простенький крестик, отложил книгу и прислушался. Кто-то неторопливо поднимался по лестнице. Потом по двери громыхнули раз, следом другой, и донесся громкий голос. Алешка никого не ждал, тем более ранним утром. Опять прислушался. Может, кто ошибся, проходя мимо двери, и стукнул случайно, но тут снова ударили по двери. Алешка поднялся с дивана, где сидел, читая книжку, и, скособочившись, подволакивая ногу, подошел и распахнул дверь.

– Дверь сломаете, – буркнул он.

В полутемном подъезде стоял крепкий мужчина в дорогом костюме, белой рубашке, при галстукке и в блестящих узконосых туфлях, надвинув простенькую кепку на глаза. В руках он держал большую дорожную сумку и несколько пакетов.

– Чего надо? Слушаю...

Мужик хохотнул, толкнул Алешку в грудь, тот пошатнулся и, не удержавшись, отступил в сторону. Незнакомец шагнул в прихожую, бросил сумку и пакеты на пол, шелчком отправил кепку на затылок и заорал, именно заорал:

– Крючок, здорово! – мужик облапил Алешку и принялся хлопать его по спине. – Черт горбатый, это же я приехал! – он отстранил Алешку, пытаясь заглянуть ему в лицо. – Эй, Крючок, не узнаешь меня? – громко хохотнул и снова принялся хлопать ручищами по спине. – Сколько лет, сколько зим! Не ждали, а я приехал!

Алешка поморщился от боли и шагнул в сторону, вырываясь из крепких объятий и уворачиваясь от тычков, которыми награждал его незнакомец. Нахмурившись, Алешка с удивлением посмотрел на приезжего, подтянул сползающее трико, поправил рубашку, качнул взлохмаченной головой и недоверчиво отмахнулся.

– Да ну... не может быть! – он пристально взгляделся в полутемной прихожей в гостя. – Васька, неужели решил приехать? – недоверчиво воскликнул он, потирая небритую щеку. – И как же ты надумал? Столько лет не было, а тут... как снег на голову. Мы тебя ждали на похороны, а ты... – Алешка нахмурился. – Опоздал,

Михаил СМИРНОВ родился в 1958 г. в Салавате. Имеет среднетехническое образование. Публиковался в журналах и альманахах «Молодая гвардия», «Литера», «Смена», «Работница», «Сибирские огни», «Литературный Крым», «Казань» и др. Автор пяти книг прозы. Лауреат ряда литературных премий.

брат. На этой неделе уже сорок дней будет, как мамки не стало, а ты... – Алешка махнул рукой и, не удержавшись, съязвил:

– Видать, пешком добирался. Ладно, хоть сейчас объявился, а то вообще про нас забыл. Проходи, Васька, не стой на пороге, – и, покачивая головой, скрылся за старенькой портьерой. – Уж сорок дней будет, как схоронили, а он только надумал...

Васька, не слушая младшего брата, рассказывал что-то свое. Оставив сумку и пакеты возле порога, забросив кепку на вешалку, он мельком окинул взглядом прихожую и, как был – в туфлях – прошел в полутемный зал с занавешенными окнами, плюхнулся на продавленный диван и вздохнул, раскинув руки на спинке, поглядывая на солнечные лучи, пробившиеся сквозь узкие щели в портьерах.

– Ох, хорошо-то как! Что говоришь, Крючок? – посверкивая золотым зубом, сказал он и, не слушая брата, закрутил башкой, осматривая полутемный зал. – А где мать? Ушла, что ли? Ну, рассказывай, Леха, как живете, не обижаешь ее? Гляди, мой характер знаешь. Быстро по шее настучу! – завертел он снова головой и громко крикнул: – Эй, мать, я вернулся! Где ты, а? Встречай блудного сына...

И, довольный собой, расхохотался.

Васька давно не был дома, а в нем все осталось по-прежнему, как ему показалось. Ничего не изменилось. Хотя нет, изменилось... Появилось ощущение, что попал в заброшенную, нежилую чужую квартиру, а не в родной дом. Он не почувствовал того человеческого тепла, которое должно быть в жилой квартире. Васька невольно передернул плечами. Ему показалось, что от обшарпанных стен и старой мебели веет холодом. На серванте стояла небольшая фотография стариков в простенькой рамке – это бабка с дедом. Виделся уголок книги. Наверное, Крючок оставил. Васька так называл брата-горбуна. У того с малых лет было пристрастие к чтению, его книги можно было встретить везде, даже в самых неожиданных местах, а Васька не любил книги. Пустая трата времени, не стоит забивать мозги всякой ерундой. А Алешку, бывало, не дозовешься, если читает. И Васька злился, а иногда даже отнимал книги и прятал, да еще грозил, что выбросит. Алешка молчал. Он всегда был молчаливым, и это как-то настаивало: кто знает, что на уме у этого Крючка. В то же время злило, что братишка не бежит жаловаться, а молчком терпит издевательства.

Васька принюхался. В квартире стоял густой запах лекарств, а раньше такого не было. Дверь на балкон открыта, но запах не выветривается. Вьелся. Васька опять осмотрелся. Старые, местами рваные обои на стенах. Дешевый коврик над диваном. Рядом – тумбочка. В приоткрытом ящике видны лекарства. Низкий потолок в разводах старой побелки, с него свисает выцветший оранжевый абажур. Деревянные, давно не крашенные полы. Коричневая краска местами облупилась, между досками видны широкие щели. Окна задернуты стареньким застиранным тюлем. Возле окна – квадратный раскладной стол. Васька помнил его. Он еще в школе учился, когда купили стол и четыре стула. Хороший, красивый, в те времена так казалось. А большущий – страсть! Раздвинешь его – человек двадцать уместится, а если есть припасенные доски, чтобы вместо стульев и табуреток положить, тогда еще больше народу за ним уместить можно. В углу возле балконной двери на тумбочке стоит телевизор, на экран наброшена темная тряпка. Овальное зеркало, что висело в простенке, тоже прикрыто тряпкой. И тяжелый невыветриваемый запах, несмотря на открытый балкон. Стойкий запах лекарств, воска и еще чего-то, тлена, что ли...

Алешка не стал присаживаться возле брата, который развалился на диване,

раскинув руки, а пристроился на краешке расшатанного стула. Он сидел и смотрел на старшего брата, который сразу после школы сбежал из дома и, можно сказать, исчез на долгие годы. Сбежал с другом на золотые прииски. Решили разбогатеть. На прииски не попали. Друг вернулся, а Васька не захотел возвращаться домой. Первое время жил где попало, потому что никто не брал на работу, потом ему помогли с курсами, он выучился и устроился на работу. И всего лишь дважды приезжал домой. Деньгами сорил направо и налево. Гулял на всю катушку. Мать пыталась образумить его, но бесполезно. Васька разругался в пух и прах с ней, Алешку отлупил и умчался, сказав, что больше никогда не приедет, мол, проживу без вас... Хлопнул дверью и ушел. С той поры ни разу домой не приезжал... исчез на долгие годы. Изредка от него приходили коротенькие письма или открытки: мол, получил квартиру, жив-здоров – и все на этом. Он не интересовался жизнью матери и брата. Не спрашивал, как живут, в чем нуждаются. Жил для себя... Алешка вздохнул. Изменился брат. Здоровенным стал. Не кулаки, а кувалды. И его взгляд заметил Алешка: смотришь в глаза – вроде радуется, а приглядишься – стужей веет, аж обжигает. Улыбка широкая, а в глазах лед.

– Что молчишь, Крючок? – Василий покосился на братишку, потянулся и мотнул головой. – Эх, устал, как собака, пока добирался! Далеко живете, – сказал, словно это не его родной дом, а он приехал в гости, и тут же снова спросил: – Куда мать ушла? Утро, а она шляется. Гляжу, когда во двор зашел, ваши бабки уже возле подъездов сидят, сплетнями делятся, старые кочережки! – и опять недовольно буркнул: – Где мать шляется, спрашиваю? Вот приедешь в гости, а их днем с огнем не найдешь... – и нахмурился, продолжая осматривать квартиру.

– Это... – Алешка заскрипел стулом, покосился на брата и еще сильнее склонился. – Это... мамка не шляется. Она умерла. Тебе отбивали срочную телеграмму. Сообщили, что матери не стало, чтобы на похороны приехал. До последнего тебя прождали, а сейчас заявился и делаешь вид, будто ничего не знаешь. Не говори, что не получал телеграмму. Так не бывает, брат...

Сказал, вскинул голову, взглянул на брата, который продолжал сидеть на диване, и замолчал, снова вперившись взглядом в пол.

Василий нахмурился. Посмотрел на худого братишку, на его горб, который, как казалось, еще больше стал, пока его не было дома. Взглянул, как он сидел, приобняв спинку стула и уткнувшись взглядом в пол, а потом снова обвел взглядом запущенную квартиру, споткнувшись на телевизоре и зеркале, которые были закрыты темными тряпками, и качнул головой.

– Нет, Крючок, никакой телеграммы не было, – он взъерошил волосы и шумно выдохнул. – Не бреши, Крючок. Не могла она, мать, так рано... Она же еще молодая! – он нахмурился, о чем-то задумался, но тут же вскочил, подошел к столу, на котором стояла фотография матери в рамке, на которой она еще молодая, долго смотрел на нее и заторопился в спальню, где стояли старый шкаф да кровать, а в углу – низенькое кресло. Опять уселся на продавленный диван и, ударив кулаком по колену, рыкнул:

– Хочешь сказать, что я обманываю? Не получал телеграмму, не получал! Я приехал. И подарки всякие понавез. Матери купил и тебя не забыл, тоже по мелочи прихватил – рубашку там, футболку... А ты говоришь, что мать умерла. Как же так, Крючок? Получается, что теперь у меня никого не осталось?! Один как перст я. Понимаешь?

И Василий снова рыкнул, стукнув по колену.

Вздвогнув, услышав его рык, Алешка крепко вцепился в спину, с опаской покосился на брата. Что он говорит-то? Почему один остался, а я, получается, ему неродной? Но, качнувшись, Алешка промолчал и снова глаза в пол. Он мало разговаривал. В основном молчал и слушал. Так было всегда...

Старший брат долго что-то бормотал, а что – не разберешь, глядел на Алешку, осматривал квартиру, а потом вскинулся, заторопился в прихожую и, расстегнув сумку, принялся в ней шарить. Достал бутылку. Прошел на кухню и загремел посудой. Не рюмку, а стакан взял. До краев налил и молча выпил. Не поморщился. Из хлебницы достал корку черствого хлеба, шумно занюхал. Уселся на табуретку и поставил перед собой бутылку.

– Слышь, Крючок, что с матерью случилось? – спросил он, снова наливая водки. – Она же никогда не жаловалась на здоровье. Заболела, что ли? Слышь, что молчишь? Айда сюда, мать помянем...

– У матери большое сердце было, – шаркая большими тапками, сказал Алешка и, открыв холодильник, вытащил банку с огурцами, выловил парочку, положил на тарелку и осторожно взял чайную чашку. – Долго болела. И в больнице каждый год лежала. Я же тебе писал в письмах. Скорая приезжала. Участковый врач приходил. Мать ждала тебя. До последнего дня надеялась, что появишься, – Алешка запнулся, опустил голову, потом выпил, придвинул табуретку и уселся за стол. – Мать тихо померла, во сне. Я даже не услышал. Утром поднялся, думаю, а чего она не встает? Всегда раньше меня поднималась, а сейчас не выходит. Зашел, а она лежит. Вся желтая такая, а дотронулся – холодная.

Васька покосился на братишку. Одним глотком опрокинув водку, обвел взглядом скудную обстановку на кухне: холодильник, старый стол с дверками – еще тот, из далекого детства – и три табуретки. На стене посудная полочка с несколькими шербатыми тарелками и блюдами, на нижней полочке вилки и ложки. На подоконнике несколько банок и два горшка с цветами. Да, так было всегда, как он помнил. И в детстве жили бедновато. Матери одной пришлось тянуть их, двух папанов. Лешка часто болел, а вот он не жаловался на здоровье. Никогда не болел, даже насморка не было. Мать всегда смеялась, что все здоровье ему досталось. А потом, после школы, сговорился с другом, потихонечку забрал все деньги, какие были дома, и смотался на золотые прииски. Думал, что встретят его там с распростертыми объятьями, но ошибся. Обратного ехать у него не было ни денег, ни желания, потому что знал: если вернется, уже никуда не вырвется. Так и останется жить в своем городке, а ему хотелось заработать огромные деньжищи, повидать мир, жить, как он хочет, а не так, как его заставляли. Дружок уехал, а он остался, и ему повезло, как он считал. Наткнулся на объявление о приеме на курсы. Сочинил целую историю, лишь бы его взяли. Отучился, потом попал на буровую. Тяжело было, но освоился. Хорошо зажил, когда стал работать. Другие копили деньги, а Васька не откладывал. Ему хотелось жить на широкую ногу, как говорится. И жил! Все, что зарабатывал, быстро спускал, брату и матери не помогал. Почему – не мог себе объяснить. И про деньги, что у матери украл, оставив ее с Алешкой без копейки, старался не вспоминать, а вернуть украденные деньги – этого и в мыслях не было. Одному легче живется. Поэтому жил для себя, в свое удовольствие. Пил, жрал, по бабам шлялся. Всегда говорил, что в жизни у человека будет столько баб, на сколько денег хватит. По курортам разъезжал, если получалось. Весело жилось, пока деньги в кармане водились, а потом впрягался и работал круглосуточно, пока опять не появлялись деньги... снова шел вразнос. И так каждый месяц, каждый

год – всегда...

А недавно какая-то тоска навалилась. Сам удивился, что его домой потянуло. Вроде давно ниточка оборвалась, которая связывала его с домом, а тут сильно потянуло. Бывало, ночами снилась мать. И всегда молчала. С укором смотрела и качала головой. И снилась молодой. Как видел в последний раз – в том обличье и приходила. А вот Алешка, младший брат, почему-то снился безликим. Он и в жизни-то был таким: тихим, незаметным и всегда виноватым, всего боялся, всех опасался, ни в какие разговоры не влезал. Молчком смотрит и двух слов связать не может. Вообще старался избегать общения с людьми. Наверное, стеснялся своего горба. И Васька стыдился брата из-за этого горба, потому что друзья смеялись над ними, Алешку горбуном обзывали, а его – братом горбуна. Васька злился, но отпора не давал, с каждым днем отдаляясь от брата все больше.

Василий снова налил в стакан, выпил и посмотрел на Алешку. Младший брат. Жалко было его, убогого, и не более того. Даже не просто жалость появлялась, а смешанное с ней презрение, что ли... Не было того, что должен испытывать брат к брату: любовь, родственные узы, привязанность и поддержка – этого не было. Давно не было. С детства, наверное, когда друзья смеялись, а он сторонился, старался никуда не брать младшего брата. Алешка был невысоким, горб делал его еще ниже, и он всегда боялся смотреть на людей, а говорить тем более отказывался. Молчуном был. Кивнет головой и пойми, чего он хочет. Сидит, сожмется и смотрит в одну точку. А если взглянет, то взгляд какой-то быстрый, недоверчивый. И сразу отворачивается. Василий вспоминал его со смешанным чувством жалости и презрения. А чтобы скучать по Алешке – этого не было. И сейчас вот он, родной братишка, рядышком сидит, подойди и обними его, но не хотелось, потому что, кроме жалости, ничего в душе не было, словно на улице столкнулся с незнакомым калекой, взглянул на него и посторонился, пропуская инвалида, а сам дальше пошел. Жалость – и не более того. Так, обычный прохожий, каких много по жизни встречается, а не родной брат. Даже странно звучит: «брат». Такие, казалось бы, родные, а присмотришься – разные, словно небо и земля. Неродные родные братья...

Алешка, сидя за столом, тоже исподтишка посматривал на старшего брата. Соскучился. Васька уехал, когда он еще подростком был. Мать в тот же день обнаружила, что Васька деньги украл. С работы пришла, а соседка сказала, что видела, как Васька с другом на поезд садились. Мать сразу кинулась к шкафу, где деньги держала, а там пусто. Все забрал, что мать накопила. Даже не подумал, как они будут жить. Украл и уехал. Сильно ругалась мать, когда увидела, что деньги исчезли. Брат украл, а досталось Алешке. Мать каждый день ругала его, что недоглядел, заранее не сказал, что Васька хочет сбежать из дома. Алешка знал, что брат собирался уезжать, но молчал. Как он мог предать родного брата? Целый месяц впроголодь жили, когда остались без денег. И каждый день мать упрекала Алешку, а он не обижался – ведь это мать, сносил все ругательства, какими мамка награждала, терпел. Ему казалось, что этим он спасает брата. И все годы скучал по нему. Сильно. Почти каждую неделю отправлял письма. Каждый день заглядывал в почтовый ящик. Редкие письма брата Алешка до сих пор хранил в своих книжках. И фотокарточку, где они вдвоем, еще мальчишками были, тоже сохранил. Алешка скучал по Ваське. Сильно. Он же брат...

– Слышь, Крючок, – так привычно, как всегда было, обратился Василий к братишке. – Нечего сидеть, поехали на кладбище. Мать проведаю, – и, поднявшись, вытащил из сумки бутылку, покрутил башкой, взял стакан и положил в пакет. –

Давай, шевелись. На такси поедем.

Сказал и направился к двери.

– А ты надолго приехал? – спросил Алешка, до этого молчавший. – Оставайся, Вась. Вдвоем-то куда веселее, чем одному. Вместе станем жить.

Алешка переоделся и направился вслед за братом.

Спускаясь по лестнице, Васька оглянулся на него, посмотрел на его потрепаные брюки, туфли с побитыми носами, большую, не по размеру, куртку, которой тот старался скрыть горб, на то, как волочил ногу, и нахмурился, аж складки собрались над бровями.

– Посмотрю, сколько проживу, – он взглянул на часы, стряхнул невидимую пылинку с рукава. – Может, вообще останусь или обратно уеду. Теперь никто и ничто не держит меня. Посмотрю, – повторил он и, выскочив из подъезда, заторопился к дороге, где мелькнула машина. Пронзительно свистнул, замахах рукой, останавливая такси, и, распахнув дверцу, громко крикнул:

– Эй, Крючок, шевели копытами! – и неторопливо уселся на заднее сиденье.

...Васька подгонял братишку, но Алешка шагал по кладбищу медленно. Здесь нельзя торопиться. И шуметь не нужно. А Васька шел и во весь голос о чем-то говорил. Алешка нахмурился. Одернул брата, но тот не обратил внимания, продолжая орать. Они шли по главной аллее кладбища, этого огромного города. Царства мертвых. Улицы, переулки, кварталы, центр и окраины. И могилы... могилы... Могилы, где лежат молодые и старики, взрослые и младенцы. Все наши здесь приют. Алешка издали заметил высокий красивый памятник-стелу – это ориентир. Добравшись до него, он свернул в проулок. Зашагал по узенькой тропке, направляясь к дальним кустам на окраине кладбища, разглядывая надписи на памятниках, а брат, позвякивая бутылкой, чертыхался, подгоняя его...

Одни могилы были ухоженные, в цветах и кустах сирени или рябины, с березками над памятниками – светлыми и чистыми. Другие могилы были беднее – металлические низенькие оградки, такие же памятники. Кое-где стояли покосившиеся от времени простые деревянные кресты. И возраст у всех могил разный. От недавних захоронений, где свежая земля и новые венки горою по краям оград, до старых, на памятниках которых едва заметны надписи. Всех собрал в одном месте старуха с косой – смерть...

Алешка неожиданно остановился и показал на маленький холмик.

– Пришли, – сказал он. – Это мамкина могилка.

Васька долго смотрел на простенький деревянный крест, на маленькую фотокарточку в овальной рамке с недоумением всматривался, потом стал оглядываться, словно что-то искал, и повернулся к Алешке, стоявшему позади него.

– Хочешь сказать, что мать стала такой? – удивился Васька и ткнул пальцем. – Здесь же старуха!

И снова стал всматриваться, словно не узнавая мать.

И впервые за много лет Алешка не выдержал. Держась за соседнюю оградку, он попытался немного распрямиться и искоса взглянул на старшего брата.

– А ты, Васька, вспомни, сколько лет домой не приезжал, – и кивнул на могилу матери. – Вспомни, когда в последний раз видел мать. Ты много знаешь, как мы жили? Ты хотя бы раз поинтересовался, что нам нужно, в чем нуждаемся. Ни разу не спросил! Ты больше хвастался, сколько денег зарабатываешь, сколько пропиваешь в ресторанах, куда ездил, сколько тратил. Тебя интересовали деньги, а не мы с матерью. Мать получала копейки, и я – пенсию, она с этих денег даже умудрялась тебе отправлять переводы, а ты не отказывался, потому

что тебе все мало было, сколько ни дай, – и он отвернулся, махнув рукой. – Мы никогда не обращались к тебе за помощью, пока мать не заболела. А когда заболела, я отправил письмо, что нужны деньги на лечение, помоги, брат, если есть возможность, а ты не ответил, будто не получал его. Видать, деньги пожалел для матери. А сейчас стоишь и делаешь вид, будто мать не узнаешь. В старуху превратилась она. Да что говорить-то, все равно не поймешь. Эх, брат...

Алешка махнул рукой и отвернулся.

Васька башкой закрутил: не понравилось, что младший брат ткнул его носом. Сильно ткнул, всей мордой, да еще повозил, словно наждаком проехался! А кто он такой, чтобы упрекать? Ваське не понравилось, что горбун, которого он презирал, которого, можно сказать, за человека не считал, на него голос повысил. Васька нахмурился, в душе оправдывая себя. Да, получал переводы. Да, тратил. И письмо приходило, но даже мысли не было, чтобы помочь. Если отправляли деньги, значит, у них была такая возможность, чтобы ему помочь, успокоил он себя. Достал бутылку. Налил. Выпил. Опять налил полный стакан и, не предлагая брату, опрокинул в два глотка. Чутьочку плеснул на донышко и поставил стакан возле креста. Рядом положил кусочек хлеба. Закурил и принялся осматривать городское кладбище. Мать была похоронена на окраине. Вокруг кустарник разросся, изредка тополя стояли, вон кто-то елку посадил. Вымахала. А там, где центральная дорога, красивые, большие памятники, оградки – одна лучше другой. Видать, там ухаживают за ними. А здесь простенькие памятники или кресты и оградки дешевенькие. У матери только холмик и крест. Ограду не поставили. Колышки вбиты с четырех сторон, проволока натянута – и все на этом.

– Слышь, Крючок, а когда собираешься ставить ограду с памятником? – Васька глотнул из бутылки и поморщился. – Фу, дрянь! – выругался, передернул плечами, еще раз поморщился.

Склонив голову к плечу, Алешка помолчал, потом сказал:

– На этой неделе сорок дней будет, как мать схоронили. Земля не просела. На следующий год нужно ставить. Сделаю, если деньги накоплю.

– А что, такие большие деньги нужны? – удивился старший брат. – Ты пенсию получаешь и, как мать говорила, сапожничает, – он снова приложился к бутылке.

Алешка промолчал. Брат прекрасно знал, что все деньги уходили на лечение матери. А лекарств, какие выписывались бесплатно, в аптеках не было. Приходилось самим покупать. Остальные деньги уходили на продукты. Так и перебывались с хлеба на воду...

Пока старший брат допивал водку, Алешка неторопливо подправил могилку, где земля успела осыпаться. Тряпкой протер крест и фотографию. За оградой, куда он ходил к колонке, собрал небольшой букетик полевых цветов – мать любила – вернулся и поставил его в банку. И опять прислонился к соседней оградке, молча наблюдая за братом, который сидел на камне, испачкав костюм, бутылка валялась рядом, он курил, о чем-то спрашивал и тут же сам себе отвечал.

– Васька, поехали домой, – затормозил Алешка. – Поднимайся. Вон, костюм перемазал. Айда, дома почистим.

– Ты, Лешка, дурак, сволочь и гад, – погрозив пальцем, брат поднялся, пошатываясь и, даже не попрощавшись с матерью, побрел к выходу. – Знаю, что меня осуждаешь. А кто ты такой, чтобы меня осуждать, кто? Ты – пустое место для меня. Понял? Что ты сделал для меня в жизни? Ничего! – медленно, по слогам сказал Васька и принялся громко свистеть, останавливая машины.

– А что ты сделал для нас с мамкой? – не удержавшись, огрызнулся Алешка и еще сильнее скособочился. – Ничего...

– Чего сказал? – нахмурившись, Васька поглядел на него и неожиданно замахнулся. – Как врежу промеж глаз, ни одна реанимация не примет. Залазь в машину, убогий! Ишь, хозяином почувствовал себя. Ничего, я приехал, теперь быстро на место поставлю. Не посмотрю, что брат. Да и какой ты...

Он оттолкнул Алешку, уселся в машину и захлопнул дверцу.

Алешке не хотелось с ним ругаться. Он молчком сел в машину.

...Уже дома, скинув туфли в зале, Васька содрал с себя пиджак, ослабил узел галстука, сдернул его и бросил на пол, как и пиджак, в дверях спальни упала рубашка и, пошатываясь, свалился на кровать и громко засопел, протяжно всхрапывая во сне.

Алешка собрал раскиданные вещи и аккуратно положил на табуретку возле кровати. Все пакеты и сумку, которые до сих пор валялись в прихожей, тоже отнес в спальню. Прошел на кухню. Достал из морозилки маленький кусочек мяса, в половину ладошки величиной, вспоминая слова матери «Лишь бы запах был», и принялся варить простенький суп, пока брат спит. Проснется, надо его накормить. Все же он с дороги. Проголодался. А когда приготовил, взял книжку и принялся читать, прислушиваясь к громкому храпу. Потом достал чистое полотенце, новое мыло, поколебался, глядя на свои рубахи и трико, что лежали на полке, хотел предложить Ваське, но зная, что тот еще с детства был брезгливым, махнул рукой и снова взялся за книгу.

За стеной раздался грохот, донеслась витиеватая брань и визгливый женский голос. Опять сосед дядя Валера напился. Теперь будет весь вечер буянить. Никакого покоя от него. Лишь бы не дрался с женой тетя Ириной, а то соседи вызовут милицию и отправят его в вытрезвитель. Ночку подержат у себя, чтобы протрезвел, потом выпустят. Он, пока до дома доберется, опять в стельку напьется и снова начнет скандалить. И так чуть ли не каждый божий день, как говорила мать. Где только деньги берет на водку – непонятно...

В дверь негромко стукнули, потом еще раз и, не дожидаясь, когда откроют, кто-то толкнул дверь, и донесся скрип половиц.

Алешка повернулся в сторону двери. По шагам узнал, что пришла соседка.

– Алешка, ты дома? – раздался скрипучий старческий голос и, отодвинув портьеру, в зал заглянула старушка невысокого роста, юбка до пят, линялая кофта неопределенного цвета, а поверх наброшен байковый халат. – Здравствуй, сынок! Это к тебе приехали гости? А кто? Утром выглянула в окно, смотрю, а в наш подъезд заходит видный мужик с пакетами и сумкой. Думаю, к кому это приехал? А потом слышу – в вашу дверь заколотил. Думаю, зараза, весь подъезд разбудит. Это кто нагрнул?

Утирая впавший рот сухонькой ладошкой, старушка с любопытством осмотрела квартиру, а потом прошла в зал и уселась на скрипучий стул возле стола.

Было заметно, что здесь привыкли ходить друг к другу.

– Здравсьте, баб Липа, – искоса взглянув, протяжно поздоровался Алешка и положил книгу на диван. – Это старший брат приехал, Васька. Не узнала, что ли? Я тоже не сразу признал, когда дверь открыл. В подъезде темно было, а Васька еще кепку на глаза надвинул. Думал, что ошиблись дверью...

– Правда, не признала, – округлив глаза, закачала головой старушка. – Вымахал-то как! Здоровуший стал, а видный – страсть! Стока годков не приезжал,

а теперь надумал. А не поздновато ли спохватился? Раньше нужно было про мамку думать, она его каждый день ждала... – Старушка помолчала и внимательно осмотрела зал. – Он спит, что ли? Солнце к закату, а он дрыхнет. Голова будет болеть. Так и скажи ему. Наверное, гулеванил, – а потом закрутила головой. – А гостинцы привез? Что-то не вижу. Ну-ка, похвастайся, Алешка...

– Нечем хвастаться, – прижавшись к спинке дивана одним боком, сказал Алешка. – Да мне все равно, что привез. Я не интересовался. Главное, что сам приехал.

– Правду говоришь, Алешка, – старуха закивала головой. – Главное, что приехал, тока слишком поздно появился. Раньше нужно было, пока мамка жива была, – и снова с любопытством стала осматриваться. – Лешка, а что же ты не поглядел, что брат привез? А вдруг что-нить нужно в холодильник убрать или сразу скушать, чтобы не испортилось, а ты сидишь и ничего, кроме своих книжек, не видишь. Жалко ведь, если придется выкидывать. Денежки за это уплачены. Давай вместе взглянем, а?

И старуха настойчиво уставилась на Алешку.

– Ох, баб Липа, ну ты и любопытная, – хихикнул Алешка, глядя на старуху, и мотнул головой. – Не могу – это не мои вещи. Вот Васька проснется, пусть и разбирает свои сумки.

Старуха разочарованно всплеснула руками.

– А куда ездили? – не унималась баба Липа и махнула рукой. – Я в окно заметила, как в машину садились. Могли бы на автобусе, а они как баре... Такие деньжиши коту под хвост выбросили! Знать, много прокатали, да?

Она осуждающе покачала головой и принялась шевелить впавшими губами, наверное, пыталась подсчитать, сколько денег пустили на ветер.

– На кладбище ездили, к мамке, – сразу нахмурившись, покосился Алешка, вспоминая пьяного брата. – Там посидели и вернулись. Васька немного перепил. И с дороги устал. Вот и разморило. Спать улегся. Пусть отдыхает, – он махнул рукой и добавил: – На следующий год, если скоплю денег, оградку и памятник поставлю. Я уже присмотрел. Хороший видел, красивый! Вот бы поставить...

– Это хорошо, если сделаешь, – закивала головой старуха. – Я вот тоже наказ своим дала, когда снесут меня на мазарки, чтобы поставили большуший крест. Как зачем? Я же маленькая. Меня не видно. Мимо пройдут и не заметят, а крест будет стоять, так издали увидят. Не промахнутся, ежели придут на родительский. Ну а не придут, значит мало ума вложила в их бошки.

И старуха обиженно поджала и без того тонкие губы.

Алешка засмеялся, взглянув на ее лицо.

– Баб Липа, что рано хоронишь себя? Ты уж сколько лет про этот крест говоришь! Я еще мальчишкой был, но помню, как ты сказывала. И сейчас одно и то же. Ты не бойся, не забудут. У тебя дети хорошие, – сказал и помрачнел, оглянувшись на спальню. – А вот наша мамка...

Сказал и запнулся, услышав, как в спальне заскрипела кровать.

– А что наша мать? – донесся хрипловатый после сна голос брата и, растирая лицо ладонями, он появился в дверях. – Хочешь сказать, что я виноват? Ты жил с матерью. С тебя спрос, почему она умерла...

Алешка нахмурился и вздрогнул, с удивлением посмотрев на старшего брата.

– Что ты... что ты говоришь, бесстыдник? – замахала руками баба Липа. – Алешенька – умница, безотказный. Дни и ночи не отходил от мамки, ухаживал за ней, когда заболела. Недоедал и недосыпал. Ну а ты...

– Не нукай, не запрягла, – перебил Васька и хмуро взглянул на старуху. – Ты кто такая, чтобы указывать, а? Пришла в гости – вот и сиди, а не нравится – вали отсюда! Ишь, привыкли, как к себе домой приходят. Кто звал тебя? Шагай... Шагай отсюда!

Повышая голос, Васька махнул рукой, показывая на дверь.

Алешка заерзал на диване. Поднялся. Сделал несколько неуклюжих шагов и встал, загораживая старуху и исподлобья глядя на брата.

– Васька, не ругайся в доме, – нервно передернув плечами, сказал он. – Баба Липа – это мамкина подруга...

Васька достал сигареты. Закурил и поморщился, когда дым попал в глаза. Замотал головой и чертыхнулся, а потом замахнулся на брата.

– Как врежу, ни одна реанимация не примет, – стал повышать голос Васька. – Мне плевать: подруга или нет. Матери не стало, значит нечего к нам приходиться, – и ткнул пальцем в старуху. – Сама на ладан дышит. Ей давно пора быть на кладбище, а она до сих пор воздух портит. Тоже мне, подружка нашлась...

Он приоткрыл балкон, не выходя, плюнул с него, следом полетел окурок. Васька охнул, схватившись за голову.

– Ой-ёй, – вздохнула баба Липа, покачивая головой, махнула рукой и пошла к выходу. – Два родных брата, а небо и земля. Ну да Бог тебе судья, Васька!

– Иди, иди, – отмахнулся Васька. – Тоже мне, судья нашлась. Иди, и без тебя голова раскалывается.

И опять схватился за голову.

Баба Липа поднялась и, продолжая осуждающе покачивать головой, вышла, осторожно притворив дверь.

Васька долго ходил по квартире, ругая брата, бабу и всех соседей. Всех обвинял, но ни одного плохого слова в свой адрес. Видать, считал себя правым...

Алешка молчал. Сидел на диване и молчал. Искоса поглядывал на брата. Отводил взгляд, если тот смотрел на него, и словно меньше росточком становился, если брат подходил и начинал махать кулачищами – того и гляди заденет. Наконец-то дождавшись, когда успокоился брат, Алешка поднялся, вытащил из шкафа чистое полотенце и положил на стол.

– Василек, – как в детстве, Алешка обратился к брату, – бери полотенце и иди в ванную. Искупайся с дороги. Я суп приготовил, пока ты спал. Тебя жду, чтобы вместе покушать. Суп вкусный получился!

Алешка причмокнул.

Васька хмуро глянул на него. Постоял, раздумывая, видать, решал, что делать, потом молча взял полотенце, новое мыло в упаковке и скрылся в ванной комнате. Он долго плескался, ворчал, иногда матерился громко и всяко, а потом неожиданно замурлыкал под нос. Видать, настроение появилось. Побрился. Вышел, вытирая вспотевшее лицо. Подтянул трико, подошел к занавешенному зеркалу, откинул тряпку и долго смотрелся в него, поигрывая мышцами, – любовался собой. Пригладил волосы и направился на кухню.

– Ну, корми, Крючок, – сказал он и с грохотом придвинул табуретку к столу. – Чем угощать-то собираешься, а? Красную икру подашь или свиные отбивные?

И засмеялся, довольный.

Алешка покосился на него, но ничего не ответил. Нарезал черствый хлеб, поставил перед братом шербатую тарелку с супом, где плавали разваренные рожки, виднелись картошка, кругляши моркови да изредка мелькал поджаренный лук. Отдельно, в тарелочке поставил нарезанный огурец, а рядом на стол

положил несколько зубчиков чеснока.

– Кушай, Васька, – сказал он, немного налил себе супа и присел с краю стола. – Сварил, пока ты спал. Вкусный супчик-то.

– Уже заметил, какой вкусный, – буркнул Васька. – Прямо как в ресторане!

Брезгливо поморщившись, Васька помешал в тарелке, поднял ложку, в которой одиноко лежал маленький кусочек мяса. Опять зачерпнул, посмотрел на разваренные рожки. Потом отодвинул тарелку, взял кусочек огурца и захрустел.

– Н-да, негусто, – буркнул он и принялся отщипывать маленькие кусочки хлеба. – С такого супа морда шире не станет – это точно, но и подохнуть не получится. Вот поэтому ты такой дохлый, а может, у тебя все в горб уходит? Глянь, он не по дням, а по часам растет.

Он ткнул пальцем в большой горб, который, как ему казалось, стал еще больше за время его отсутствия, хохотнул, зацепил кусочек огурца и снова захрустел.

– Последние деньги на похороны ушли, – покосившись, сказал Алешка. – Даже занимать пришлось. Ладно, соседи помогли, а то бы совсем худо было. Поэтому в холодильнике пусто. Ничего, проживем! Вот ты вернулся, теперь все наладится.

– А с чего ты взял, что я останусь? – удивленно покосился Васька и, попробовав суп, брезгливо почмокал. – В этой дыре жить, в этом свинарнике, откуда сбежал? Я вернусь, но к себе, – и принялся хвастаться: – У меня большая квартира, новенькая машина, теплый кирпичный гараж. У меня есть все, что душе угодно, а баб... вообще – от Парижа до Алтая мне готова дать любая. Все бабы мои будут, если захочу. И каждая из них хочет выйти за меня замуж. У меня их столько было, что тебе и не снилось. Понял? А у тебя есть баба, Крючок?

Васька привычно обозвал братишку и хохотнул, заметив, как тот смутился.

– Нравится одна, – запнувшись, сказал Алешка, не поднимая головы, и принялся хлебать суп. – Хорошая девушка...

Брат закатился. Тыча пальцем в Алешку, он смеялся, махая рукой, мол, мели Емеля – твоя неделя. Потом вытер слезы, взял сигарету и закурил за столом, стряхивая пепел на блюдечко.

– Посмотри на себя, Крючок, – он пренебрежительно отмахнулся. – Ты же горбатый! Башкой подумай, ведь ни одна нормальная баба не согласится с тобой жить. А как же ты будешь с ней того... – он покрутил в воздухе рукой, как бы намекая, потом схватил огурец, принялся жевать и пробубнил: – Хотя... может, и она такая, как и ты – крючкообразная? – и захохотал, хлопая ладонями по столу, того и гляди тарелка свалится.

Алешка нахмурился. Обидно стало, что брат обзывает и унижает его. Обидно было, но Алешка молчал. Пусть болтает, лишь бы не ругался и не размахивал кулачищами.

– Почему... такая? – нахмурился и искоса взглянул Алешка. – Она хорошая. Добрая. И нормальная...

– Дуры нормальными не бывают, – небрежно отмахнулся Васька и усмехнулся. – Скажешь, хорошая? Только настоящая дура может жить с таким калеккой, как ты, потому что нормальная девка рядом с тобой не сядет. Ты погляди в зеркало, на кого похож. Если мне понравится девка, она станет моей – это точно. А если тебе нравится, это еще не значит, что она будет твоей. Она никогда не станет твоей, потому что ты... – он грязно ругнулся. – Понял, Крючок?

Васька разговаривал грубо. Для него брат давно уже стал чужим. С самого

детства, можно сказать. А потом, когда уехал, вообще отвык за долгие годы. Абсолютно отвык! Не брат, а чужой человек. Он покосился на Алешку. Для него друзья были куда ближе, чем мать и брат. Уехал из дома пацаном. Сразу после школы сбежал, а сейчас уже взрослый мужик. Получается, что большую часть жизни прожил один, без семьи. Даже когда учился, Васька почему-то стеснялся своей матери, не говоря уж о брате-инвалиде. Мать, сколько он помнил, всегда была тихой, забитой. Ни с кем не спорила, не ругалась. Все помыкали ею. Не успеет прийти с работы, а уже торопится на другую. Всегда в старенькой одежде, неприглядная, маленькая, шупленькая. Пройдет мимо – не заметишь. Серая мышь, как говорят. Васька не любил, когда она приходила в школу. Робко постучится в дверь и стоит. Опустит глаза и молча слушает, как учительница жалуется на него. А домой вернется, не ругается, лишь взглянет с укоризной, покачает седой головой и все. И братишка Алешка в нее пошел. Взглянуть лишний раз боится, не то что слово сказать, а тем более поругаться. А он... Ему почему-то стыдно было, что у него такая семья. Друзей в дом не приводил. Стеснялся, что живут небогато, что у них всего лишь маленький телевизор и проигрыватель с кучей старых пластинок – все, что осталось от отца, который сбежал от них, когда они в садик ходили. А на все вопросы об отце Васька отвечал, что он был подводником и погиб при исполнении секретного задания. Даже картинку из какого-то журнала вырезал и всем показывал. И сам поверил в то, что придумал. Верил и хвастался, пока кто-то не приташил в школу старый журнал, а там была такая же картинка – подводник. Весь класс... нет, вся школа смеялась над ним, над его враньем. Он злился. Дрался. Иногда плакал, забившись под лестницу или забравшись на чердак. Мать вызывали в школу. Она терпеливо слушала, а Васька стоял рядышком и смотрел на нее. Учительница жаловалась, что он обманывает, с ребятами дерется, уроки прогуливает и про отца носом ткнула, а мать ничего не сказала, даже не заступилась за него. И после этого Васька стал тихо ненавидеть свою семью, стыдиться мать и бить брата. Старался избегать с ними куда-нибудь ходить, где-то бывать. Ему лучше было с друзьями. С ними – весело. А дома – тоска зеленая. Васька стал после школы уходить к друзьям, возвращался затемно. Иногда приходил с винным запашком. Мать покачает головой, сядет и тихонечко начнет плакать, а он только злился, глядя на ее слезы. И в итоге, кое-как дотянув до выпуска, уташил деньги у матери и с другом уехал из дома. Он решил стать богатым. Таким, чтобы все завидовали, таким, чтобы все боялись его, таким... Васька вздохнул. Да, он добился. Правда, пришлось обманывать. Всем говорил, будто остался без родителей, а часть документов у него украли. До сих пор не мог понять, почему поверили ему, почему стали помогать. Сначала выучился на курсах, потом его определили на работу, хотя, как он видел, многие уезжали ни с чем. А ему нашлась работа. Потом квартиру дали. А когда почуял, что на ноги встал крепко, тогда-то и показал свой характер. Ну а мамка с братом... Они остались там, где-то далеко, где-то в прошлом, о котором он старался не вспоминать. Да, приезжал домой. Показал матери и брату, с какой легкостью расстается с деньгами, разбрасывая направо и налево, но матери ни копейки не дал. Он приехал в гости, и его должны, нет, обязаны кормить, поить и выполнять все его прихоти. Да, он по большей части проводил время с друзьями в ресторанах и кафе, а потом с девками пропадал, но, возвращаясь домой, не чувствовал вины перед матерью и братом, словно так и должно быть. Бывало, что на обратную дорогу мать давала деньги, а он брал и спокойно уезжал, чтобы там, где живет, похвастаться перед друзьями, как

здорово он гульнул, что даже денег на билет не осталось. Мать долго терпела, а потом попыталась образумить его, но Васька психанул, мол, сует нос в его жизнь. И, разругавшись с ней, сказал, что больше домой не вернется. И ушел, хлопнув дверью. А мать и брат... А зачем о них думать? Это лишняя головная боль. Чем больше он зарабатывал, тем меньше ему хотелось общаться с семьей. Отдельвался редкими письмами, открытками, а потом вообще замолчал, но переводы, какие присылала мать, исправно получал. Значит, они живут хорошо, если присылают...

– Васька, почему говоришь, что девчонка, которая мне нравится, дура? – донесся голос. Васька помотал башкой, с недоумением посмотрев на братишку. – Аленка хорошая. Сам убедишься, когда с ней пообщаешься. Она такая, такая...

Алешка не смог объяснить, какая Аленка, лишь рукой махнул и замолчал.

– Какая Аленка? – поморщившись, раздраженно спросил Васька. – Да мне плевать на нее. Дура она и в Африке дура. Тоже мне, выискался женишок-калека. Ишь ты, размечтался! Скажи еще, что жениться собираешься...

Отмахнулся и закурил, стряхивая пепел куда попало.

– Я бы женился, если бы она согласилась, – едва слышно сказал Алешка. – Она как свет в окошке. Так мамка говорила...

Прижавшись к стене, Алешка искоса посмотрел на брата. Он привык, что некоторые люди глядят на него с презрением, когда он идет по улице, другие – с жалостью, оборачиваются вслед, а бывает, что просто не замечают, а может, делают вид, что не замечают... А вот Аленка, она другая. Не такая, как все. Сначала она приходила к матери, делала уколы, бегала в магазины, аптеки. А его всегда называла женихом. Потом стала просто так приходиться. Забежит после работы. Матери поможет. Мимоходом Алешку потреплет за вихры, прижмет к себе, женихом назовет и скажет, что нужно постричься. На следующий день прибежит, принесет машинку, пострижет, поможет голову помыть... Все так просто, так легко, словно всю жизнь знали друг друга. А потом Алешка стал ее ждать. Каждый день ждал, что вот сейчас постучит в дверь, войдет – и в квартире светлее станет от ее улыбки. И всегда ждал, когда женихом назовет, а он ее – невестой. Вроде в шутку говорили, а все равно на душе становилось тепло, и сердце колотилось быстро, с переборами. Непривычно было признаться самому себе, что Аленка нравилась. Сильно нравилась! Привязался к ней, а вот что полюбил – не хотелось признаваться даже самому себе, но... Страшился, потому что таких, как он, любить нельзя. Их презирают в худшем случае, в лучшем – жалеют и не более того. Любить такого, как он, это как в мультике «Аленький цветочек». Правда, в мультике Чудище становится красавцем, а он... целуй – не целуй, был и останется калеккой. Алешка все знал и понимал, а сердцу-то не прикажешь. Было тяжело, что Аленка рядышком с ним, а он... он молчал, но всегда ждал, когда придет. А как она приходила, начинал переключивать книжки на столе, что-нибудь переспрашивать, запинаться, если его спрашивали, краснел, Аленка замечала это и смеялась, называя женихом, и ерошила и без того разлохмаченные волосы. И мать заметила. Обрадовалась. А уже почти перед смертью тихонечко сказала Аленке, чтобы та не бросала его. Аленка смутилась. Плечиками пожала и ответила, что Алешка хороший, но сейчас еще рано на такие темы разговаривать, и заторопилась домой, а на следующий день опять появилась, словно никакого разговора и не было, пробежала мимо Алешки, называя женихом, трепала за вихры и посмеивалась. А Алешка втайне мечтал, что врачи придумают что-нибудь, и он вылечится, станет нормальным, как все люди,

и тогда... И перед глазами проплывали картины одна краше другой: они вместе с Аленкой идут по улице, а люди смотрят на них и улыбаются. А они идут, взявшись за руки, никого вокруг не замечают, они вдвоем, глаза в глаза, а впереди у них долгая и красивая жизнь – навсегда вместе. Вместе и на всю жизнь, чтобы никогда не расставаться.

– Не говори так, Васька, – покачиваясь, сказал Алешка. – Не говори, если не знаешь человека...

– Ты еще станешь меня учить, – взъерепенился Васька, резко отодвигая тарелку. – Даже пожарить не можешь приготовить. Фу, помои! – поморщился он.

– Алешка, что за шум, а драки нет? На весь подъезд раскричались, – раздался в прихожей голос, послышались быстрые шаги, и появилась невысокая, стройная девушка, одетая в простенькое платье, с волосами, собранными в пучок, в ушах мелькнули капельки-сережки, на шее виднелась тоненькая цепочка. Она остановилась в дверях и пристально взглянула на Ваську.

– Как я поняла, это Василий, твой старший брат? – она кивнула и едва заметно улыбнулась. – С приездом, Василек! А я Алена. Надеюсь, Алеша обо мне рассказал. Он такой молчун! Слова из него не вытянешь. Как дела, жених? – и провела ладошкой по его волосам, приглаживая. – Алешка, пора тебя стричь. Вроде недавно стригла, а ты опять оброс. Ладно, машинку принесу и подровняю. А что столько грязной посуды накопилось? Ну ладно, я вымою.

Аленка принялась расспрашивать братьев, как провели день, взялась за мытье посуды, продолжая посматривать на них.

Вздернув брови, Васька с удивлением, даже с недоумением посмотрел на нее: красивая, стройная, хоть наряд и простоватый, но улыбка, глаза... смеются, когда смотрит, и темнеют, если хмурится, и чертенята в них мелькают, и еще что-то такое было, чего не мог себе объяснить. Они притягивали... И такого с ним никогда не было. Васька затряс башкой, взглянул на Аленку и снова замотал, а услышав ее звонкий мелкий смешок, неожиданно смутился и опустил голову, чего не ожидал от себя. Ну никак не ожидал!

– Это... Тьфу ты, аж слова растерял, когда на тебя взглянул, – он чертыхнулся, а потом заулыбался, посверкивая золотым зубом. – Откуда взялась... такая красивая? Аж сердце екнуло, когда взглянул на тебя. Послушай, Аленка, может, вечером прогуляемся?

Васька сказал развязно, чтобы немного в себя прийти. Потянувшись, ухватил ее за тонкое запястье.

Аленка нахмурилась. Отдернув руку, шагнула в сторону, прислонилась к стене, а потом погрозила пальцем.

– Я не девка с улицы, чтобы со мной разговаривать так, – сказала она. – Сначала научись говорить, а потом будешь приглашать. У меня подруги есть, чтобы гулять, а нужно будет, и жених появится.

– Хочешь сказать, что вот он появится? – ухмыльнулся Васька, ткнув пальцем в Алешку. – Скажи, что может дать тебе этот жених-инвалид? Ничего, кроме головной боли! А я могу дать, потому что у меня настоящая жизнь – не сравнить с этой. Хочешь, все сделаю для тебя? Как сыр в масле будешь кататься. А с ним, с этим женишком...

Васька снова ткнул пальцем в брата и пренебрежительно отмахнулся.

– Как сыр в масле... – взглянув на него, сказала Аленка. – Алешка может дать больше, чем ты думаешь. У него душа светлая...

– Да ну! – Васька снова отмахнулся. – У него душа, а у меня все остальное.

У меня есть все, что твоей душе угодно, – продолжая усмехаться, сказал он. – А чего нет – достану или куплю. А одними словами и обещаниями сыт не будешь.

И Васька кивнул на брата, который сидел не поднимая головы и не вмешиваясь в разговор.

– Это ты сидишь и обещаешь, – звонко засмеялась Аленка. – Правильно говорят, что язык без костей. Вот и мелешь что попало – куплю, достану... К примеру, если человеку не дано любить – этого он не достанет и не купит, потому что это должно быть в душе, в его сердце и не деньгами меряется, – и дотронулась до Алешкиного плеча. – Жених, чем будешь кормить свою невесту? Ух, проголодалась! Весь день на ногах. Умоталась! Даже пообедать не успела. Думала, к вам прибегу – что-нибудь придумаем.

– Я суп приготовил, – искоса взглянул Алешка. – Сейчас налью.

И хотел подняться, но Аленка придержала его.

– Сиди-сиди, женишок, – сказала она и взяла тарелку. – Сама налью. Алешка, нужны деньги. Сорок дней на этой неделе. Продукты нужно купить. Я бы сбегала на рынок и по магазинам, все бы закупила, чтобы тебе не мучиться.

– Деньги в серванте лежат, – Алешка кивнул головой. – Забери. А я с баб Липой поговорю, чтобы помогла с сороковинами. Может, еще кто-нибудь из соседей поможет. Справимся. Вот и Василек приехал. Мамка рада будет, что ее не забываем.

Аленка присела рядом и принялась быстро есть, нахваливая Алешку за вкусный суп. Потом поднялась, плеснула чаю в стакан, неторопливо выпила и, взглянув на братьев, принялась подгонять.

– Так, братцы-кролики, живенько поднялись – и марш из кухни! – скомандовала она, уперев кулачки в бока. – Не путайтесь под ногами! Уйдите, я порядок наведу здесь. Идите в зал, посидите на диване, поговорите по душам, вы же братья...

Алешка поднялся и направился в зал.

– О чем говорить? – ткнув пальцем в спину братишки, пренебрежительно сказал Васька. – Он двух слов связать не может. С ним хорошо молчать. Он ни слова не говорит, и я молчу. О, какая у нас познавательная беседа получается! – Васька расхохотался. – Вот с тобой поболтать – это другое дело. И поговорил бы, и... – он заулыбался, посверкивая золотым зубом. – А с ним... У него столько ума нет, чтобы разговаривать. Поэтому и молчит как рыба об лед...

– Молчание – это золото, а вот болтун, как ты, находка для шпиона, – не удержалась Аленка и захлопнула дверь перед Васькой. – Не уважаю трепачей.

– Знаешь, Аленка, на это золото, что молчанием зовется, хлеба не купишь, – ехидно протянул Васька и скорчил рожу. – А я хоть и болтун, как говоришь, но хлеб с маслом и сыром всегда имею, да еще икорка водится. А ты еще жизни не видела, а говоришь про неуважение. Фу-ты, ну-ты, как заговорила! Вообще, не нужно меня учить. Говоришь, что устала, тогда иди домой и отдыхай, а мы уж сами тут разберемся. Понятно?

Он приподнялся и указал на дверь.

– Ты приехал скандалить или брата навестить? – приоткрыла дверь Аленка и, дунув, откинула волосы, нависшие на глаза. – Алешка соскучился. Всегда про тебя вспоминал и рассказывал, а ты...

– А тебе-то какое дело? – недовольно буркнул Васька, достал сигареты и закурил, стряхивая пепел на книжку, которая лежала на подлокотнике кресла. – Ты в наши дела не влезай. Я с Крючком сам разберусь.

Всяко обзывая брата, Васька разозлился. Не привык, чтобы ему выговаривали в глаза, не любил, чтобы с ним спорили. Сюда приехал и не ожидал, что у брата – этого молчаливого калеки – прорежется голос, а тут еще появилась эта девка. Тоже мне, нашлась защитница! Васька нахмурился. Хотя, если посмотреть, неплохая подруга. Есть в ней что-то притягательное. Взглянет – аж мурашки по коже пробегают. Вроде ругается, а почему-то хочется обнять ее. Сильно обнять и не отпускать! Чертыхнувшись, Васька взглянул на брата и пожал плечами. Инвалид, да еще такой тюфяк, что поискать нужно, а туда же – мечтает про Аленку. Наверное, думает, что зацепил девку, если женихом его называет. Единственное, чем может взять, это жалостью, а Аленка, если она дура, может попасть на крючок этому Крючку, а потом будет всю жизнь мучиться. Продолжая курить, Васька поглядывал то на братишку, то на закрытую дверь кухни, где занималась уборкой Аленка, размышляя, что будет, если он уведет девку. Неделя есть в запасе. Достаточно, чтобы уговорить. Не таких обламывал, а эта, хоть и языкастая, но простушка, если присмотреться. И одевается так себе. Много денег не заработаешь, ухаживая за больными. А все бабы, как он знал по своему опыту, падкие на яркие побрякушки и ласку. Он снова посмотрел на Аленку, представляя ее в будущем. И вдруг мысль мелькнула – шальная и неожиданная – а может, взять и жениться на ней? И сам оторопел от этой мысли. А почему бы не жениться? Девка-то хорошая – это сразу видно, тем более не избалованная. С такой заживешь как у Христа за пазухой. Она будет ценить внимание и радоваться каждой мелочи. Правда, что будет, если...

– Н-да, что-то я засиделся в четырех стенах, – потянувшись, задумчиво сказал Васька, заметив, что Аленка вышла из кухни и присела на стул, исподтишка поглядывая на него. – Может, куда-нибудь сходить, а? Слышь, Крючок, в кафе пойдешь?

Он знал, что брат откажется.

– Нет, не хочу, – прижимаясь к спинке дивана, покосился на него Алешка. – Что там делать? Покушать? Аленка приготовит вкуснее. Иди, если хочешь, а я дома останусь.

– Одному скучно в кафе, – поморщившись, сказал Васька. – Ни поговорить, ни посмеяться, а сидеть одному – тоска зеленая, – сказал и неожиданно повернулся: – Слушай, Аленка, может, вдвоем сходим? – и, сверкнув золотым зубом, подмигнул ей.

– Сходить можно, – кивнув, сказала Аленка и, не удержавшись, съехидничала: – Правда, скучно будет с тобой. И разрешения у жениха нужно спросить. Да, Алешка?

И она заливисто засмеялась.

– Ох языкастая! Со мной не заскучаешь. Я умею все и даже больше того, – он сделал паузу и подмигнул. – У любого жениха отобью. Сама убедишься, если согласишься, а не захочешь – все равно уболтаю. Не успеешь глазом моргнуть, как свадьбу сыграем, – хохотнул Васька и повернулся к брату: – Слышь, Крючок, я думаю, ты не будешь против, если мы с Аленкой посидим в кафе или в ресторан заглянем?

Пожав плечами, Алешка посмотрел на Аленку и вопросительно вздернул брови.

– А что у меня спрашиваешь? – он кивнул на Аленку. – С ней разговаривай. Я не муж, чтобы запрещать. Как скажет – так и будет...

И снова пожал плечами.

– Ишь, про свадьбу заговорил! Мне нужен муж, а не болтун. Муж, за которым как за каменной стеной, как говорится, а не пустозвон, – неожиданно сказала Аленка, задержав взгляд на Василии, словно хотела что-то спросить, но не решилась, виновато посмотрев на Алешку. – Алешка, не обижайся. Может, правда, сходить в кафе? Что-то я вымоталась. Забыла, когда отдыхала, – сказала и тяжело вздохнула.

– Ну что, идем? – сразу заторопился Васька. – Посидим, музыку послушаем. С Алешкой ничего не случится. Пусть твой женишок дома сидит. Ему не привыкать, – и повернулся к брату: – Слышь, Крючок, когда вернусь – не знаю...

Сказал и хохотнул, а потом поднялся и стал теревить Аленку, чтобы поторопилась.

Они ушли.

Алешка остался один.

Он походил по квартире. Подошел к сумке и пакетам, с которыми приехал брат, но не стал их трогать. Оставил все, как лежало. Его вещи – пусть сам и разбирает. Подошел к окну. Постоял, посматривая на соседний двор, где играли ребятишки. Со стороны футбольного поля доносились крики. Наверное, ребята играют. За стеной снова зашумел сосед. Опять начнет буянить. Алешка вздохнул, взял книжку и устроился на диване. Он не столько читал, сколько думал. О чем? Да обо всем. Прошрое вспоминал, о матери думал, Аленка перед глазами стояла, ухмылка старшего брата – злая и ехидная... Пытался заглянуть в будущее, а будет ли оно, это будущее, Алешка не знал.

Васька вернулся на следующий день.

– Слышь, Крючок, я все же уломал Аленку! Знаешь, мы решили пожениться, – сказал он, едва перешагнув порог. – Вот сороковины пройдут, а там подадим заявление. Не думал, что в наше время такие девки остались.

– Не успели познакомиться и уже собираешься жениться? – Алешка пожал плечами. – Неделю поживешь, потом бросишь, как всех своих девок? Разве можно жениться и жить без любви?

– О, гляньте на него, любви он захотел! – съязвил Васька. – А может, у нас самая настоящая любовь с первого взгляда?!

– И Аленка согласилась? – недоверчиво спросил Алешка. – Она же такая... Такая, аж дух захватывает!

– Согласилась, – хохотнул Васька. – Ночь долга. Уломал Аленку. Не будет же она до старости в девках ходить. Сам подумай, Крючок, к примеру, что было бы, если бы она за тебя вышла? Ничего хорошего, потому что у вас нет будущего. А я дам все, что душе угодно. Вот и поразмысли на досуге, а нужна ли она, эта любовь, если нечего дать? Одной любовью сыт не будешь. Ай, что с тобой говорить! Начитался своих книжек, а под носом ничего не видишь. И вообще, не лезь, куда не просят, а то по шее получишь.

И Васька было замахнулся на брата, потом чертыхнулся и направился на балкон, доставая сигареты.

Алешка промолчал, лишь еще сильнее сгорбился на диване, уткнувшись в книгу.

Вечером пришла Аленка. Подошла к Алешке, о чем-то спросила, он промолчал. Постояв возле него, Аленка хотела погладить по голове, как раньше, подняла руку, но почему-то не решилась, лишь легонько, едва дотрагиваясь, провела по плечу и тихонечко отошла.

На сороковины пришли соседи. Посидели за столом, добрым словом мать

вспомнили, Алешку жалели, тайком поглядывали на Ваську и перешептывались. Ближе к вечеру все разошлись, соседки убрались в квартире, помыли посуду и тоже ушли.

Следом за ними Васька стал поторапливать Аленку. Она несколько раз оглянулась на Алешку, который сидел на диване с книгой, а потом нерешительно подошла.

– Пойми, Алешка, мне нужна жизнь устраивать...

– Да, понимаю, – не поднимая головы, сказал Алешка.

– Пойми, мы же с тобой шутили, называя друг друга женихом и невестой... – она не смогла продолжить и замолчала.

– Я все понимаю... – сказал Алешка. – Да, конечно, шутили, потому что с такими не живут.

– Ну зачем ты так?.. – она вздрогнула. – Ты же молодой. Встретишь еще...

– А зачем? – он за долгое время впервые поднял голову, взглянул на нее – а в глазах боль.

Сказал, потом опустил голову и замолчал.

Аленка стояла рядом, не зная, что делать. Снова протянула руку, чтобы погладить его по голове, как прежде, и не смогла. Опустилась рука, плетью повисла. Аленка медленно отошла, засобиравшись, вышла, тихонечко притворив дверь. Васька подошел. Хотел было что-то сказать, но махнул рукой и заторопился вслед за Аленкой.

Алешка остался один. Привычно взяв книгу, он устроился на диване и принялся читать. Медленно читал. Больше думал. Отложит книгу и смотрит в окно или еще куда-нибудь, а сам о чем-то думает. То нахмурится, то улыбнется и тут же снова хмурная насупинка пробежит по высокому лбу. Поднимется. Долго стоит возле иконы, словно о чем-то говорит, а может, просит. Подойдет к фотографии матери, которая стоит в рамке на столе, и опять то улыбнется, то нахмурится, то снова улыбка мелькнет. Посмотрит на часы, о чем-то задумается и шепчет. И так почти до утра...

Ближе к обеду вернулись Васька с Аленкой. Постучали. Громко, требовательно, как любил Васька колотить в дверь. Но стояла тишина. Васька долго копался в карманах, разыскивая ключ. Открыл дверь. Они зашли в квартиру. Прислушались: тишина.

– Эй, Крючок, отзовись! – привычно крикнул Васька. – Слышь, что хочу сказать?..

Прислушался и пожал плечами, не понимая, куда делся Алешка. Он же оставался дома и вроде никуда не собирался. Вообще, он старался больше дома сидеть, чем на улице бывать. А тут стоит тишина, которая удивляла Ваську и почему-то настораживала. Как-то непривычно было... Васька прошел в зал, заглянул в другую комнату, но брата не было. Пожимая плечами, повернулся и увидел, что Аленка стоит возле стола и держит в руках пустую рамку, где раньше была фотография матери. Ни письма, ни записки – ничего...

Евгений ХАРИТОНОВ

Люблю в траве рассыпанные росы...

Признание

Люблю я с детства поутру
В траве рассыпанные росы,
То, как березки на ветру
Невольно расплетают косы.

От солнца сморщился ручей,
Меж бережками задремавший.
И, как из земляных печей,
Выходит пар, слегка уставший.

Люблю распевку соловья,
Чуть-чуть фальшивую спросонок,
Полет мохнатого шмеля
Среди ромашек-незнакомок.

И... пить взახлеб из родника,
В котором – жизненная сила...
Все это в сердце на века,
Как и любовь к тебе, Россия!

Восход на море

* * *

С востока яркая свеча
Разбудит утренний росток –
Улыбку первого луча,
Зарытую в морской песок.

На позолоченной ладье
Заря румяная плывет.
Седая дымка на воде
Со стаей чаек упорхнет.

Ветра, привыкшие к бегам,
Волну хватают за плавник
И гонят пену к берегам
За воротник.

Светило солнце через сито
Окаменевших серых туч.
Деревья – с ликом монолита...
Туман всеяден и тягуч.

Остыли гнезда под балконом,
Земля наелась желедей.
И за окном нависла комом
Армада проливных дождей.

Носился ветер без оглядки
Среди померкнувших аллей.
А в небесах мелькали пятки
На юг летящих журавлей.

Евгений ХАРИТОНОВ родился в г. Белгороде. Окончил Белгородский юридический институт МВД РФ. Лауреат многочисленных литературных конкурсов. Публиковался в газетах «Новая жизнь», «Завалинка», «Белебеевские известия», альманахах «Российский колокол», «Молодежный альманах», «Аты-баты, шли солдаты...» и других изданиях.

Побег из детства

Я смотрю в глаза заката,
Вспоминая, как отец
Меня обнял виновато
И сказал: «Беги, малец!»

Я бежал, а из кармана
Годы сыпались в траву.
Так пришлось мужчиной рано
Становиться самому.

Зима

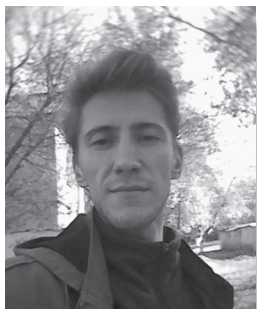
Декабрем небо зимнее вспорото,
Не заштопать на нем паруса.
И течет с него белое золото
На равнины, озера, леса.

Все дороги в округе завьюжены,
Ни пройти ни проехать теперь.
А метелица в снежное кружево
Наряжает пушистую ель.

Из-за сопки неспешно потянется
Поздней зорьки румяный обоз.
И, ударив невиданной палицей,
По земле зашагает мороз.

Командует мороз

Воробей в ветвях шебечет,
Разгоняя тишину.
Незаметно ранний вечер
Приташил с собой луну.
Появился блеск хрустальный
На заснеженных домах.
И застыли в ожиданье
Ели в белых кружевах.
В серебристые мундиры
Нарядились тополя,
Прославляя командира
Ледяного февраля.
И кружит над спящим миром
Одинокая метель,
Наслаждаясь дивным видом
Запорошенных земель.

ПОСЛЕДНИЙ ЛУЧ СОЛНЦА

Рассказ

Алексей РОТАНОВ

Беги и не оглядывайся! Стражи уже близко! – кричала Джейн, понимая, что Адам хочет вернуться за упавшей Хелен.

– Но как же Хелен?! – воскликнул парень.

– К сожалению, ей уже не помочь. Мы знали, на что шли. Нам надо успеть покинуть город. Не трать энергию.

Но Адам все же обернулся. Он увидел, как несколько стражей остановились перед их подругой, парализованной разрядом тока. Самым страшным было попасть к стражам на улице при попытке покинуть карантинную зону полиса. Это действие моментально влекло смертную казнь. И ладно, если тебя просто убьют, но нет: тебя отправят в печь вместе с недавно умершими, чтоб твоё тело при сжигании принесло энергию, которая питает весь полис, включая изолированные блоки, где живет чистое население.

Бежать становилось все сложнее: экипировка не была приспособлена к такому виду активности. Фильтры маски не успевали перерабатывать углекислый газ, от долгого бега тело сильно потело под защитным костюмом, прорезиненная ткань уже не столь плотно прилегала к коже и сковывала движения. Завернув за очередную разрушающуюся высотку, Джейн резко свернула в подъезд. Адам последовал за ней.

– Кажется, немного оторвались, – с надеждой произнесла девушка, – не думаю, что они будут искать нас. Но все-таки надо быть начеку.

Адам молча сидел на ступеньках, явно понимая, что не готов к этой операции, но теперь надо было идти до конца. Он старался сохранять разум, четко видеть цель, но мысль, что их отряд лишился одного члена, назойливо вертелась в голове. Он мало знал Хелен, за последние месяцы они перебросились лишь парой фраз, но Адам знал, какую пользу принесла эта девушка силам сопротивления. Фактически всю эту операцию продумала и продиагностировала Хелен, благодаря ее аналитике они дальше других продвинулись к периферии полиса. Конечно, сопротивленцы были не первыми, кто хотел покинуть полис, но никто не мог продвинуться дальше красной зоны карантина, где риск заражения был очень высок. Даже у стражей здесь были другие условия: они сменялись каждые пятнадцать минут, что и стало ключевым моментом в плане Хелен.

Алексей РОТАНОВ родился в 1991 г. в Алмалыке. Окончил факультет зарубежной филологии НУУз, в настоящее время магистрант кафедры мировой литературы НУУз. Публиковался в газете «Гармония», журнале «Звезда Востока».

– Дальше мы пойдем через здания. Так нас будет сложнее засечь, – скомандовала Джейн и рывком оторвала себя от стены.

Адам всегда удивлялся этой девушке и ее способности мгновенно уставать и внезапно восстанавливать силы через минуту. Он знал, что теперь Джейн сможет шагать вперед несколько часов кряду, не останавливаясь. К сожалению, Адам не мог похвастать такой выносливостью, но все же с упорством пробирался через разрушенные здания, тянувшиеся на километры вокруг. Несмотря на то, что они совершали короткие перебежки от одного цементного гиганта к другому, где-то поднимались на этаж выше, где-то спускались, Адаму казалось, что они ходят кругами: он так и не смог запомнить карту этого района, их маршрут, поэтому сейчас полностью положился на память Джейн, уверенно шагавшую вперед. По доносившемуся шуму Адам понял, что вслед направлены несколько вертолетов, чтоб просканировать пространство на предмет инородных объектов. Зашитный костюм не только минимизировал возможность заражения, но и отражал лучи теплосканеров, однако использовать звукоподавитель было сейчас опасно, поэтому Адам и Джейн старались двигаться бесшумно, используя для общения зрительный контакт, подкрепленный жестами: «вниз», «наверх» или «направо». Очередная колоннада чьих-то бывших жилищ сменяла предыдущую, несмотря на активную деятельность мародеров и годы изоляции, все еще проливая свет на жизнь людей, населявших тот или иной коридор. Поначалу Адам обращал внимание на сохранившиеся детали интерьеров: уцелевшие кресла и шкафы, потухшие камины, разбитые рамки, фотографии незнакомых людей, горшки с засохшими цветами, но вскоре понял, что деталей слишком много, все они одинаковые и говорят об одном: люди в спешке покидали дома, надеясь вскоре вернуться. А потом глаз и вовсе привык к серому сумраку, покрытому толстым слоем пыли, и больше ни на чем не фокусировался, кроме спины Джейн, движущейся в нескольких шагах впереди. Джейн резко подняла руку, сжатую в кулак, призывая Адама остановиться.

По длинным и глубоким теням на стенах становилось понятно, что солнце почти село.

– Мы переждем здесь. Заодно немного передохнем, – решила девушка и прилегла на пыльный цемент, прислонившись спиной к стене.

Адам последовал ее примеру, ощутив, как сильно ломало спину и ноги отваливались от усталости. Хотелось расстегнуть костюм, но делать этого было нельзя, поэтому Адам немного перенес центр тяжести, чтоб расслабить правое плечо.

– Последний закат, – тихо сказала Джейн, – как же я люблю на него смотреть. Как ты думаешь, мы еще увидим хоть один закат?

– Мы справимся, – Адам попытался придать голосу уверенности, хотя не был уверен, что операция пройдет успешно. Глядя в глубокие синие глаза Джейн, он был готов сам поверить в свою ложь ради нее. – Мы должны.

* * *

– Ты помнишь, как все началось? – спросила через некоторое время Джейн. – Не вообще, а именно для тебя. Я тогда была в отпуске. Мы с семьей поехали в Грецию полюбоваться осколками старины. Помню, как мой сын Джереми лазил по развалинам какого-то амфитеатра, а я все время читала и читала новостные ленты и не могла поверить, что все это серьезно и происходит по-настоящему. Тогда все казалось неудачной шуткой и чем-то

очень далеким. Ты знаешь, ощущение, когда отрываешь глаза и видишь вокруг лазурное море, чувствуешь ласковое солнце, слышишь смех мужа и ребенка, ты словно вынырываешь из того ужаса, о котором прочел... И сейчас ты живешь во всем этом. Тебя еще держат на поверхности воспоминания о родных и любимых, о далеком ветерке и прибое, и ты понимаешь, как их мало, оказывается, было в жизни. А ведь по факту десять лет вместе. Это целый срок за убийство, согласно которому считается, что человек может перевоспитаться. Даже сквозь маску было заметно, что Джейн усмехнулась.

Адам задумался, пытаясь вспомнить день, когда впервые сообщили о странной болезни, от которой ученые не могут найти лекарство. Эта новость просто затерялась в потоке информации о происшествиях в мире, и никто не обратил на нее внимания, тем более что каждый год появлялись и исчезали новые болезни, волнами накрывающие всю планету. Но в этот раз все оказалось иначе. Никто до сих пор не может точно определить природу болезни, но то, что она пришла из недр самой планеты, уже установлено точно. Тогда Адам был настолько далек от происходившего в мире, что даже когда численность заболевших перевалила за тысячу и об этом говорили все, кому не лень, Адам оставался в блаженном неведении. Он по-прежнему жил одинокой, заполненной расчетами жизнью бухгалтера, мечтал о своей небольшой пекарне и исправно ходил на работу.

А вот момент, когда игнорировать новости стало уже невозможно, Адам помнил прекрасно. В тот воскресный день он впервые за долгое время позволил себе по-человечески отдохнуть, взять небольшой перерыв от собственной жизни. Проснулся поздно, когда солнце уже всюду светило, прогнав сумрак сонной спальни, сделал себе ленивый завтрак (быстрая яичница и чашка какао) и вновь вернулся в постель. По всем каналам передавали новости, и Адам невольно заинтересовался сообщениями. По всему выходило, что болезнь начала распространяться по всему миру. Их страна ограничивает передвижение и полностью закрывает внешние границы.

Адам так и не донес вилку до рта, ошарашенный этой новостью. С одной стороны, страх, хотя не было причины, ведь куда-либо лететь он не собирался; с другой стороны, ощущалась некоторая доля облегчения – шанс, что их это все минует, так как границы закрыты. Незаметно для себя Адам начал читать все новостные материалы за последние три недели, узнал, что закрыты границы во многих странах. Там гибли люди.

Уже было известно, что это вирус, что передается он воздушно-капельным путем, но в отличие от всех предыдущих вирусов этому достаточно просто попасть на человека, чтоб проникнуть внутрь, то есть наша кожа оказывалась абсолютно неспособной противостоять угрозе. Далее шел инкубационный период: вирусу надо было расти и множиться. В это время он никак не маркируется телом человека как агрессивный элемент, следовательно, наша внутренняя защита не включается до тех пор, пока не произойдет первой атаки вируса. Но тогда он уже слишком силен и умен, поэтому организм просто не успевает дать отпор и шаг за шагом сдает свои позиции, начинают отказывать внутренние органы, нарушается работа нервной системы. И тогда уже бесполезно бороться, остается только ждать. Ждать и молиться, что вирус умрет вместе с человеком, которого он победил. Все человечество уже несколько месяцев жило в борьбе, а Адам только узнал об этом, точнее позволил себе узнать. Завтракать расхотелось.

– Это было слишком внезапно и тяжело. Я был не готов тогда признать правду.

* * *

Постепенно солнце скрылось за ближайшими горами, куда Адам и Джейн планировали попасть сегодня ночью. Здание, в котором они переждали закат, погрузилось во тьму. Ночь давала большое преимущество путникам, но и усложняла их дальнейшее передвижение, потому что очки ночного видения требовали определенной сноровки, которой ни у Адама, ни у Джейн не было.

– Тронулись. Держимся рядом и не шумим, – скомандовала Джейн.

Они шли максимально бесшумно, практически на ощупь, до тех пор пока впереди не замаячила последняя преграда – забор из колючей проволоки, который когда-то был под напряжением, но сейчас не хватало энергии, да и людей в полисе было мало, никто не стремился войти в полностью зараженный сектор, поэтому администрацией полиса было принято решение обесточить забор по периметру города. Оставалось лишь проделать в заборе дыру и успеть убежать как можно дальше, пока дроны не засекали. Вертолетов уже давно не было слышно. Подойдя к проволоке, Адам на всякий случай убедился с помощью спектрометра, что тока нет, и приступил к делу. Он работал достаточно быстро, делая надкусы в разных частях сооружения, чтобы не задерживаться надолго в одном месте. Адаму осталось сделать еще несколько надкусов, и их путь был бы свободен, но позади послышался монотонный треск лопастей, безжалостно разрушающих воздух. Дрон завис в воздухе. Адам медленно повернулся лицом к машине и увидел, как та пытается сфокусироваться, чтобы совершить паралитический выстрел. Адам знал, что периферийные дроны отличались от городских тем, что заряжены смертельной дозой яда, который не сразу убивал человека, а парализовал его, и человек несколько часов мучительно умирал. Администрация города видела в этом защиту от нападения. Хотя было очень странно, что в такой ситуации кто-то захочет напасть на полис.

«А я же сам лично тогда поддерживал этот проект, – пронеслось в голове Адама, – черт!»

Через несколько секунд машина сфокусировалась на своем объекте и выстрелила. Но в этот момент Джейн нанесла сильный удар по аппарату, тем самым изменив траекторию полета заряда. Ампула с ядом вонзилась в землю рядом с ногой Адама.

«Еще бы чуть-чуть...» – подумал он и сделал последний надрез.

Забор мягко опустился вниз, освобождая пространство для прохода всем желающим.

– Пошли, – прошелестел Адам, – сейчас здесь будет туча дронов со всего периметра.

– Сейчас, – ответила Джейн сквозь зубы.

– Ты поранилась об дрон?

– Царапина. Пройдет. Нам надо спешить.

Им предстояло преодолеть расстояние в три километра, после чего заканчивалась юрисдикция полиса и начинались так называемые поля свободы, где ни дроны, ни стражи им уже не страшны.

Бежали молча, сверяя расстояние по датчику на руке. Сейчас они не были командой, они готовы были потерять друг друга, чтобы дойти до финиша – до вершины ближайшей к полису горы. На половине пути послышался шум дронов, видно, им потребовалось много времени, чтобы сгруппироваться. Адам и Джейн решили, наоборот, разъединиться, что повышало их шансы остаться в живых. Датчик разменял последний километр и нехотя начал отсчитывать 1000

в обратном порядке. Но и дроны прибавили скорости. Они фактически нагнали беглецов. Послышался специфический шелчок, красноречиво говорящий, что дрон фокусируется на объекте. Особенность системы была в том, что если машина однажды сфокусировалась на тебе, то больше она тебя не потеряет, потому что она уже сличила все биоданные и фактически полностью может предугадать твои действия на несколько шагов вперед. Однако это сильно тормозило процесс фокусировки, чем и воспользовался Адам. Он не знал точно, какой дрон сейчас пытался его поймать, поэтому резко увернулся вправо, потом влево и снова вправо. Датчик перемахнул за пять сотен метров. «Еще немного, ты сможешь. Ты должен. Должен. ДОЛЖЕН!», – Адам в очередной раз вильнул после шелчка, стараясь не сбавлять скорость. Он не чувствовал усталости, не ощущал нехватки воздуха, желая как можно скорее пересечь нейтральную зону. Раздался ряд выстрелов.

От этого звука Адам резко остановился, сделал еще несколько длинных шагов и встал как вкопанный. Кровь моментально прилила к сердцу и мозгу. Датчик со скрежетом остановился на цифре «38». Несколько дронов столкнулись и вспыхнули. А Адам смотрел в ту сторону, где, по его мнению, должна была бежать Джейн. Он не мог поверить, что она не добежала, не сообразив, что за ней тоже шло большое количество дронов, которые начали на ней фокусироваться.

– Мимо! Беги! – пронеслась Джейн, он инстинктивно свернул вправо, а датчик расстояния радостно ожил на руке.

Но дроны уже настроились и были готовы выпустить свои ампулы.

«Кто – кого?» – подумал Адам и прибавил скорости.

Он всегда любил конец бега на длинные дистанции, знал, что именно последние метры и скорость на них решали исход всей битвы. И он бежал так быстро, как, наверное, никогда не бегал. Дроны один за другим выпускали свои снаряды, но Адам успевал оказаться на несколько метров дальше, пока датчик не завибрировал, оповещая о свободной зоне.

Последний залп дронов очертил границу между Адамом, Джейн и полисом, из которого они выбрались, надеясь, что и другим членам сопротивления сопутствовала удача. Они лежали на еще теплой траве, стараясь отдышаться, чему, конечно, не способствовала маска, но не жаловались. Впервые за долгие месяцы Адам ощутил, что сделал что-то настоящее.

* * *

Адам уже не помнил, когда в последний раз так лежал на траве и наслаждался ветром, легонько обдувающим разгоряченное после нагрузки тело. Даже сквозь защитный костюм мужчина чувствовал шелковистость зелени и тепло, исходившее от земли. Сейчас не хотелось ни о чем думать, хотелось лежать здесь и лежать, как в первые дни карантина, когда Адам, находясь в самоизоляции в своей маленькой темной квартире, сутки напролет лежал на кровати, чередуя краткие периоды сна с еще более кратким временем пассивного бодрствования. Он не отдавал себе отчета о времени – фактически выпал из него: просто лежал, стараясь ни о чем не думать. И ведь справедливо говорят, что лень – самая страшная зараза: со временем появилось ощущение, что мозг просто разучился думать. Даже привычные мысли о том, что надо бы поесть или искупаться, формировались с трудом. Для того чтобы продумать свой нехитрый ужин, мозг ощущал колоссальное напряжение, словно решал матричные уравнения... Адам словно видел мысли в своей голове, их неспешный ход и каждое

препятствие, об которое они просто разбивались. Приходилось начинать все заново. Он уже не включал свет в квартире, довольствуясь мерцанием беззвучного телевизионного экрана. Картинки сменялись, рисуя масштабы катастрофы, но Адам не в состоянии был вникнуть в суть происходящего, все сводилось к одному: за дверью квартиры любого ждет смерть.

Этому убеждению способствовало военное положение, введенное в городе. Сотни солдат и их командиры заполнили улицы. Адам впервые видел столько военных машин в одном месте. По городу то тут, то там вспыхивали новые очаги заболевания, людей куда-то увозили, но никого не возвращали. Каждый час мимо дома проезжал патруль, громогласно вещающий о мерах предосторожности, призывающий оставаться дома, заботиться о собственной безопасности, ни с кем не контактировать и не распространять ложную информацию.

А потом отключилось и телевидение: остался только городской канал, который передавал сводки о заболевших и погибших, рассказывал о мерах предотвращения последствий, принятых администрацией города. Около каждого дома стояла охрана, функция которой была понятна не сразу: то ли она препятствовала выходу из жилищ, тем самым заботясь о сохранности граждан, то ли, наоборот, просто ждала, когда очередной район города падет жертвой болезни. Во втором случае дом со всеми жителями объявлялся под карантином, и оставалось только дожидаться, когда умрет последний житель, чтобы зону можно было признать чистой от вируса.

Эпидемиологи всего мира днем и ночью бились в поисках лекарства, какого-либо антидота, секвенируя ДНК, но должного результата не было. Наконец, на втором месяце карантина появилась новость: ученые восточной стороны нашли лекарство.

Вот он – луч надежды, не все потеряно, вот оно доказательство того, что человечество не зря живет и эволюционирует. Адам заметно воспрянул духом и даже начал проявлять повышенную активность, учитывая ситуацию. По всему миру начались первые испытания вакцины, появились сообщения о первых вылечившихся. Все, лекарство найдено, люди победили, пандемия отступает. Человечество не сдалось, и Адам должен быть сильным, надо бороться. Адам начал возвращаться к своей привычной жизни, пусть пока в цифровом режиме.

– Нам надо двигаться, – протянула руку Джейн, помогая Адаму подняться. – Впереди подъем на гору.

* * *

Довольно скоро они миновали поле свободы и приблизились к подножию горы. Адам не знал, почему сопротивление должно было сегодня добраться до вершины, но ему уже нечего было терять, поэтому он спокойно решился на этот непростой путь, понимая, что дороги обратно в полис уже не будет. Наверное, самым сложным перед вступлением в ряды сопротивления для него было решение одним махом перечеркнуть все прожитые годы, всю свою жизнь. Это сейчас он понимает, что главное сокровище осталось при нем – те знания и опыт, которые он приобрел. Но полгода назад он больше ценил вещи, материальную составляющую мира, которому принадлежал. Даже телевизор, который он не смотрел, купленный на две месячные зарплаты, вызывал сожаление. Хорошо, разум подсказывал, что все эти предметы, за которые так усердно цепляется человек, на самом деле не нужны. Они не помогут в момент главной опасности, а, возможно, даже навредят. И сейчас у Адама не было ничего, кроме защитного

костюма и маски с фильтрами, но они нужны лишь для защиты его жизни. Главное отличие сегодняшнего Адама от прежнего в том и заключалось, что сегодня он боролся за собственную жизнь и жизни других людей, а не за вещи, которые наполняли его жизнь, опустошая ее день ото дня, словно есть некая связь между величиной цифры на ценнике и количеством положительных моментов, которые заберет этот предмет, высосет из жизни его обладателя. Никогда за свои неполные двадцать пять лет Адам не боролся за жизнь с таким остервенением, с каким делал это последние месяцы, никогда прежде он не чувствовал свою важность и нужность этому миру, этой жизни, пытаясь сохранить ее вопреки всему.

– Почему ты решил вступить в сопротивление? – поинтересовалась Джейн, с трудом преодолевая покатый склон.

– Этому способствовали два события, – ответил Адам.

И поведал ей о случае, который сильно пошатнул его веру в защищенность людей их города. Еще в самом начале карантина, когда ненадолго, но все же разрешалось покидать собственные жилища, Адам стал свидетелем того, как его сосед мистер Барнс хотел уехать из города, но ему не позволили, объяснив, что их дом находится рядом с опасной зоной, поэтому покидать периметр нельзя.

– Но моя семья находится в двух секторах отсюда, – пытался возражать мистер Барнс.

– Это для безопасности. Вам необходимо ограничить контакты со всеми людьми, кроме тех, кто находится здесь, – хладнокровно пояснил полицейский.

– Тогда хотя бы выдайте нам защитные костюмы, чтобы мы не заразились.

– Пока что не положено. Данная территория свободна от вируса.

– Но вы же в костюме, – взмолился мужчина, – значит, есть риск заражения.

– Риск есть всегда, – сухо ответил полицейский. – Сэр, вам лучше вернуться в свою квартиру.

Через пару часов мистер Барнс предпринял очередную попытку прорваться через охрану. На этот раз он был в другом состоянии – дико пьян. Мистер Барнс кричал и возмущался, требуя, чтоб его выпустили или дали защитный костюм, громко возмущался действиями администрации. Он честный налогоплательщик, и все муниципальные структуры призваны защищать его, а не мучить. Перепалка длилась недолго, жителям было неинтересно за этим наблюдать, они предвидели, чем все закончится. Адам отошел от окна и уже собрался было добавить звук телевизора, чтоб посмотреть сводки за сутки, как прозвучал короткий громкий шелчок. Адам даже не сразу сообразил, откуда донесся звук, а поняв, поспешил к окну. Он увидел тело соседа, которое уже отнесли к забору баскетбольной площадки, и окруженный военными периметр дома. Казалось, что ничего и не произошло, все идет своим чередом, если бы не тело мистера Барнса, которое лежало посреди двора, красноречиво намекая всем жителям, что за неповиновение такое может случиться с каждым.

В тот вечер Адам еще долго стоял около окна, ожидая, что же будет дальше. Но ничего не происходило, только поздно ночью, когда приехала очередная патрульная смена, труп увезли.

– И такое было в самом начале? – отреагировала Джейн, – Понятно, как мы дошли до системы стражей, патрулирующих весь город.

– Да, стражи хороши. Вот только их надо было вводить в мирное время для охраны порядка.

Они медленно но верно продвигались к вершине холма. Ночь выдалась на удивление звездная, что было на руку путникам, оценившим пусть малый, но все же свет.

* * *

– Мы идем уже два часа, а ощущение, будто стоим на месте! – неожиданно возмутилась Джейн.

Адам помнил о ее способности внезапно уставать и быстро восстанавливаться, поэтому рад был этому возгласу, потому что сам устал неимоверно, к тому же нестерпимо хотелось пить.

– Может, сделаем небольшой привал? – с надеждой спросил он.

– Давай. Мне надо передохнуть. А ты ничего, держисься бодрячком. Красавец, – подбодрила девушка.

Они сели на пыльную землю там же, где и остановились. С высоты было хорошо видно, что продвинулись они за это время достаточно далеко. Где-то там, внизу, простирались поля свободы, а вдалеке маячил их полис. Отсюда было хорошо видно различие между частями города: большая часть была поглощена тьмой ночи, лишь кое-где пробиваемой одинокими освещенными окнами, зато в самом центре полиса была территория, залитая светом. Даже отсюда было понятно, что это административный сектор – чистый от болезни и полностью защищенный от всех ее проявлений.

– А какая вторая причина? – поинтересовалась Джейн.

– Что? – не сразу понял Адам.

– Ты сказал, что твоему вступлению в сопротивление способствовали два события. О первом ты рассказал, а какое второе?

– Это лекарство. Точнее, последствия его применения. Когда стало ясно, что вакцина не работает, я решил, что не надо просто сидеть и ждать смерти. Поэтому я сбежал во время переселения нашего сектора под купол. Мне сразу не понравилась эта идея. Я понимал все риски: оставшись на земле, я могу умереть. И тогда я решил, что если смогу сбежать, значит так и должно быть. И, на удивление, мне это легко удалось. А про сопротивление я узнал через некоторое время уже на воле. И, как оказалось, у нас были схожие идеи.

– Да, я помню тот день, когда объявили, что нашли антидот... – поддержала разговор Джейн и замолчала, но мыслям она не смогла приказать замолчать.

Она прекрасно помнила все свои действия после приказа ввести сыворотку первой партии заболевших. Как грамотный эпидемиолог, получив сыворотку, Джейн провела ряд экспериментов и только потом ввела вакцину людям. Первичные опыты дали положительные результаты, последующий тест указывал на то, что вакцина работает, но что-то во всем этом смущало ее. Однако время поджимало, надо было исполнять приказ, поэтому Джейн выполнила свои обязанности – помогла людям избавиться от болезни, принесла им долгожданное облегчение. Лишь спустя месяц выяснилось, что вакцина не побеждала вирус, а лишь способствовала его мутации, значительно сокращая инкубационный период, и болезнь протекала в ускоренно-агрессивном режиме, вплоть до летального исхода через несколько суток после заражения. И еще одно: тело человека после смерти пару часов сохраняло свою форму, а затем превращалось в прах, словно было выжжено изнутри.

Когда все это стало известно, большая часть планеты уже была вакцинирована или «вылечена» новой сывороткой. Ведь на момент ее изобретения на лекарство смотрели как на манну небесную, как на единственный шанс выжить, а оказалось, что это был шаг к быстрой смерти, который человек совершал добровольно, сотворив все собственными руками. Но деваться уже было некуда: надо было искать новые пути спасения. Так и появился проект

полисов – полностью оккупированных городов, существующих автономно друг от друга; и система стражей должна была купировать зоны заражения, стараясь спасти других жителей от заболевания.

По факту же все оказалось несколько иначе: полис представлял собой территорию, огороженную проволокой, в центре – три чистые от вируса зоны, куда стянули людей и администрацию. Подразумевалось, что эти зоны изолируют неким подобием купола, чтобы зараза не проникла внутрь, но финансирования, как обычно это бывает, хватило только на административную зону.

А потом постепенно начали иссякать ресурсы: топливо, вода, энергия – их львиная доля уходила на поддержание купола и жизни в нем. Очень остро встал вопрос энергии. И тогда многоуважаемый мэр произнес очередную речь, в которой долго разглагольствовал о том, что все должны быть сильными, что трудно всем, но мы уже герои, что выход есть и его найдем именно мы, надо верить в себя и сидеть дома, чтоб уберечься от заразы, что восполнить энергию можно естественным путем: сжечь то, чего у нас много, а много у нас было трупов. Так и поступили.

Джейн не могла больше жить с этим. Болезнь уже забрала ее семью, теперь хотела забрать и душу. Джейн, хоть и с трудом, но покинула купол.

* * *

– С тобой все в порядке? – обеспокоенно спросил Адам, услышав, как закашлялась Джейн.

– Да, все нормально. Я просто поперхнулась.

Они шли уже около часа, будто приближаясь к далеким и холодным звездам на вершине небосвода. Ночь выдалась спокойной и прохладной, ветер никуда не спешил, поэтому даже на приличной высоте не сбивал путников с ног, а, наоборот, подбадривал. Где-то наверху тускло светил молодой месяц, вселяя надежду, что все имеет начало, перерождается раз за разом, цикл за циклом. Иногда Адам все-таки задумывался о том, какой была бы его судьба, останься он тогда в рядах изолированных горожан. Выжил бы или нет, заразился бы или все-таки болезнь бы его миновала? Но о своем решении он не жалел.

– А как мы пойдем, что должны себя убить? – неожиданно для себя спросил Адам.

– Что? – Джейн резко остановилась и посмотрела на него. – Почему ты об этом спрашиваешь?

– Мы идем на этот холм явно ради того, чтобы что-то переждать. И, судя по тем ампулам, что нам дали, если что-то пойдет не так, мы должны ими себя убить. Мы же сопротивление.

– Резонно, – оценила девушка, – но ты помнишь, что сказал командир? Ампулы можно будет использовать только на вершине, а до тех пор нас и так прибьют и не поморщатся. Так что не думай об этом.

Дальше шли молча. Идти с каждым шагом становилось сложнее: сказывались усталость и крутой подъем. Путники старались помочь себе руками, цеплялись за траву, но все ухищрения приносили мало пользы из-за скользкого материала защитного костюма, поэтому расстояние между мужчиной и женщиной попеременно то увеличивалось, то сокращалось. Но оба не прекращали движение, уходя от собственного прошлого, покидая свою жизнь, но не ради будущего (нет, они о нем даже не задумывались и не видели смысла о нем думать!), а ради одного – оказаться этой ночью на вершине самого высокого холма, где их

должны были ждать другие участники отряда сопротивления.

Когда Адам примкнул к сопротивлению, отряд насчитывал свыше пятидесяти человек. Им надо было как-то выживать, заботиться о себе. Никто не планировал вступать в открытое противостояние с администрацией города и тем более нападать на нее, но время распорядилось по-своему. Власти города не могли позволить существования отдельного лагеря на их территории... Поступил приказ стражам выследить всех членов сопротивления и уничтожить. Поначалу отряд перемещался по ночам, меняя дислокацию, уходя все глубже в город, в зараженные зоны, но стражи все равно находили сопротивленцев и жестоко убивали. Человек адаптируется к любым условиям, в которых оказывается, поэтому момент вступления в открытый бой со стражами, чтобы защитить своих людей и территорию, для сопротивленцев был лишь вопросом времени. Однако численность отряда уменьшалась: двоих забрала болезнь, остальные погибли от рук тех, что «по другую сторону баррикад». Непоправимый урон отряду нанесла последняя вылазка. Командир честно сказал, что вернутся не все, но сопротивление должно попасть под купол администрации, чтоб отключить его изнутри. Это решение было принято сообщая в память о погибших собратьях, которые не желали проводить последние дни своей жизни в полной изоляции. Но план был провальным с самого начала. Их осталось всего десять человек. В ту же ночь по возвращении на базу командир принял решение покинуть полис, точкой сбора была назначена вершина холма Надежды, как окрестили его сопротивленцы. Они разбились на небольшие группы по два-три человека, разработали план, провели мозговой штурм о возможных препятствиях и форс-мажорных ситуациях, но каждый отчетливо понимал, что это может быть их последним днем на этой земле, пусть и опасной, зараженной, убивающей их, но все-таки родной земле, которую покидать очень больно. Адам вспомнил, что они двинулись втроем – он, Джейн и Хелен, но все уже изменилось.

– Все, – спокойно сказала Джейн.

– Передохнем и снова в путь?

– Нет. Все, мы пришли. Это вершина, – пояснила девушка и посмотрела на часы, – три часа ночи, у нас еще примерно час в запасе. Надо дожидаться остальных.

* * *

Адам проснулся оттого, что начало светать. Он машинально потянулся протереть глаза, но наткнулся на защитную маску и вспомнил события этой ночи. Оглядевшись вокруг, никого не увидел, кроме одинокой фигуры Джейн поодаль. Несколько секунд он смотрел в ее сторону, а потом подошел.

– Никто не придет?

– Похоже, нет, – грустно сказала девушка. – Выходит, справились только мы.

– Значит, надо использовать ампулы.

– Я не смогу. Моя разбилась, когда мы бежали до поля.

– Я могу поделиться своей, – не задумываясь предложил Адам.

– Нет, – по голосу было слышно, как улыбнулась Джейн, – не надо. Я уже придумала способ. Тебе помочь?

Адам отрицательно мотнул головой и достал ампулу. Он пристально посмотрел на спутницу и, дождавшись ее команды, вколол содержимое ампулы себе в шею сквозь костюм. По телу прошла волна жара, затронувшая все клетки, а потом разом все закончилось. Некоторое время Адам постоял, ожидая

эффекта, но ничего не происходило. Он мало размышлял о своей смерти, но всегда надеялся, что это произойдет быстро и безболезненно. Возможно, это была его слабость, но именно на это он рассчитывал. Сейчас он не понимал, что происходит, но надеялся, что его надежды реализуются.

– Я уже умер? – несмело поинтересовался он.

Джейн внимательно посмотрела на него и расхохоталась. Она бы просмеялась долго, но ее смех прервал протяжный кашель, длившийся несколько минут, отчего обессиленная девушка опустилась на корточки. Наконец, справившись с кашлем, Джейн произнесла:

– Послушай, Адам, внимательно и по возможности не перебивай. Я больна и не знаю, сколько еще протяну, но у тебя теперь есть шанс. Ты только что вколол себе вакцину. Ту, которая действует. Ты больше не в зоне риска.

И девушка рассказала Адаму о последнем главном успехе отряда сопротивления. Они шли с целью разрушить купол, чтоб перед болезнью все оказались равны, но этот план не удался. Зато они обнаружили вакцину. С собой смогли унести лишь одну упаковку, в которой было шесть ампул. У Хелен ампулы не было. Она упала специально, чтоб стражи замешкались, и у нас с тобой появился шанс оторваться.

– Но как?! Кто так решил? – возмутился Адам.

– Она и решила. Не перебивай, – кашель мешал ей продолжать рассказ. – Помнишь переполох, который был пару месяцев назад под куполом администрации? Так вот, оказывается, сын нашего мэра был заражен, но скрыл это во время заселения под купол. Так что все там оказались в зоне риска. Но эта вакцина подействовала. Она по-настоящему избавляет от вируса, прошла тестирование. Она работает.

– Получается, что всех можно спасти. Тогда в чем смысл нашего побега?

– А вот здесь и начинается самое интересное. Сыворотку вывели в нашем полесе, но спасать никто никого не собирается, по крайней мере, бесплатно. Наш мэр планирует продавать ее соседям. Бизнес важнее жизни тех, кем он руководит.

– Но зачем бежать? Надо же всем рассказать об этом.

– Мы бы не успели. Сегодня на рассвете все жители города умрут. Администрация убьет всех, потому что надо возрождать производство и как минимум заставить работать электростанцию. А для этого нужна первоначальная энергия. В сложившейся ситуации есть только один действующий источник энергии...

– Он хочет сжечь всех жителей полеса?

– Вот именно. Поэтому сопротивление и бежало из города.

– Но как? – Адам не мог осознать все, что услышал. – Неужели так можно поступать с людьми? Они ведь еще живые... Они же люди...

– Все меняется. И в первую очередь меняются человеческие ценности.

Оба замолчали, пытаясь осознать трагизм грядущих событий, но это было выше их сил.

– Получается, все потом просто спишется на вирус? И виноватых нет?!

– Выходит, так, – голос Джейн слабел, – сейчас нет смысла обсуждать моральные принципы. У сопротивления есть план помощи остальным.

– Какой? – с жаром воскликнул Адам.

– Планировалось, что вас будет пятеро, но ты остался один.

– А ты?

– Я не доживу даже до рассвета, – обреченно произнесла Джейн и достала

свою ампулу с вакциной. – Ты должен сберечь ее любой ценой...

* * *

С наступлением рассвета над городом вновь взмыли ввысь вертолеты. С вершины холма Адам видел, как за ними тянется шлейф легкого, но довольно плотного вещества, которое, вырвавшись на свободу, мгновенно устремилось к земле, обволакивая каждый миллиметр еще сонного полиса. «Началось», – подумал он.

Адам редко думал о смерти, но в эту минуту он видел то обличие, которое подарил ей человек, понимая, что человечество никогда не исчезнет, ведь люди победили саму смерть и заставили ее работать на достижение собственных целей.

Джейн рассказала о дальнейших действиях Адама, о том, что в соседнем полисе ситуация сложилась намного благоприятнее: там есть ученые, которые смогут синтезировать сыворотку на базе той, что была у Адама. Надо только добраться туда.

Адам наблюдал за тем, как погибает его город. Он не хотел думать о предстоящем путешествии, о тех трудностях, которые выпадут на его долю. Он понимал, что попасть в другой полис будет не менее сложно, чем выбраться из прежнего, но человек всегда добьется цели. И цель у него появилась. Наверное, впервые в жизни Адам почувствовал, что его жизнь нужна, что она у него есть и очень ценна.

– Джейн, – тихонько позвал Адам. – Ты еще здесь?

Ответа не последовало... В голове мелькнули ее последние слова: «Теперь ты можешь безбоязненно снять маску. Мир безопасен для тебя. Пожалуйста, подыши за меня, я так соскучилась по настоящему воздуху».

Спустя некоторое время, когда над городом улеглась пыль, Адам в последний раз вспомнил свое прошлое, сделал шаг в сторону нового полиса и остановился...

Как же ему этого не хватало. Свежий ветер принес аромат трав и сырой земли. От переизбытка воздуха и чувств на мгновение закружилась голова. Адам никуда не спешил: он порционно впускал этот мир в себя, подставив лицо еще слабым лучам солнца, и стоял до тех пор, пока последний луч рассветного солнца мягко не коснулся его лица.

«Я больше никогда не надену маску», – подумал мужчина и сделал первый шаг навстречу своей судьбе, навсегда оставив в себе эту ночь и утренний аромат холма Надежды.

Все навек останется со мной...

Алишер АДЫЛБАЕВ

Рим венценосный

Громада стен нас давит без причины.
Кольцо камней за горло Рим взяло.
О Колизей! Стен изжелта шершавых
Секрет узнает и сгорит дотла
Рим венценосный.
Темною порфирой
Покрыв упрямое свое чело,
Чем был для мира ты –
Христианской лирой
Иль барабаном варварским, стучащим в забытьё?
Стучащим и зовущим в вечное
Противостоянье всех планет...
Нет больше Цезаря, забыт Калигула,
Но будешь ты до окончанья лет.

Женщина

Каждой женщине однажды должен
Кто-то написать стихи.
Пускай нескладные, пускай простые,
На листике тетрадном, от руки.

Однажды должен в ней
Увидеть женщину –
Глаза и губы, руки и улыбку.
Иначе женщина, простая женщина
Решит, что жизнь ее –
только ошибка.

Иначе вечером, однажды вечером
Под лампой желтою одна с вязанием
Всплакнет, несчастная,
Всплакнет укладкой:
«Не жизнь досталась мне,
а наказание».

И будет длиться, печально длиться
Ее история без разрешения.
Цветы завянут, умрут без влаги,
Завянет женщина... без восхищения.

Алишер АДЫЛБАЕВ родился в Алма-Ате в 1957 г., окончил музыкальный факультет ТГПИ им. Низами (ныне ТГПУ). Предприниматель, консультант по налогам. Создатель и владелец справочной системы для бухгалтеров «Бератор». Являлся главным редактором газеты «Главбух».

Ватикан

Синее-синее небо
Вечно-вечного дня.
Даль, где ни разу я не был,
Ждет-ожидает меня.

Купол на купол мостится,
Пропорций простых беспорядок.
Сан-Педро, Сан-Педро – столица
Мира. Совсем уже рядом.

Тяжкая-тяжкая ноша:
Крест непосильный влача, –
Пылью весь путь запылен, –
Ждешь своего палача.

По капле, по капле сочится
Алая-алая кровь
Из самых, из самых ладоней...
Как тяжела ты, любовь!

Сан-Педро, сады Ватикана...
Память людей коротка.
Нет никакого обмана,
Но холодеет рука.

Буквы выводит нетвердо –
Слов нет в запасе таких.
В небе дневном светят звезды,
Вижу и слышу я их.

Дюймовочка

Стрекоза, вспорхнувшая с ладони,
Листик, унесенный ветром вдаль.
Я тебя сегодня проворонил,
Мне тебя не жаль, себя не жаль.

Хлопает Дюймовочка глазами,
И горит сокрытый огонек.
Не понять вам – тем, кто рядом
с нами,
В чем сердечка женского упрек.

Не понять вам... И не надо
злиться:

Не ищите легкого ответа.
В небо синее взлетает птица:
Вот она была... была – и нету.

Но однажды на закате вспомню,
Вспомню, как тебя я проворонил.
Хлопает Дюймовочка глазами –
Стрекоза, вспорхнувшая с ладони.

Шоира

Пиши мне письма, милая Шоира,
Пиши на облаке... И росчерком пера
Ты опиши зеленый шум чинары,
Журчание ручья, а также, будь добра,
Ты опиши свои глаза и губы,
Ресницы и журчащий говорок,
Жемчужную улыбку, стан, его изгибы,
Твоей любви томительный урок.

Мне в имени твоём – и звон динара,
И стук копыт, и сабель звон,
И ожерелья трель, и звук дутара:
Струна звенит – и нас уносит он
Туда, где стонет соловей, вздыхает роза,
Туда, где пахнет ночью, где шуршат пески,
Где Навои, свои роняя слезы,
Над именем твоим вздыхает от тоски.

Цветаева

Цветок, Цветаева Марина,
Как жестоко холодна судьба!
Мужа переехала телега
Со скрипучим именем Зима.

Волосы седыми лягут прядками...
К голосам прислушалась украдкой.
Голоса зовут в дорогу дальнюю
Под скрипучим именем Зима.

Нет другой такой на свете девочки,
Шарик улетает в небо синий,
Пальцы ошущают колкий иней
Под скрипучим именем Зима.

Захотела даль увидеть синюю –
Распахнула глаз завесу темную,
Лишь вздохнула и шагнула сразу
В край далекий с именем Зима.

Ветер листья носит по аллеям,
Старый сад, заваленный листвою...
Не доходят письма с неба синего
В край, когда-то названный Зимой.

Элегия

Душа в растерянности торопливой
Все копит зерна уходящих дней.
Крик журавлей над речкою тоскливый,
И розовый закат, купающийся в ней.
Дыханье лета, трепетность весны –
Все краски дней в мою копилку лягут.
На дне ее осталось сколько дней,
Кто скажет мне? Кто мне тихонько скажет?
И ароматом сада воздух напоен,
И на рассвете солнца шар желтее...
Зачем мне знать, осталось сколько дней?
Никто их сосчитать, наверно, не сумеет.
Не сосчитать ни лет, ни зим, ни весен –
Одни лишь краски, запахи, прибой.
Ушло все в прошлое.
Вздыхает сердце слезно,
Но все навек останется со мной.

Венецианское

Венец, Венеция, венчиссимо!
 Твоих каналов темная вода
 Запомнилась, как все *precissio*¹,
 Там, где Сан-Марко стерегут года.

По стертым улочкам бродили мы в обнимку,
 И вод поток ступни нам холодил.
 В тот миг не знали мы, в себя погружены,
 Как сладко бьется сердце. И они,
 Каналы, как сплетенье вен натруженных,
 Опутали сетями эти дни.

Каких же слов, совсем ненужных, тысячи
 Готов я выслушать от Вас, мадам,
 Когда Риальто, как верблюд нагруженный,
 Идет упрямо по моим следам?

Каких ненужных мыслей вереницы
 Приходят в пьяную мою главу,
 Когда, одним порывом взвинчены,
 Взлетают весла,
 Держат на плаву
 Гондолу, го'ндолу (по местному наречию!)
 Журчит вода в каналах дней моих.
 Венец, Венеция, венчиссимо...
 Удары сердца слышатся мне в них.

Стекает солнце золотом в лагуну,
 Горит на куполе отчаянный пожар.
 Лидо, Сан-Марко, Каннареджо –
 Тысячи
 Взлетают слов и, как один удар,
 Несутся вниз, текут без остановки.
 На Гранд-канале – лета забытье...
 Разбитое на тысячи осколков,
 Здесь сердце раздают мое.

¹ *Precis* – молитва (лат.)

ТБИЛИСИ. АРТИСТЫ. САМОЛЕТ

Эссе

Александр КОЛМОГОРОВ

Осень 1983 года. Тбилиси. Аэропорт. Ночь.

Три ташкентских актера – Миша Коруцев, Коля Дубаков и я – нетвердой походкой входим в зал ожидания.

Это происходит за двадцать минут до вылета самолета в Ташкент.

И только здесь, в огромном пустом зале, нам становится окончательно ясно, что изменить что-либо уже нереально.

Случилось страшное.

Все актеры театра-студии «Ильхом», две недели гостившие на тбилисском театральном фестивале, улетели в Ташкент днем. А мы втроем должны были вылететь ночным рейсом.

Должны были...

Но друзья Миши Коруцева, уроженца Грузии, с которым мы жили в одной гостинице, очень хотели, чтобы последний день пребывания на грузинской земле ему и его коллегам запомнился на всю жизнь.

И они этого добились!

Днем на двух машинах к нам в гостиницу приехали прокурор Гия, бывший одноклассник Миши, его племянники и друзья. Они с веселыми возгласами и прибаутками внесли в номер огромные сумки с фруктами, овощами, пирогами и прочими яствами. Отдельно – сумки с бутылками вина и чаи.

Я с восхищением и ужасом подумал: «Этого хватило бы на неделю застолья!»

И оно случилось – нескончаемое прощальное застолье!

Были тосты, после которых хотелось быть благороднее, щедрее, талантливее и счастливее. Были песни, которые на четыре голоса пели грузинские мужчины. Какие песни!

А с каким удовольствием эти люди старались подчеркнуть особенности таланта каждого из нас, как искренне были рады за наших родителей, друзей, за наши театры, за город, в котором живут и творят такие мастера, как мы!

Коля вырос в глазах друзей Миши одновременно: он на чистом грузинском

Александр КОЛМОГОРОВ – поэт, прозаик, сценарист, драматург, актер. Родился в 1951 г. в Ташкенте. Окончил факультет филологии Ташкентского государственного университета (ныне НУУз) и театральную студию при Русском академическом театре драмы. Служил актером и режиссером в театрах Ташкента, Ростова-на-Дону, Москвы, снимался в кино. Публиковался в журналах «Новая Юность», «Звезда Востока», «Иерусалимский журнал», «День и ночь», «Русский язык в Армении», «Интер-поэзия», «Новый берег», альманахах «Малый шелковый путь», «Невский альманах».

языке спел песню про Тбилиси. Ему аплодировали стоя. Гия объявил, что эту песню Коля поет лучше Вахтанга Кикабидзе, Нани Брегвадзе и ансамбля «Оре-ро», и теперь он их брат!

Я рос в глазах грузинского народа постепенно, поэтапно.

Сначала Коля обмолвился о том, что я перевожу грузинских поэтов и что у меня есть цикл стихов о Нико Пиросмани. Мишины друзья многозначительно переглянулись. Гия встал и торжественно напомнил всем о том, как в Грузии чтят поэтов, и о том, что именно Нико сумел в своих картинах выразить душу грузинского народа. Говоря о дружбе народов и единении культур, Гия заострил внимание на моей выдающейся роли в этом.

– Сашико, – сказал он, – позволь с этой минуты называть тебя именно так. Твое сердце бьется в ритме стихов лучших поэтов Грузии. А значит, и в ритме наших сердец. Ты стал частью нашей земли, ее культуры. Ты наш брат! Мы пьем за тебя, генацвале!

После этого тоста я уже совершенно не думал о том, что, поднимая стаканы с такой частотой, как сейчас, я действительно обещаю стать неотрывной и неотъемлемой частью Грузии, то есть – буквально – не встать из-за стола и не вылететь в Ташкент.

Какие сомнения, тревоги?!

Я был счастлив, как и все, кто сидел за столом. В те минуты каждой клеточкой тела я чувствовал: грузинское застолье придумано именно для того, чтобы любой человек, удостоенный его, прозрел и понял, какой он талантливый, незаменимый, и что рожден для счастья.

Я поблагодарил моих новых названных братьев за оказанную честь и с гордостью поделился семейным секретом: молочная мать моей дочери – грузинка.

Что тут началось!

Пили отдельно за мою чудесную дочь Катю, автоматически зачисленную в грузинки, за ее молочную мать – красавицу Нану, которая от имени всех грузинских матерей полгода поила Катю своим живительным молоком, за мою жену Таню, которая, на свое счастье, попала в роддоме в одну палату с Наной и познакомилась с ней...

На эмоциональном подъеме я чуть было не воскликнул, что муж Наны – красавец-грек. Но, видимо, где-то в глубине моей хмельной души еще теплился инстинкт самосохранения. Я вдруг понял, что если выдам и эту тайну, то придется пить за всех греческих богов. За каждого. А их много.

Подняли тост за грузинский футбол, победу тбилисского «Динамо» в европейском Кубке кубков. И тут я совершил серьезную ошибку: назвал фамилии всех игроков «Динамо», игравших в финале с немецким клубом «Карл Цейс», попутно объясняя Мише и Коле особенности мастерства каждого из них. Я говорил об элегантности игры Давида Кипиани, об отваге и надежности защиты Александра Чивадзе, о фантастическом дриблинге Владимира Гуцаева, о «кинжальных» фланговых проходах Рамаза Шенгелии.

Меня слушали в странном молчании.

Завершая свою речь по-грузински торжественно, я сказал, что лучший футбольный комментатор страны Котэ Махарадзе прав: без тактического гения тренера батано Нодара Ахалкаци грузинская команда не стала бы футбольным бриллиантом.

Друзья Миши чуть не опрокинули стол, бросившись ко мне. Они что-то кричали по-грузински. Они обнимали, целовали меня. Их глаза светились

неподдельной радостью и гордостью. В них блестели слезы. На пике этого искреннего порыва Гия сделал широкий жест: он велел племяннику съездить к нему домой и привезти мне в подарок цветной фотоплакат в честь победы «Динамо» в Кубке кубков с автографами игроков, который висит на стене в его кабинете.

Мне налили вина в большой сувенирный рог. Это было похоже на контрольный выстрел. Не скажу, что я трезвенник. Актеры – народ, закаленный в боях с Бахусом. Да и дни, проведенные в Тбилиси, проспиртовали нас на месяцы вперед: я, как и все остальные актеры-ташкентцы, чувствовал себя непросыхающим Шуриком из «Кавказской пленницы». Как мы начали с первого дня в Тбилиси – духан, кахетинское, хинкали, открытие, винный подвал, прием в министерстве, киндзмараули, экскурсия, шашлык, спектакли, хванчкара, музей, лобио, ахашени, закрытие – так на винных парах и долетели до нынешнего вечера. И он был, видимо, последней каплей...

Первым о существовании самолетов вспомнил Коля Дубаков. Он стал тактично объяснять нашим новым друзьям, что в его (и моем) театре, ташкентском ТЮЗе, не догадываются, где он сейчас. Все думают, что он на больничном, борется с ОРЗ. А он здесь, в Тбилиси, инкогнито. И главная проблема в том, что завтра он должен играть в спектакле, в котором, к сожалению, заменить его никто не может.

За час до предполагаемой регистрации нашего рейса Коля с надеждой спросил:

– Друзья, мы ведь успеваем доехать в аэропорт, все нормально?

Грузины с великодушным недоумением развели руками.

– Никола! – озвучил этот жест Гия. – Ты наш гость! Ты наш друг и брат. Здесь, в Тбилиси, мы отвечаем за тебя. Улетишь с почетом, дорогой!

Смутно помню тосты за грузинские кино и театр. Точно помню, что пили персонально за режиссера Стуруа, актера Рамаза Чхиквадзе и их общий шедевр – спектакль «Кавказский меловой круг».

Да, вот еще! После тостов за Грибоедова и его жену, грузинскую красавицу Нину, я зачем-то ревниво вступился за Наталью Николаевну Пушкину, настойчиво призывая выпить и за нее тоже. Я размахивал руками. Коля, глядя на меня, снова вспомнил про железную птицу и сказал, что регистрация на наш рейс уже началась.

Гия «исполнил» широкий успокаивающий жест рукой:

– Никола! Дорогой! Регистрация – понятие растяжимое. А дружба – понятие вечное и нерушимое. Мишико подтвердит: ни один грузинский летчик не посмеет поднять самолет в воздух, если будет знать, что трое наших друзей – гостей Тбилиси – еще не поднялись на борт.

Миша кивнул. А Коля, неуверенно улыбаясь, попытался уточнить:

– Дорогой Гия, а если летчик не знает об этих троих друзьях?..

Гия не дал ему договорить, полностью отвергая всякие сомнения.

– Мы ему всегда успеем напомнить об этом!.. Посмотри на нашего мудрого друга Сашико, – Гия указал на меня, глупо улыбающегося. – Клянусь, он недаром вспомнил о Котэ Махарадзе! У нашего земляка есть замечательная фраза. Когда в матче забивают первый гол, Котэ говорит так: «Счет один ноль. Пока... один ноль!» – Гия победно оглядел всех сидящих за столом. – Таким образом, если до вылета остается один час, то это не значит, что он – последний!

Речь Гии не взбудрила Колю. Он, хоть и улыбнулся в ответ, но как-то кислотовато.

Дальше вперемешку с песнопениями славили нашего Мишу-Мишико: за то, что он родился на этой благодатной земле и стал ее гордостью, за то, что у него такие талантливые и верные друзья, как мы.

Миша был весел, счастлив, раскован. Он почти не пьянел и вел себя как человек, полностью уверенный в своих друзьях.

Что же касается меня, то я уже не способен был вслушиваться в то, о чем говорят эти прекрасные люди. Я просто любил их.

Прикрыв глаза, я блаженно и путано возвращался мыслями ко всему, чем одарил меня этот город. А одарил он меня красотой извилистых улиц с винными подвальчиками, магазинчиками и кофейнями, могучими деревьями, чью листву разукрасила осень в пестрые тона. Одарил картинами Нико Пиросмани. Настоящими, не копиями. Их можно было потрогать.

Тбилиси одарил меня игрушечными, словно из сказок, домиками, нависающими над Курой. Люблю города, приспособленные для жизни людей, а не для демонстрации чьего-то величия. Тбилиси такой. В нем людям уютно.

А еще этот город одарил меня пониманием, что его жители способны ради гостей на все, лишь бы те были довольны. Этим, кстати, славен и мой родной Ташкент.

В один из гастрольных дней наш режиссер Марк Вайль предложил сделать алаверды грузинам-театралам и коллегам из других республик: приготовить плов и пригласить их на дружескую встречу. Марк и еще несколько актеров жили в отдельном двухэтажном коттедже. Туда и решили созвать гостей.

Казан мы не нашли. Вали Умаров и Хабиб Хакимов готовили плов в большой алюминиевой кастрюле. Мне и Коле Дубакову поручили добыть зелень и овощи. Поручили поздно: вечерело, рынки закрывались, а в магазинах мы находили лишь сельдерей. Что же делать? Решили хоть его взять.

Когда Марк увидел нас с «вениками» этой неподходящей для плова растительности и понял, что мы больше ничего не нашли, растерянно и удивленно спросил:

– Ребята, вы что, обалдели, что ли?

Но отступить было некуда. В этой шекотливой ситуации надо было отдать должное грузинам: когда все гости недоуменно смотрели на разложенный возле тарелок сельдерей, а мы нагло рекламировали его как некую модную приправу к плову, тбилисцы не подали вида, глазом не моргнули! Они артистично хвалили и плов, который, как ни странно, удался на славу, и все, что его окружало. В результате неискушенные в восточной кухне московские критики и другие наши коллеги с удовольствием принялись жевать сельдерей. А мы мысленно аплодировали хозяевам.

Еще мне вспомнилось, как в доме драматурга Лаши Табукашвили я впервые увидел развешанные на стенах картины Ладо Гудиашвили и моментально влюбился в них. Как разглядывал эти картины и фотографии из фильмов отца Лаши, портреты его красавицы-мамы. Мы беседовали, пили кофе после сытного грузинского обеда. Вспоминали, как познакомились в Ташкенте, куда он приезжал на премьеру спектакля по своей пьесе «В поисках фантома». В какой-то момент Лаша зашел в свой кабинет и вынес оттуда лист бумаги:

– А теперь взгляни на это.

Я взял лист и меня обдало жаром. Я сразу узнал этот летящий почерк. Я сразу понял, что этот автограф – подлинник: рука Бориса Пастернака!

Лаша любовался моей реакцией, поясняя:

– Борис Леонидович подарил это моим родителям, когда гостил у нас.

В тот день нам надо было идти на стадион «Динамо», на матч тбилисцев с киевлянами. А я все не мог оторвать глаз от строк Пастернака, от оружия и картин на стенах... Не хотел я покидать гостеприимный дом.

По дороге к стадиону Лаша спросил:

– Как тебе Тбилиси?

– Город контрастов, – ответил я, смеясь, – я, Лаша, в первый же вечер убедился в этом. Гулял по проспекту Руставели. Захотел пить. Спустился в винный подвальчик. Хозяин закрывал ставни, торопился. Но я уговорил его налить мне вина. Осушив большую кружку, я протянул ему деньги. Он замахал руками:

– Нет, нет, дорогой! Ты хотел пить? Напился? Будь здоров, генацвале! Мне некогда!

А вот в аэропорту ночью, за двадцать минут до предполагаемого вылета в Ташкент, мне и двум моим друзьям было не до смеха.

Гия и компания подошли к стойке регистрации. Сначала они громко и добродушно что-то выясняли с женщинами-кассирами. Затем интонация разговора изменилась: обе стороны стали говорить громко, раздраженно и возмущенно. Из-за металлических перегородок на их голоса стал подтягиваться мужской персонал.

Когда Гия с удивлением понял, что посадить в самолет нас почему-то не хотят, он велел позвать начальника аэропорта.

Вскоре появился высокий усатый мужчина в форме, выслушал доводы Гии и сухо отказал. Развернулся, чтобы уйти. Но Гия успел схватить его за лацкан мундира. Развернул. Стал трясти за грудки и кричать что-то ему в лицо.

Миша склонился ко мне и тихо перевел:

– Он говорит: «Ты не грузин, ты не хочешь отправить гостей нашего города на родину».

Дальше все было понятно без слов, как во время спектаклей на грузинском языке. Начальник, яростно жестикулируя, стал громогласно отстаивать свое право быть грузином, а Гия – тоже на весь аэропорт – не соглашался с ним. В нем явно проснулся трагический актер: для большей убедительности Гия сделал отчаянный указующий жест в нашу сторону. Нам, сироткам, не понадобилось строить скорбные физиономии: они, физиономии, таковыми и были.

Обстановка накалялась на глазах. Это был тот еще театр! Театр нашей драмы. Миша сквозь зубы шепотом продолжал переводить:

– Гия объясняет, что мы делегация. Ведущие артисты трех ташкентских театров. Если нас не отправят этим рейсом, то произойдет скандал на весь Союз – сразу в трех театрах Ташкента отменят спектакли.

«Молодец», – подумал я. Только подумал, потому что выговорить это слово тогда был не в силах.

Но вот начальник аэропорта посмотрел на часы и сказал Гии что-то такое, от чего тот на мгновение замолк. Гия дал знак племяннику. Племянник подбежал к нам. С виноватым видом объяснил:

– Дают только два места. Решайте, кто полетит.

Мы переглянулись. Я, мыча, как тургеневский Герасим, сначала развел руками, а потом махнул одной правой: «Летите, голуби, летите...»

Миша и Коля благодарно обняли меня. Схватили чемоданы и неверной походкой двинулись навстречу своему счастью. Миша при этом обернулся и

многозначительно поднял указательный палец вверх, ободряя меня, мол, жди, это еще не финал.

Но я уже смирился со своей неудачей, понял, что ночевать сегодня мне придется в Тбилиси. Взглянув еще раз на Гию и людей у стойки паспортного контроля, которые возобновили свой диалог, я прикрыл глаза.

Не знаю, сколько прошло минут, но кто-то стал трясти меня за плечи. Одновременно с этим я услышал голос из громкоговорителя, который с грузинским акцентом обращался лично ко мне:

– Артист из Ташкента! Пройдите на посадку! Только быстрее, ладно?

Я героически встал.

Подбежали друзья Ги. Взяли у меня чемодан, документы. Подвели меня к стойке регистрации. Потом указали, куда я должен быстро (ха-ха, быстро!) идти по нескончаемому коридору, чтобы успеть сесть в самолет.

Я попробовал поднять свой чемодан. Не получилось. В нем лежали купленные и подаренные бутылки грузинского вина. Милиционер, стоявший рядом, вздохнул, поднял чемодан и прислонил к моей груди. Я обнял его. Отчаянно мотнув головой, сделал несколько шагов. Обернулся. Гия и компания победно махали мне руками. Я растрогался и тоже помахал им рукой. «Сыр выпал», – написал когда-то Крылов: чемодан с мелодичным звоном рухнул на мраморный пол. Милиционер что-то сказал по-грузински и снова помог мне овладеть ношей.

Я волок сумасшедшие килограммы. Сердце стучало гулко, бешено где-то в районе ушей.

«Лучше б меня сейчас застрелили, – думал я, – только бы никуда не идти». Вспомнился фильм «Судьба человека». В нем пленного советского солдата Соколова, которого сыграл Сергей Бондарчук, комендант концлагеря испытывает на стойкость, заставляя выпить три стакана водки. Тот выпивает все три и не падает. За это ему отменяют расстрел, дают буханку хлеба и шмат сала. Он прижимает их к груди и мучительно долго идет к своему барaku. Идет так, как шел я в ту грузинскую ночь – напрягаясь из последних сил, ничего не понимающий, но спасенный.

Лучше б меня застрелили. На каждом повороте очередной милиционер деловито спрашивал:

– Артист из Ташкента?

Я машинально кивал. Милиционер поворачивал мое тело в нужную сторону и подталкивал:

– Туда!

Наконец я очутился на взлетной полосе. Свежий воздух на мгновение придал сил. Я поднял голову: из открытых дверей близстоящего самолета махали руками Миша и Коля, крича механику, отъезжающему на трапе:

– Стой, генацвале! Вот он, уже идет!

Тот их понял не сразу: гудели запущенные двигатели. Пилот самолета высунулся из кабины и тоже махал ему руками, крича что-то. Наконец механик увидел меня и снова подкатил трап к двери салона самолета. Верные друзья помогли мне подняться по трапу. Чемодан мой оставили стюардессам, а меня взяли под руки и повели, верней, поташили в хвост воздушного судна. Пассажиры с нескрываемым любопытством смотрели нам вслед.

Я сел на откидное сиденье и мгновенно уснул. Что мне снилось, не помню. Наверное, что-то счастливое. Может быть, день прилета в Тбилиси и моя

радость по этому поводу? Честно, не помню. Но месяц спустя я написал:

ДОРОГА НА ТБИЛИСИ

Лаше Табукашвили

Я выхожу из самолета.
Я знаю – за бортом плюс восемь.
Но шепчет мне счастливый кто-то:
«Плюс Грузия. Плюс ты. Плюс осень...»

Я улыбаюсь стюардессе,
как самой сказочной актрисе.
Шальное сердце! Не разбейся,
дай мне добраться до Тбилиси!

Лови в автобусе попутном
и фонарей дорожных свечи,
и возникающую смутно
мелодию грузинской речи, –

не торопись... Не надо комкать
путь Млечный и туман молочный.
Дай ожидаемое вспомнить
и поименно, и построчно.

Как дождь стучит в салона двери!
Какую караулит жажду?..
Как весело и страшно верить,
что все сбывается

однажды.

P. S.

Прошло много лет с той поездки в Тбилиси. Много изменилось. Очень многое. Но несмотря на перемены – исторические, политические и другие – жив, слава богу, наш театр «Ильхом», теплится жизнь и в других ташкентских театрах, не рвутся ниточки культурных связей между Узбекистаном и странами ближнего зарубежья. Дружеские связи героев этого воспоминания тоже не прервались. Никуда не исчезли их юмор, самоирония, благодарность друг другу. И это, наверное, самое главное.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Рассказ

Нодирабегим ИБРОХИМОВА

Писателя, перенесшего уже не один сердечный приступ, очень оберегали. И все же в середине лета его сразил коварный рак. В последние минуты жизни рядом с ним была лишь медсестра, почитательница его таланта, с упоением зачитывавшаяся его рассказами и поэтому относившаяся к нему по-особенному.

– Пришла ваша жена. Пригласить ее? – спросила она.

Писатель отказался, глядя на дверь: видно, ждал кого-то. Дети попрощаться с ним не успели, явились в больницу, когда он уже покинул этот бранный мир. Велико было их горе: он был не только талантливым прозаиком, но и хорошим отцом...

...И вот писателя провожают в последний путь. Носилки с телом усопшего, словно корабль, поплыли по плечам людей, пришедших проститься с известным литератором. С фотографии на мраморном надгробном камне мило улыбался человек, будто с облегчением прощаясь с болью, что сопровождала его последние годы.

Последнее пристанище писателя стало своего рода местом паломничества почитателей его таланта. Вспоминая его прекрасные произведения, они горько вздыхали, отмечая, что в каждой строчке было столько жизненной философии, человеческой боли, прекрасных глубоких чувств! И вот такой гениальный человек оказался бессильным перед болезнью.

Однажды на могиле писателя появилась стопка писем.

– Письма, которые писала вам, но не осмеливалась отправить... – глубоко вздохнув, сказала незнакомка.

Прошло время... Читатели стали читать другие книги, говорить о других авторах... Через год и для его семьи утихла боль утраты. Лишь одна женщина не переставала ежедневно посещать могилу писателя, молиться за упокой его души. Она продолжала зачитываться его книгами, жила его произведениями. Дух писателя посещал ее в сновидениях.

...Шестидесятилетний юбилей писателя прошел в торжественном зале Дома творчества. Он часто бывал здесь сначала как любитель-прозаик, затем как преданный книголюб и признанный талантливый писатель. Именно здесь прошла презентация его первой книги, здесь ему стоя рукоплескала публика. Однако со временем его стали тяготить слава, оvationи, известность, и он предпочел уединиться, углубиться в творчество. Его произведения, написанные в одиночестве, проникали в самую глубину читательской души.

Нодирабегим ИБРОХИМОВА родилась в 1989 г. в Ферганской области. Окончила факультет международной журналистики УзГУМЯ. Автор книг «Енингдаги бахт», «Жодугар», «Зулм ва мухаббат». Публиковалась в России, Пакистане, Мексике, Перу, Украине, Бангладеш, Индии и Казахстане, учится на Высших литературных курсах при Университете им. А. Навои.

Он получал очень много писем, вдохновлявших его на создание новых сюжетов. Среди них было одно особенное...

...И сегодня на это торжественное мероприятие жена писателя принесла несколько писем, прижимая их к сердцу. С трепетом ожидала она своего выступления. В зале собрались известные писатели, поэты, ученики, считавшие покойного своим наставником, учителем, и просто почитатели творчества ее мужа. В первом ряду сидели, гордясь своим отцом, дети литератора. Как приятно слышать столько хороших слов об отце! Как отрадно знать, что светлая память о нем жива!

– Мой покойный супруг свою жизнь посвятил литературе, – начала супруга заученную речь, которую произносила в каждом интервью для многочисленных изданий, – он был не только гениальным писателем, но и прекрасным отцом, мужем. Романы, писавшиеся ночами напролет, с интересом и любовью читает народ. Я постоянно находилась рядом с ним, была его критиком, первым читателем. И сейчас в его кабинете ничего не изменилось, на рабочем столе продолжают лежать рукописи, бумаги, книги. Время будто остановилось: все как при жизни писателя. Иногда мне кажется, что вот-вот откроется дверь и он войдет, чтобы закончить свой очередной роман...

В конце своей речи вдова писателя зачитала строки из писем благодарных читателей и под бурные аплодисменты со слезами на глазах вернулась на свое почетное место.

«Ах, если бы все это внимание и почтение было оказано писателю при жизни! Царили бы мир и согласие. Не было бы сегодняшних сожалений и угрызений совести...» – подумала она и горько вздохнула.

Она обратила внимание на женщину, сидевшую у двери. Поймав на себе строгий и пристальный взгляд соперницы, вдова прикрыла платком лицо, покраснела, сердце у нее зашемило. Ей стало больно, обидно и стыдно. Нервно жвав письма, она еще раз посмотрела в сторону двери. Там уже никого не было.

Немного успокоившись, она мысленно вернулась к событиям памятного вечера. Неожиданная встреча с этой женщиной напомнила один момент из ее жизни...

* * *

– Все время что-то пишете, пишете! Толку-то от вашей писанины! – ворчала она, тыча пальцами в рукопись, над которой писатель работал всю ночь. – Разве вы не хотите жить в красивом доме, ездить на своей машине, путешествовать по миру? Только и знаете, что писать да писать! Кроме книг вам ничего и не нужно!..

Подойдя ближе к книжным полкам, она еще больше распалилась:

– Что могут дать вам эти ваши драгоценные книги? Вы даже не являетесь членом Союза писателей! Люди намного моложе вас уже давным-давно стали членами. Даже ваши ученики в почете и с больших трибун читают свои стихи! О Боже!.. Вот один их них...

– Он не мой ученик! – равнодушно заметил писатель.

– А кто приходил к нам домой? Не вы ли писали ему рецензию? Не он ли, обойдя вас, выпустил свою первую книгу? И теперь он член Союза писателей! Это ваш ученик! – не унималась женщина.

– Желаю ему удачи! – безмятежно ответил мужчина.

– Что за человек?! Может, вам тоже стоит подать документы, а? Почему вы не хотите получить дачу в Дурмене, положенную вам квартиру? Отчего не пользуетесь льготами и привилегиями для писателей? Вон, некоторые неплохо наживаются за счет своего таланта! Сколько книг вы написали? Семь! – прокричала она, не дожидаясь ответа мужа. – А сколько книг выпустили? Всего две! А гонорар за них получили? Нет! Видите ли, он пишет не ради денег. А зачем тогда вообще все это нужно? К чему вся ваша писанина? Хоть бы в редакции нормально платили. Так нет!

Писатель будто не слышал жену. Почесав затылок, он что-то вычеркнул, потом вновь вписал.

– Да погоди ты! Мне тут концовку надо доделать... – спокойно сказал муж.

– Нет, сначала ответьте на мои вопросы! – решительно продолжала жена.

Тогда писатель поднял голову от рукописи и произнес:

– Не могу я использовать свой дар для выгоды. Хотя... кому я говорю?! Тебе этого никогда не понять. Если бы я писал ради материальных благ... Нет-нет! Даже представить трудно... Если тебе нужны роскошный дом, машина, я завтра же улечу на заработки в Россию. Поработаю три-четыре года и привезу тебе эти деньги. Но запомни раз и навсегда: я никогда не буду писать произведения ради денег! Ты поняла меня?!..

Писатель не на шутку рассердился, что несколько успокоило разъяренную женщину. Она вспомнила о его сердечном приступе после очередной ссоры, который сильно напугал ее. И вправду, что же я так с ним? Ведь дети еще совсем маленькие, а мы молоды. Будут у нас и дом, и машина...

В ту ночь писатель не сомкнул глаз, но и написать ни строчки не смог. Он ждал письма по электронной почте. Именно сейчас он очень нуждался в этих искренних посланиях, которые вдохновляли его, придавали сил.

Писатель никогда не отвечал на эти редкие письма. Но это не мешало преданному читателю писать вновь и вновь. Уведомление о новом письме очень обрадовало его. Ведь он так нуждался в добром слове и поддержке!

«Дорогой мой писатель!

Недавно в одном из литературных журналов я прочла ваш рассказ “Живой человек”. Тронул до глубины души. В двух ваших книгах, имеющихся у меня, его нет. Но скажу: это прекрасный рассказ, равный по значению целому роману. Знаете, в образе главного героя я увидела себя. Я тоже, наблюдая жизнь, порой не нахожу вокруг живых людей. А есть ли они вообще?.. Кажется, будто у всех сердца пустые, потухшие. Не сомневаюсь, что вы живой человек. Вы не знаете меня, но я считаю вас самым близким человеком. Пожалуйста, продолжайте писать вот такие живые рассказы. Желаю удачи и вдохновения!

С уважением, А.»

Писатель вспомнил про «Живого человека», который был несколько раз возвращен редакцией и лишь потом, наконец-то, напечатан. Вспомнил, как писал его целую неделю, не выходя из дому. Как получил за это строгий выговор. Как жена, обидевшись на него, ушла с детьми к родителям. Они не виноваты. Газете нужны статьи, а семье внимание. Везде ведь живые люди...

В этот раз он решил ответить на письмо.

«Дорогая А.!

Постоянно читаю ваши письма. Эти искренние отзывы, пожелания окрыляют меня. Иногда так хочется все бросить, но когда получаю от вас очередное письмо, где вы пишете, что ждете моего нового рассказа, опять берусь за перо...»

Он все писал и писал... В итоге получилось очень длинное письмо, в котором звучали горечь, печаль, тревога, душевное одиночество. Писатель чувствовал, как с каждым словом ему становилось легче и светлее на душе. Когда он отправил письмо, уже светало. Мужчина закрыл глаза и постарался расслабиться. Когда вернулся к работе, в ящике электронной почты его ждало новое послание.

Так и завязалась их переписка.

Как-то, прибирая на рабочем столе мужа, жена увидела на включенном мониторе уведомление о поступившем новом письме. Открыв почту, она увидела множество писем, отправленных одним человеком.

«Дорогой мой писатель!

В прошлом письме вы отправили краткий сюжет вашего нового романа. И знаете, я не согласна с трактовкой образа главной героини. Женщину, потерявшую мужа и нашедшую утешение в книгах, вы изобразили цветущей красавицей. Так не может быть! Женщина, лишившаяся сильного плеча любимого, никогда не будет прекрасна. Она – словно увядший цветок, оставшийся без заботливого садовника. Смысл ее жизни – книги. Было бы разумнее сделать так, чтобы мужчина влюбился не во внешнюю ее красоту, а во внутреннюю. И потом... любовь с первого взгляда не очень-то убедительна. Пересмотрите этот момент. Если

хотите, я помогу вам в создании психологического портрета главной героини.

Кстати, я работаю в той библиотеке, которую вы часто посещаете, много раз видела вас там, но не осмеливалась подойти. Но в следующий раз обязательно познакомлюсь с вами и помогу вам своими зарисовками. Очень приятно, что не оставляете мое мнение без внимания.

С уважением, А.»

Женщина удалила новое письмо и, спокойно пройдя в кухню, стала наблюдать за мужем, задумчиво пившим кофе. В его глазах женщина заметила особую искорку... «Все понятно...»

– Я схожу к сестре, – объявила она.

– Все в порядке? Что-то случилось? – спокойно спросил он.

– Она немного приболела. Проведаю и вернусь...

Женщина вышла на улицу и пошла в сторону библиотеки, находившейся поблизости. Было воскресенье, поэтому она подошла к сторожу и стала расспрашивать про женщину, чье имя начиналось на букву «А».

Оказывается, в библиотеке работала только одна такая женщина. Ее соперницу звали Амина. Словоохотливый сторож поведал о смерти ее мужа, о том, что она долгое время работает в библиотеке, что у нее нет детей и что она много читает, рассказал даже о том, что она ест на обед...

Утром новой рабочей недели Амина, обслуживая читателей, увидела перед собой незнакомую женщину. От ее ненавидящего взгляда она вздрогнула.

– Если ты сегодня же не уволишься отсюда и не прекратишь писать моему мужу, я опозорю тебя на весь мир!..

Амина в ужасе оглянулась: в зале полно народу. Там же и директор, который кому-то что-то объясняет. Чуть поодаль сотрудницы-коллеги дружно раскладывают новые книги. Страх позора лишил женщину дара речи. Она еле слышно прошептала:

– Хорошо...

– Чтобы завтра духу твоего здесь не было! И перестань вешаться на моего мужа!.. – словно змея, прошипела женщина и с надменным видом покинула читальный зал.

На следующий день Амина уволилась. А писателя вновь охватили грусть и тоска. Жена радовалась, что муж теперь принадлежит только ей. Но она сильно ошибалась...

Прошло время. Был опубликован новый роман писателя. На первой его странице было написано: «Посвящаю своему дорогому другу А.» Жена, прочитав неожиданное признание, расстроилась. Муж никак на это не отреагировал, а лишь глубоко вздохнул на вопросительный взгляд жены: «Интересно, читала ли эту книгу Амина?...»

* * *

Наступил конец юбилейного вечера. Супругу и детей известного писателя проводили с огромными почестями. Вскоре его портрет в зале торжеств заменят на портрет другого писателя. И лишь женщина-библиотекарь продолжала хранить в душе образ писателя, как всегда, мысленно продолжая разговор со своим любимым автором...

«Дорогой мой писатель, мне кажется, что вокруг нет живой души...»

Прижав к груди растрепанную книгу, она спешила к станции метро.

Перевод с узбекского Дильдору ТУРДЫЕВОЙ

Дильдора ТУРДЫЕВА родилась в 1978 г. в Самарканде. Окончила Самаркандский государственный институт иностранных языков по специальности «педагог-психолог». Работает психологом в Международном университете туризма «Шелковый путь».

Сердце мое нарисуй...

Турсун АЛИ

Хокку и танка – жанры японской поэзии. А любая поэзия объединяет души людей, преодолевает языковые барьеры. Не потому ли вторгся в русскую поэзию французский верлибр? Не потому ли японские стихи пустили корни в поэзии разных народов?

Поэт Турсун Али пишет на узбекском. Раъно Азимова переводит его стихи на русский. Надеемся, что эти лирические строки коснутся сердец читателей, не оставят их равнодушными.

* * *

Желая многое сказать, сижу перед тобой,
Нем, как рыба...
Тонут слова в бирюзе твоих глаз.

* * *

В дальние дали позвал я тебя.
Куда – не ведаю сам.
Дождусь ли согласия мотылька в белом платье?

* * *

Взяв за нежные, как птенчик, пальчики,
В пустыню души моей поведу тебя.
Возможно, от шагов твоих проснутся цветы.

* * *

Слова застряли в горле.
Сказать «люблю»?
Ты меня бросаешь заживо в костер.

Турсун АЛИ (Урманов) родился в 1952 г. в Ферганской области. В 1981 г. окончил филологический факультет Ташгосуниверситета (ныне НУУз). На узбекском языке издал двадцать поэтических книг. Публиковался в коллективных сборниках поэзии «Анор» (2009 г.) и «Доира» (2021 г.), журналах «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока».

* * *

Окликни меня, художница,
Нарисуй мои глаза.
Сердце мое нарисуй.

* * *

Мученик я,
то ли горю в аду,
то ли так длинна дорога в рай.

* * *

Не туши мою лампу, ветер.
Золотые пряди ее волос
Дай увидеть при свете.

* * *

Прильни же ко мне, моя лебедь.
В беспокойной ночи
Просочись в мою грудь!

* * *

О, если бы смог осчастливить тебя,
Увезти в край веселья и радости,
Поверь, в тот день я был бы султаном!

* * *

Ты обманула.
Не растут на деревьях золотые листья.
Неужто ими будет усыпан наш путь?..

* * *

Не скрывай, дорогая, скажи,
В чем удел твой – в цветении?
Или ты дерево, пораженное молнией?

* * *

Хотелось выпить, чокнувшись с тобой,
Но нагота души твоей смущала.
О пери зеленоглазая моя!

* * *

О художница! Прочь холсты!
Нарисуй мой портрет в своем сердце,
Пусть глаза твои отражают мой лик.

* * *

Тоскую по тебе,
Чей стан – кипарис,
А лик – сиянье солнца.

* * *

Волосы твои – костер полыхающий,
Его жар охватил мое сердце –
В теле моем бушует огонь.

* * *

В ту ночь,
Как Меджнун, к рукам твоим припал
И потерял себя...

* * *

В морозную ночь
Я оставил тебя без помощи.
О фиалка бедная моя!

* * *

Ты жила в объятьях холода,
Вокруг бесновалась черная ночь.
Во мне же, ежась, зябло сердце.

* * *

Грустно, тоскливо, темно,
Неужто воровка ночь
Молча уведет тебя?

* * *

Нет тебя, нет тебя рядом,
Беспокойство – мой дом,
Ночи мои в нем бледнеют, темные дни у меня.

* * *

Нет, не град за окном, это дрожь меня бьет.
Как струи дождя, обрывается голос.
Любимая, я сегодня признался тебе.

* * *

Истомленной луной сияешь,
Разведя облака на небе любви.
Идолу этому поклоняюсь.
Нет жизни без моря глаз твоих:
Ах, утонуть бы в них!

* * *

Прошай, целую твои руки...
Грудь наполняет тяжелая ночь:
Вздыхаю, устал я, ведь я не бог.

* * *

Дорогая, зову я тебя.
Ты, ярчайшая из звезд,
Попадаешь в орбиту моей души.

* * *

Однажды поцелую крепко в губы,
И, голову склонив тебе на грудь,
В сон вечный погружусь.
Но, если ты погладишь волосы мои,
Будь я хоть на одре смерти,
От теплоты ладони белой,
О, любимая! – проснусь.

* * *

Сад. Как душа твоя,
Печальны голые деревья.
Осторожно за руки беру,
Но не вижу просветления.
Вокруг неугомонно каркают вороны.

* * *

Любимая,
Я устал, обессилел,
Беспомощным стал
На дороге, что выбрало сердце.

* * *

Мы одни в безлюдном уголке.
Вихрем мечется в крови надежда.
Я щекой припадаю к щеке.
Ох, как холодно!
Как же разжечь мне потухший костер?

* * *

Прощай, любимая,
На мне черный наряд страданий
И воспоминаний засохший букет.
Прощай, любимая.
Все больше и больше
Расстояние меж нами.
Не знаю, что осталось в тебе,
Во мне же тлеют
Угольки сгоревшего сердца.
Прощай!..

Перевод с узбекского Раъно АЗИМОВОЙ

Раъно АЗИМОВА – переводчик с узбекского языка на русский, член Союза писателей Узбекистана, лауреат международного конкурса на лучший перевод с национального языка на русский в странах СНГ и Балтии.

ЗЕРКАЛО БАБУРА

Рассказ

Нодир НОРМАТОВ

Виктора Кантемирова нельзя было назвать заядлым поклонником искусства. Лишь иногда, когда в Эрмитаже организовывались выставки костюмов, он выбирался туда. Правда, когда-то в молодости он был учеником довольно известного художника, сбежавшего еще до революции за границу. За то, что Кантемиров не донес на своего учителя, мол, «его творчество несло в себе буржуазную идею», он был выслан в Сибирь, где освоил ремесло скорняка и благодаря этому ремеслу уцелел. Возвратившись в Ленинград, от творчества вообще отошел, только многие годы лелеял мечту попасть в Восточный зал Эрмитажа, в особое хранилище. Но попасть туда было непросто. Он слышал, что там хранится шитый золотом халат эмира бухарского. После того, как его старший сын Владимир стал влиятельным должностным лицом города, он обратился к нему со своей просьбой. После звонка Владимира в дирекцию музея Кантемиров был допущен в особое хранилище, представлявшее собой великолепный зал. Несметность собранных здесь богатств, казалось, придавала ему таинственность, подобно сказочным сокровищам.

К сожалению, среди собранных здесь сокровищ роскошного одеяния эмира не оказалось. Но он несколько не сожалел, что, наконец, оказался здесь. Вдруг в стороне он увидел зеркало в золотой оправе, напоминающее восьмиугольный медальон необыкновенно тонкой работы. Как будто какая-то неведомая сила подтолкнула его к зеркалу, он подошел к нему и замер.

Зеркало, оказывается, обладало таинственной силой, о которой никто не знал, кроме колдунов и волшебников, которые, глядя в него, предсказывали людям судьбу. Мысли об этом зеркале одно время владели умами поэтов, и они воспевали его в стихах. Тайна зеркала заключалась в том, что человек, когда-то в своей прошлой жизни прикасавшийся к нему или как-то связанный с ним, взглянув в него, мог увидеть свой прежний образ, себя в иной, прошлой, жизни. Зеркало показывало человеку высшее воплощение его духа.

Несколько веков назад в своей прошлой жизни Виктор Кантемиров не только прикасался к этому зеркалу, но был мастером, создавшим его. Тогда он был не скорняком, как сейчас, а знаменитым мастером Зохиrom Сийрати, изготовителем зеркал. Жил в Кашмире. Его предки происходили из среднеазиатских художников. Во времена Бабура они переселились в Индостан и из-за

Нодир НОРМАТОВ (1950 – 2017) – прозаик, искусствовед, сценарист. Родился в Сурхандарьинской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Автор сборников «Кугитанские рассказы», «И взлетели птицы из оврага», «Дом, в котором живет радуга», романов «Баригал», «Последнее завешание Рузы Чарыева». Автор многочисленных статей по актуальным проблемам искусства.

превратностей судьбы, дворцовых переворотов и войн обеднели. После смерти родителей Зохир Сийрати поступил учеником к мастеру зеркальных дел усто Кобуду, происходившему из бобилов. Его родители были привезены как рабы.

Усто Кобуд то ли из боязни соперничества, то ли из вредности не хотел посвящать джигита в тайны своего ремесла. На протяжении долгих лет ученик выполнял поручения по хозяйству и не более. Когда ему это совсем надоело, он обратился к наставнику:

– Уважаемый усто! Скоро мне исполнится тридцать лет, но до сих пор вы толком ничему меня не учили. Если позволите, я все же хотел бы постичь тайны ремесла.

На что усто Кобуд ответил:

– Потерпи еще год.

Джигит согласился. Когда и этот срок истек и мастер хотел вновь уклониться от обучения, ученик, догадавшись, что ему просто морочат голову, решил уйти и попытаться счастья в другом месте. Узнав о решении джигита, Шахина, дочка мастера Кобуда, очень огорчилась и, когда никого не было дома, тайком проникла в комнату Зохира и рассказала ему все, что было у нее на душе.

– О благородный джигит! – сказала она. – Ты уже десять лет служишь моему отцу, ничего за свою службу не получая. Узнав о том, что ты собрался уходить, я очень огорчилась. Из уважения к тебе и по причине искренней любви я прошу тебя прислушаться к моему совету. Поднимись завтра на рассвете. Я не буду закрывать дверь внутреннего дворика на цепь, так что ты через нее пройди за наш дом. Там есть волшебная печь. Возьми из этой печи полный мешок золы и отправляйся в обсерваторию звездочета Соно. С крыльца обсерватории видна как на ладони мастерская моего отца, и ты увидишь форму, в которой отец отливал зеркала. Глядя на нее, из пепла ты сделаешь зеркало. Вот эта золотая монета придаст блеск твоему зеркалу, оно станет волшебным, глядя в него даже по прошествии времени, человек, существующий уже в другом облике, перевоплощенный, сможет увидеть свою прошлую жизнь. Это зеркало прославит твое имя, ты будешь жить в достатке и почете. Только необходимо соблюдать одно условие: надо всегда находиться рядом с зеркалом. Если у тебя попытаются его купить, сделай взамен другое. До свидания, благородный джигит! Завтрашний день будет для тебя днем исполнения желаний.

Девушка ушла в дом. Зохир Сийрати, хоть и не совсем поверил ее словам, но из уважения решил выполнить все, что она сказала. Встал на рассвете, взял из печи на внутреннем дворике золу и поднялся на крыльцо обсерватории, откуда действительно было видно, как усто Кобуд делает зеркала. Оказавшись посвященным в секреты профессии, он изготовил зеркало из пепла, который был в мешке. Из золотой монеты он сделал тончайшую восьмиконечную оправу для зеркала. Когда зеркало было готово, он посмотрел в него и вскрикнул, увидев, как дочь мастера Кобуда Шахина сожгла себя в тандыре. Оказалось, что Зохир изготовил это зеркало из ее праха. С зеркалом в руках и глубокой печалью в сердце он покинул город и направился в Дели.

Прибыв в Дели, Сийрати нашел приют в доме одной старушки, понемногу начал свое дело – стал изготавливать зеркала. Однако, сколько бы он ни старался, они не были такими совершенными и великолепными, как его первое творение. В большом городе было много известных зеркальщиков, так что товар его не пользовался спросом. Однажды, когда джигит спал, старушка тайно продала через соседа-торговца его волшебное зеркало, так как им не на что было жить. Обрадованная старушка, вручая деньги джигиту, заверила, что, если он будет делать такие зеркала, сосед с удовольствием будет брать их на продажу.

Джигит, заметив пропажу волшебного зеркала, расстроился, побледнел и чуть не потерял рассудок. Старушка испуганно стала брызгать ему в лицо водой:

– Что с тобой, сынок? – с тревогой спрашивала она.

Джигит признался, что в том зеркале заключен смысл его жизни, и если он не сможет его вернуть, то умрет.

Старушка в испуге кинулась к соседу-торговцу. Но тот сказал, что купил это зеркало для принцессы из шахской семьи, и нет никакой возможности вернуть его.

Старушка, возвратившись домой, рассказала о случившемся Зохиру Сийрати. Тот слег и неделю ничего не ел. И вдруг во сне ему явилась любимая Шахина.

– О благородный джигит! – обратилась она к нему. – Не предавайся печали. Если хочешь быть рядом со мной, поступай на службу во дворец.

Проснувшись, джигит рассказал свой сон старушке. Старушка отправилась в шахский дворец и попросила, чтобы ее приняла принцесса. Она рассказала ей о состоянии бедного джигита, любимое зеркало которого оказалась во дворце, и о том, что ему необходимо время от времени смотреться в него.

Принцесса оказалась великодушной:

– Хорошо, пусть он поступает на службу во дворец.

Джигит стал служить во дворце, изготавливать зеркала, ему разрешалось также читать книги из дворцовой библиотеки. Он стал образованным человеком, мастером своего дела, но по-прежнему любил первое зеркало и считал, что другие зеркала никогда не сравнятся с ним. А волшебное зеркало хранилось где-то среди сокровищ шаха.

Однажды на страну напали враги. Началась кровопролитная война, в результате которой индийский шах был побежден. Иранский правитель Надир-шах нанес большой урон стране, безжалостно уничтожая людей, беря в плен женщин, расхищая казну. Он был настолько алчным, что даже зеркало, не зная о его волшебных свойствах, прихватил.

В момент нападения мастера не было в городе, он уходил в поисках минералов в горы древнего Хинда. Возвратившись, он застал страну в руинах, разграбленной, и последним ударом для него было то, что похитили его любимое зеркало.

Доверившись судьбе, мастер отправился в Иран, решив поступить на службу во дворец к Надир-шаху. Его приняли на службу, но, увы, не в качестве изготовителя зеркал, а конюхом, однако все его помыслы были связаны с зеркалом. Сийрати составил план и решил любой ценой поменять зеркало: вместо одного подложить другое. С этой целью он сблизился со служанкой принцессы и освоил персидский язык, стал неплохо изъясняться на нем. Но судьба готовила для него новый удар. Сийрати узнал, что Надир-шах, желая породниться с российским императором, решил отправить в Россию послов с богатыми дарами для императорской дочери – великолепными золотыми и серебряными изделиями, в числе которых оказалось и зеркало в золотой оправе. Благодаря хлопотам знакомой служанки Сийрати взяли в качестве погонщика верблюдов в караван, направлявшийся в далекую Россию. К тому ремени он уже изготовил точную копию волшебного зеркала и прихватил ее с собой.

Караван миновал пустыню, одолел горы, перешел вброд множество рек. На долю шахских посланников выпало много испытаний в пути: и песчаные бури, и лютые морозы со снегопадами, и наводнение, и засуха. Караван с честью выдержал эти испытания. Зохир жил одной мыслью – заменить зеркало, чтобы, наконец, оно принадлежало только ему. Прошло два года, караван уже был на подступах к Петербургу. Послы остановились на ночлег в одной из гостиниц. Сийрати хотел осуществить свой замысел. Однако случилось несчастье: темной зимней ночью один из строптивых верблюдов поскользнулся и упал с моста в реку. В поклаже этого верблюда среди прочих тюков были и вещи Сийрати, в

том числе зеркало, которое он приготовил для замены. Поскольку в поклаже ценных вещей не было, а только вещи прислуги, то послы не очень огорчились, а Сийрати переживал случившееся как большое горе. Люди даже подумали, что среди вещей он припрятал золото, поэтому так переживает. Послы, люди великодушные и богатые, собрали для него деньги, чтобы возместить утраченное. Его положение осложнялось тем, что он никому не мог открыться, поведать свою тайну. Золото, пожертвованное послами, он припрятал, решив, что останется в северной стране и попытается любым способом выкупить у русского государя зеркало, если же это не удастся, поступит на службу во дворец, чтобы быть ближе к любимому предмету. Может быть, у него была мысль еще раз сделать зеркало и подменить им волшебное.

Русский император очень хорошо принял послов-сватов. После того как были сделаны дорогие подношения, сваты известили царя о благих намерениях Надир-шаха.

Император распорядился по-царски угостить послов. После того, как они погостили неделю, он пригласил их в свои покои и сказал:

– Я польщен желанием его величества Надир-шаха породниться с нами. Его величество просил руки нашей младшей дочери для своего сына. Тысячи сожалений, но наша младшая дочь шесть месяцев назад заболела и умерла. Поэтому мы не можем выполнить просьбу шаха, и я прошу передать уважаемому шаху наши искренние сожаления.

Государь сделал знак, его люди вынесли дорогие шубы и накинули на плечи послов. Иранскому шаху были сделаны подношения – драгоценные изделия из золота и серебра.

Сийрати, как и вся миссия, готовился к отъезду. На листке бумаги он написал и оставил записку на имя караван-баши, а сам скрылся. В записке он сообщал, что устал от жизненных невзгод и, чтобы разом решить все вопросы, намерен утопиться в реке, поэтому его не надо ждать, пусть караван отправляется в обратный путь. Из чувства уважения, которым караван-баши проникся к этому скромному, благородному джигиту, он отложил отъезд на один день, но, не дождавшись погонщика, караван тронулся в путь.

Сначала Сийрати скрывался в роше на окраине города, потом, прикинувшись юродивым, стал попрошайничать, бродя по селениям, а позже нанялся в работники к одному наместнику. Постепенно выучил русский язык.

Прошли годы. Наместник перебрался на жительство в город, Сийрати был принят на службу во дворец. У наместника была единственная дочь, которая полюбила Сийрати, состоявшего на службе у ее отца. Отец девушки был человеком проникательным: оценив трудолюбие азиата, видя его способности ко всякому делу и ремеслу, он понял, что Сийрати – человек благородного происхождения. Поэтому вызвал его и объявил, что собирается выдать за него дочь. Сийрати, обдумав сложившуюся ситуацию, понял, что у него нет выбора, и согласился:

– Я на все согласен. Но у меня есть пожелание. Мне хотелось бы, чтобы вы устроили меня на службу во дворец. Я был бы очень благодарен вам, потому что прежде в своей стране я служил при шахском дворце.

Наместник одобрил это желание:

– Я тоже думал об этом. С тех пор как ты нанялся ко мне на службу, ты был на особом счету у меня. Твой облик, характер и поведение говорили о том, что ты благородного происхождения. Я думаю, что ты верой и правдой будешь служить нашему государю.

По случаю женитьбы Сийрати на дочери наместника устроили пышную свадьбу. Шли годы. Хоть он и служил при дворце, возможности видеть волшебное зеркало не имел. Императрица распорядилась отправить зеркало в летнюю

государеву резиденцию в Таллине, во дворец Кадриорг.

За это время жена родила Сийрати четырех дочерей и четырех сыновей, приближенные царя решили дать ему имя Хантемир, поскольку его предки были тюрками, и он сам как-то удивительно напоминал легендарного Амира Темура. Так вот и получилось, что он доживал свой век в России. В надежде отыскать любимое зеркало он осмотрел тысячи зеркал, но тщетно. Он досконально изучил список сокровищ царицы, однако зеркало, сделанное им, исчезло бесследно. Дожив до возраста пророка, он в глубокой тоске и печали окончил свои дни.

Впоследствии в его четвертом поколении родился мальчик. Душа Сийрати вселилась в потомка, и в облике Виктора Кантемирова он вновь явился на белый свет, как две капли воды похожий на мастера зеркальных дел Хантемира-Сийрати: с гордым орлиным профилем, миндалевидными глазами, высокий и статный, только более белокожий. Скорняк Кантемиров, оказавшись напротив волшебного зеркала, увидел свой прежний облик и был очень удивлен. В его мозгу что-то произошло: он услышал странный шум, кровь вскипела, и он погрузился в водоворот давних событий. Под воздействием зеркала события наших дней на время исчезли из его памяти, он стал жить лишь прошлым.

Его жена Ксения первой заметила, что с ним происходит что-то неладное. Вдруг он стал называть ее Марией.

– Что с тобой случилось, у тебя что, разум помутился? Или ты забыл мое имя?! – выговаривала она ему.

Но Кантемиров и внимания не обращал на ее слова. Он ходил за ней по пятам и все приговаривал: «Ах, Мария!» Ксения не могла этого вынести, сняла тапок с ноги и запустила в него. Но это на Кантемирова не подействовало. Вечером, когда вернулись с работы сыновья, Кантемиров стал называть и их другими именами – именами сыновей Сийрати. Ксения ушла в свою комнату и дала волю слезам. Она поняла, что муж сошел с ума. Старший сын ломал голову, как поступить, так как он занимал высокую должность, а положить отца в психбольницу – значит подорвать свой авторитет. Еще неделю семья наблюдала за Кантемировым и в конце концов вынуждена была обратиться к знакомому профессору. Профессор осмотрел Кантемирова, поговорил с ним и пришел к выводу, что тот практически здоров.

– Я не нашел в его действиях и речах ничего противоестественного. На заданные вопросы он отвечал более чем вразумительно. Возможно, мне нужно прийти в момент приступа безумия, – сказал он старшему сыну Кантемирова.

Ксения, разделяя его мнение, объяснила:

– Виктор никого не обижает, не оскорбляет. Он даже голос не повышает на нас. Странно то, что он называет меня и детей другими именами.

Профессор решил навестить больного дня через два. После очередного визита он написал следующее заключение: «В мозгу больного произошло сужение каналов памяти, за счет чего заработали каналы наследственной памяти. В результате больной путает реальность с прошлым. Это не поддается лечению. По прошествии определенного времени больной самостоятельно поправится. Поэтому не надо придавать значения его словам. А главное, к больному нужно относиться очень бережно и ласково».

После этого Ксения предоставила мужа самому себе. Он, несмотря на то, что по-прежнему называл ее Марией, в общении стал даже более деликатным, по старорусскому дворянскому этикету обращался к ней «моя госпожа», стал более тонким в выражении чувств, ни минуты не сидел без дела, перестал играть в домино, не выносил даже запаха спиртного. Уходил к себе в комнату и мастерил свирели, на улицу выходил только для того, чтобы выпить стакан сока манго. Случалось, что идя по улице в задумчивости, он вдруг с удивлением начинал рассматривать автомобили и электротранспорт. Однажды попросил

старшего сына устроить его на службу в Эрмитаж. Сын задумался, потом посоветовался с матерью. Ксения обрадовалась:

– Так ведь это хорошо. У него возвращается интерес к искусству. Посмотри, какие замечательные свирели он делает. На днях я сказала ему, чтобы он починил мою старую шубу. Он вертел ее и так и сяк, но, видимо, свое ремесло окончательно забыл, так ничего и не сделал. Поэтому, если ему так хочется, пусть служит в Эрмитаже, – сказала Ксения.

Сын устроил Кантемирова в Эрмитаж на должность технического работника, проще говоря, уборщика. Старик пользовался особым доверием у дирекции музея, ему поручили уборку помещений особого хранилища. Радости старика не было предела. Он мог каждый день видеть свое зеркало. Он вновь, как в прошлой жизни, составил совершенно авантюрный план: решил выкрасть зеркало из Эрмитажа. В своих планах он зашел так далеко, что сшил дома специальную одежду, в которой можно было спрятать и вынести зеркало. Как-то раз милиционер, стоявший на вахте, попросил его побыть на посту, пока он сбегает на пару слов к невесте, которая ждала его у входа. Кантемиров не преминул воспользоваться подходящим случаем: завернул зеркало в черную тряпицу и спустился в подвал, чтобы спрятать его в мусорном ящике, однако ему не повезло: его заметил техник и передал в руки милиции. Позвонили его высокопоставленному сыну. Тот сразу предпринял меры: достал справку о том, что его отец душевнобольной, и вызволил его из милиции.

Кантемиров был уволен, но в то лето он предпринимал еще несколько попыток выкрасть зеркало, после чего сын вынужден был поместить его в клинику для душевнобольных. Многие удивлялись: почему Кантемиров хотел украсть именно зеркало? Догадавшись, что здесь кроется какая-то тайна, сотрудники Эрмитажа усилили охрану зеркала и даже запретили вход посетителям в отдел, в котором оно хранилось.

Однажды известный ленинградский востоковед привел в Эрмитаж своего иностранного коллегу. Экскурсовод подробно рассказал историю появления знаменитого зеркала в Эрмитаже, упомянул о довольно курьезном случае – попытке выкрасть его. И вдруг иностранец оживился, его глаза засверкали.

– Вы говорите, что это зеркало было изготовлено в Индии? Мне довелось прочесть рукопись одного мусульманского муарриха, посвященную истории зеркала. Там написано, что оно хранилось в сокровищнице индийского правителя и у него есть своя тайна: если человек в своей жизни прикоснулся к этому зеркалу, то во второе свое появление на этом свете он может восстановить воспоминание о прошлой жизни. Однако это волшебное зеркало было вывезено Надир-шахом, после чего бесследно исчезло. Может быть, этот человек в прошлой жизни тоже прикасался к этому зеркалу. Рукопись также свидетельствует: чтобы вернуть человека в реальную жизнь, нужно перевернуть зеркало и три раза обвести им вокруг головы человека. Иностранный гость, рассказав эту историю, долго всматривался в зеркало и, наконец, рассмеялся:

– Нет, я, оказывается, не видел этого зеркала в прошлой жизни.

Экскурсовод был хорошо знаком с сыном Кантемирова, поэтому обратился к гостю:

– Знаете, старик, который хотел украсть зеркало, отец одного высокопоставленного человека, он ни в чем не нуждался, но, как я слышал, после того как увидел это зеркало, стал называть жену и детей другими именами. Может, вы сможете вернуть ему рассудок?

Гость оказался человеком великодушным. Он отправился с экскурсоводом к старику домой. Если говорить об истинных мотивах, то ему было необычайно интересно узнать, насколько правдиво описаны свойства зеркала в древней рукописи.

Ксения встретила гостей настороженно. Она не хотела говорить, где находится супруг. Но, узнав, что гости хотят помочь, расплакалась и сказала, что муж в клинике для душевнобольных. Гость выразил желание повидаться с Кантемировым. Это ему удалось только после хлопот старшего сына больного. Гость рассказал врачу о цели визита, но тот не разрешил увести Кантемирова из больницы. Сын больного разделял мнение врача:

– Я постараюсь привезти зеркало сюда. Но мое присутствие при вашем «сеансе» нежелательно, иначе пойдут толки, будто я верю в колдовство.

Он отправился на службу, но обещание сдержал: через некоторое время два научных сотрудника Эрмитажа привезли на его служебной машине зеркало. Гость внес его в палату Кантемирова. Возле больного оставили только жену, посторонних не впустили. Наконец зеркало показало свою силу. Когда гость обвел зеркалом, правда, девять раз вокруг, головы старика, к тому вернулся рассудок, и он обрел дар речи. Первое, что он сказал, было: «Ксения, что мы здесь делаем?» Если человек узнал свою жену, значит все в порядке.

Через неделю, когда Кантемиров вернулся домой, ему рассказали о случившемся. Однако он этому не поверил.

– Ну что ж, не хочешь – не верь. Это твой выбор. Главное, что ты теперь узнаешь нас, – рассмеялась жена.

Все вернулось на круги своя. Но через два месяца случилась другая неприятность: кто-то стал писать доносы на страшого сына Кантемирова. Клевета была фантастической. Будто бы он, воспользовавшись служебным положением, извлек из Эрмитажа зеркало в приданое своей дочери, но, когда узнал, что это получило огласку, водворил зеркало на место. Самое интересное, что, выдавая дочь замуж, он действительно купил ей в приданое редкой красоты зеркало искусной работы японских мастеров.

То, что по его поручению из Эрмитажа вывозили индийское зеркало, было известно многим, и это было на руку его врагам. В результате за злоупотребление служебным положением он был освобожден от занимаемой должности, но несколько этому не огорчился:

– Теперь я смогу заниматься непосредственно своей работой, архитектор я неплохой, и на мой век работы в городе хватит, – говорил он.

Разговоры о волшебном зеркале будоражили город, тысячи людей выстраивались в очередь, чтобы взглянуть на него. Видимо, в глубине души каждого человека живет желание хотя бы на миг увидеть, кем он был в предыдущей жизни. Но Виктор Кантемиров не очень-то хочет заглядывать в него. Может ведь случиться так, что, заглянув в него, он вновь обретет облик Сийрати, а если станет жить памятью давней жизни, кто вернет его в настоящее? Ведь сын уже не занимает руководящей должности...

Перевод с узбекского Гавхар НОРМАТОВОЙ

Гавхар НОРМАТОВА родилась в 1951 г. в Бухаре. Окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Переводчик с узбекского, русского, турецкого и азербайджанского языков. Член СП Узбекистана.

Страницы памяти листая...

Леонид НЕГМАТОВ

Прощание с родиной

Торчат, скалу раздваивая дерзко,
корявые трахеи миндаля –
закат ему макушку рядит в феску;
гудит сквозняк, в муку гранит меля.

Пора идти. Упруга и спокойна
мошь лошадиной шеи под рукой.
Звучат карнаи жалобно, нестройно,
нас провожая в путь – на перекрой.

Присядем на дорожку, пусть со скрипом
с нее потом вставать, штаны в пыли...
Мы встретимся потом – под старой липой,
где ангелы хлопочут, как шмели.

* * *

Перебираешь волосы мои,
как рис на плов:
седые – в сторону. Двоим
не нужно слов,
когда вверху такая синь
и дым вокруг.
Пусть август сена накопил –
остался луг,

где сипло шепчется ковыль
с овсом пустым;
где над грунтовой вьется пыль,
садясь в кусты.
Ты пальцы в трубочку свернешь,
как Левенгук,
и разглядишь меня. Сквозь дрожь
всего вокруг

проступит осень. Где-то там,
когда-то там –
теперь не место городам
и адресам –
почти такие же, как мы,
но лучше нас
(их свет ласкающий омыл,
согрел и спас),

на луговой траве лежат –
наги, немые,
яркие, как маковый пожар, –
еще не мы.
Но искупает нас, нагих,
нежнейший дождь,
когда копну волос моих
переберешь.

Леонид НЕГМАТОВ родился в 1989 г. в Самарканде. С 1992 г. проживает в России. В 2011 г. окончил Поволжскую академию государственной службы имени П. А. Столыпина. Автор сборников стихов и прозы «Вчерашняя наивность», «Амальгама души», «Не аналогия и не романтика», опубликовался в альманахе «Золотая строфа – 2010», журнале «Волга – XXI век».

* * *

Ты стоишь на ветру, трешься жесткой щекою о воздух –
жизнь идет сквозь тебя, согревая потоком тепла.
Все не рано уже, но еще ничего и не поздно –
оттолкнись от холма и в Шагалов пейзаж себя вплавь.

Швензы груш вдеты в мочки отвисшие веток усталых –
золотое свечение, светло-янтарный налив.
Рядом сломанный тополь, как память о грозах-вандалах,
прокатившихся в струнном дрожании молний-тетив.

Ты пульсируешь вместе с гудением дикого улья,
через все естество пропускаешь мерцание вод...
Не вставай поперек, не мешай белым горлинкам гулить –
здесь с запасом отложено всем и темнот, и теснот.

Ты всего лишь труба, магистраль отопления света.
Сквозь тебя кипятки нагнетает небесный титан.
А что больно тебе, так иначе никак. Брутто – нетто:
норма теплопотери, что Богом заложена в план.

* * *

Мой друг теперь в дневник не пишет сны:
«и некогда, и незачем, и нечем».
А я хожу без шапки до весны
и этим не горжусь. И не перечу.
И мама уже плюнула давно,
и мирно иней поселился в прядях
волос моих. Другое пью вино –
спокойное сухое. Был осадок –

и нет его. Но накипает боль
на стенках подраздавшегo сердца.
Из памяти плывут на антресоль
воспоминания. Пора другого детства
настала: сын играет, бормоча,
с конструктором, машинками и кошкой.
А я – не я. Я – ствол карагача,
живая изгородь, я – внешняя матрешка.

Я не пеку небесных пирожков:
и некогда, и незачем, и нечем –
жить надо здесь. Пусть клочья облаков
в прорехи неба лезут. Мы – предтечи
детей своих. Нет кофе – гуши нет.
Гадаем по зубцам кардиограммы:
прогноз хороший. Оттепель. Просвет.
Казалось бы, при чем тут шапка? «Да, мам?»

* * *

Читая Дину Рубину и память...

Бесшумно и бестрепетно мой город
скрывается в воде ушедших лет –
он остров. Он от ткани дня отпорот,
но с памятью не сшит. И на просвет

почти прозрачен – вытерт и затаскан.
В нем все – мои. Кого-то уже нет.
Нет лиц – одни лишь контуры: раскраска
(полжеста, недомолвка, силуэт).

Мой город уходящий идеален –
он гладок, как глазурь на эскимо,
и столь же ломок, и внутри – хрустален,
как блестящий снег, что нынче ночью мел.

Снег сыпал, как не может сыпать манна,
но может изливаться благодать...
Как пряничный, беленый по саману,
ушел под воду первый дом. Нырять

мне предстоит на поиски жемчужин –
чем ближе к дну, тем краше и крупней,
тем тяжелей вернуться; и... чем глубже,
тем больше неопознанных теней,

не страшных, нет – неузнанных, нечетких...
Я поднимаюсь в воздухе, неся
две пригоршни жемчужин. Что в них? Лодка
в пруду горпарка, спинка карася,

тьень виноградных листьев над топчаном
в родительском дворе, вязь на ковре,
холмистый пригород с овражной влажной раной,
горошчатая юбка на сестре,

и промельк воробьиной эскадрильи,
и – бабочка-белянка на вилке:
нетерпеливо вздрагивают крылья
в невыразимо нежном ветерке.

Горсть разжимаю: жемчуг убегает –
истаивает враз: не жемчуг – снег,
и в городе моем травой возрастает,
волнуясь по течению на дне.

Ущерб мой возмешая семикратно,
посыпал снег – белей, чем валидол.
Кричу взахлеб: «Спасибо, Боже, хватит!»
А Боже даже ухом не повел.

* * *

Так мне боязно было всегда выходить на распутье,
потому что на нем, как в распутицу, негде ступить.
В девятнадцать в груди проживает святое распутство,
но никто не стремится распутать на две эту нить.

Я боялся любви еще с детства: она ведь объемлет,
да, вмешает в себя каждый дом, каждый сад, каждый день!
И, что самое страшное, каждому встречному внемлет –
и ты должен его полюбить.... Я сбегал под сирень,

чтобы быть одному. Я не смыслю в любви ни бельмеса:
смыслил в ней лишь Всевышний – и нежный соткал хан-атлас.
Но хоть прятал себя я, как белка припасы по лесу,
все ж нашла ты мой каждый обрывок: их в косы вплела.

* * *

На моем языке ты звучишь совершенно иначе –
он отрывист, как крик, и певуч, как божественный гимн.
Не пытай, почему я недобр, неуклюж, да и мрачен –
я смертельно устал. Я с усталостью неразделим.

Я дожил, я дождаждался и, наконец-то, дождался
тишины и покоя. Со мной раздели свою боль.
Ветер слов твоих гонит корабль беспорядочным галсом –
то слевит, то поправит, то сдавит больную мозоль.

Я исчислен. Я взвешен. Я найден почти невесомым:
если ты отвернешься, тотчас же падет Вавилон.
Жизнь, как блин, была первой и вышла, конечно же, комом.
И какого рожна было лезть самому на рожон?

Твои крылья ладонью укрою, чтоб пламенем боли
не сожгла их безжалостной тьмы запывавшая ткань.
Я плачу тебе дань. Я плачу всей душой. Добровольно,
потому что ничтожна душа. И поэтому дань

не смогла б окупить ни войны, ни сраженья, ни драки,
ни приказа, ни просьбы, ни взгляда, ни правды, ни лжи.
Я плачу тебе дань с боязливостью битой собаки,
У которой и дани-то – жалкие жилы и жизнь.

МАХАЛЛЯ «КЛАДБИЩЕ»

Рассказ

Асрор АЛЛАЕВ

«Добро пожаловать на кладбище!» – приглашала надпись на деревянной табличке справа от входа в конце дороги с двусторонним движением. На северо-западе Карши было две небольшие дороги, одна из них вела к городскому кладбищу.

Все построенные здесь склепы и усыпальницы имели форму гробов, но в них были окна и двери. Каждый день здесь бывало множество туристов. Особенно в ночное время. Многим хотелось прочувствовать, что будет после смерти, каково в склепе? Выстраивались целые очереди с раннего утра, и не все могли осуществить свой план: так как было всего двадцать девять гостевых склепов, и каждый из них был помечен буквами.

Оживленно разговаривающие днем на улицах торговцы с наступлением темноты исчезают. Владельцы магазинов, торгующих убранным и одеждой для покойников, сигаретами, соками и подушками, запирают двери лавок и отправляются по домам. Таковы правила. Нельзя беспокоить приезжающих сюда авантюристов, жаждущих адреналина. Они должны прочувствовать тишину кладбища и особенности пребывания в склепе.

Миновав склепы «А» и «В», смотритель подошел к усыпальнице «С», увидел прибывшего сегодня рано утром старика из Шахрисабза, расположившегося там, и подошел к склепу «D».

– Ты на своем месте?

– Да, – ответил оттуда любитель острых ощущений.

Смотритель запер единственную дверь железной ограды, окружавшей кладбищенскую территорию, сложил в сумку расписки, полученные от клиентов, в которых ответственность за все происходящее они брали на себя, и пошел домой, по пути объявляя всем:

– Не мешайте друг другу!

Кладбище погрузилось в мертвую тишину.

Наступила ночь, в домах погас свет. Подобно матери, потерявшей ребенка, луна некоторое время металась, а потом скрылась за облаками. Послышался вой шакалов. Женщина, находящаяся в одном из склепов неподалеку, вскрикнула от

Асрор АЛЛАЕВ родился в 1986 г. в Кашкадарьинской области. Обучался в Бангалорском университете (Индия) на факультете «Бизнес и управление». Его сборник рассказов «Решение» издан в Калифорнии, позже переведен на японский язык и издан в сборнике «Современные узбекские рассказы», в 2017 году сборник вышел и в Ливане.

страха. Из соседнего склепа раздался успокаивающий мужской голос:

– Не бойтесь, шакалы не смогут пробраться через ограду, вы в безопасности.

Почва, раскаленная за день солнцем, постепенно остывала, так что к утру становилась совсем холодной и влажной. Надо было укрываться одеялом и подкладывать подушку под голову.

Парень, находящийся в склепе, прихватил с собой одеяло. Он долго ворочался, пытаясь заснуть, но это не было располагающим ко сну местом, ему было тревожно и страшно. Вдруг он почувствовал, что по нему кто-то ползет. Ползающих тварей становилось все больше...

По соседству закричала от страха девушка и прибежала в склеп «А».

– Могу ли я остаться здесь ненадолго? Вы не можете выйти? Мне страшно!

Выйдя из склепа, юноша увидел семнадцатилетнюю девушку в атласном платье, дрожащую от страха. Скрестив руки, она смотрела в небо, потому что земля наводила на нее ужас.

– Мне не стоило сюда приходить, но мне было очень интересно, что произойдет до утра. Верите? – сказала девушка.

– Верю. Вы очень решительная девушка. Думайте о том, чтобы спокойно уйти утром домой, и все будет хорошо, – сказал молодой человек, внезапно придумав способ унять и свой страх.

– Меня зовут Хадиджа, – сказала девушка.

– А меня – Иззат.

– Не можете ли вы помочь найти туалет, я забыла спросить об этом смотрителя.

– Это вон там. Рядом со склепом «О».

– Что заставило вас сюда приехать? – спросила девушка. – Обычно кладбищенской жизнью интересуются пожилые люди.

– Есть несколько причин. А сами вы почему здесь? В таком молодом возрасте можно неизлечимо заболеть от пережитого стресса.

– Мне просто не хотелось жить. Я готова была покончить жизнь самоубийством. Родители узнали об этом и отправили сюда, чтобы я ощутила ужас смерти и стала ценить жизнь. Тишина этих мест настолько оглушающая, что я просто задыхаюсь. Кстати, ни у кого не спросила, как быть, на что обратить внимание, когда остаешься в склепе один.

– Думайте о неотвратимо наступающем рассвете. Этого достаточно.

– Я больше не смогу войти в склеп, – сказала девушка молодому человеку.

– Можете остаться снаружи, если хотите. Но этим вы лишите себя возможности ощутить настоящую могильную атмосферу.

– Не могу даже представить, как я снова войду туда.

– Да, наверное, вы не возвратитесь. На самом деле сюда приходят лишь однажды.

– Вот и луна показалась из-за облаков, – сказала девушка.

– Теперь и ежики появятся. Не бойтесь, если один из них окажется в вашем склепе. Они безопасны.

Они присели на возвышение у склепа «А». Постепенно и те, кто находились в других склепах, выходили, не в силах вынести ползающих по их телам насекомых. Старики от страха бегали в туалет, поддерживая штаны руками. Было далеко за полночь.

– Здесь вы осознаете, что находитесь среди мертвых, – сказала, пристально глядя на юношу, девушка. – Тем и интересно это мероприятие.

– Мне понравились невообразимая тишина и одиночество. Полная отрешенность от мира. Ты сам себе и слуга, и правитель.

– Вы писатель? – спросила девушка, обратив внимание на витиеватость слога молодого человека.

– Да. Пишу об аттракционе на кладбище, но не уверен, что какой-нибудь издатель примет это, потому что никто в это не поверит.

– Две вещи делают писателя знаменитым, – сказала девушка, – талант и политика. Без этого писатель – никто.

– Тогда я очень плохой писатель, потому что ни то, ни другое не имеет ко мне никакого отношения.

– Если вам известно, у таланта нет ни цвета, ни формы, ни внешнего вида. Его можно лишь почувствовать, он дает о себе знать.

– Знаете, талант – мой единственный враг. На что только он меня не толкает!

– Сегодня вы закончите писать?

– Конечно, утром вы станете первым читателем. Согласны?

Девушка внезапно вздрогнула и отпрыгнула. С нее упали два таракана и поползли в гробницу.

Девушка начала очищать от насекомых одеяло. Затем отправилась в склеп «В». Устроившись там, она, наконец, успокоилась, закрыла глаза и уснула.

* * *

Когда наутро пришел смотритель и разбудил спящих, кто-то подошел к нему и спросил:

– Почему вчера пустовали склепы «А» и «В»? Почему бы их, эти склепы, как и другие, не сдавать людям?

– Два года назад в них засыпало могильной землей парня и девушку. С тех пор туда мы никого не впускаем.

Перевод с узбекского Дилафруз МУРАТОВОЙ

Дилафруз МУРАТОВА родилась в 1986 г. в Ташкенте. Окончила бакалавриат и магистратуру Узбекского государственного университета мировых языков. Автор ряда стихотворений, статей, книги «Экологияга илк кадамлар», занимается переводами. Публиковалась в республиканских СМИ и научных сборниках.

ЖЕНСКАЯ ПРОЗА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА

Наргиза ИБРАГИМОВА

Функционирование всякой национальной литературы в современном мире осуществляется в активном взаимодействии с другими литературами. Обретение Узбекистаном независимости обусловило особую значимость и актуальность литературоведческого осмысления, идентификации явлений современной узбекской литературы, т. к. изменился сам ее статус: она превратилась в самостоятельный субъект в системе мировой литературы. Возникла необходимость обозначить ее основополагающие явления и новации, их национальное и художественное своеобразие, вклад в мировое литературное пространство, взаимодействие с другими литературами, место в системе межлитературных общностей. Необходимость решения этих сложных задач осознают и отмечают все узбекские литературоведы.

Одной из актуальнейших задач современного узбекского литературоведения является осознание и объективная оценка новых явлений в узбекской литературе, в частности, таких, как женская проза. Сегодня уже совершенно очевидно, что в узбекской литературе родилось и обрело «гражданство» это феноменальное явление, которое, наряду с тематикой и образной системой, обладает свойственными только ему определенными формальными признаками, явление, занявшее достойное место в современном узбекском литературном процессе. Узбекская женская проза представлена творчеством Ф. Афруз, З. Куролбой кизи, Ж. Эргашевой, Ш. Исахановой, С. Вафо, Д. Саидовой, М. Курбановой и др.¹ Процесс становления этого феномена продолжается.

Процесс литературоведческого осмысления женской прозы в литературоведении Узбекистана только начинается. Нуждаются в научном исследовании история формирования и законы развития, типология женской прозы, поэтика жанров, структурные особенности, своеобразие изобразительно-выразительных средств, ее специфика на разных этапах развития, проблемы взаимодействия с женской прозой других стран, национальное своеобразие женской прозы. Однако сомнений в правомерности выделения женской прозы нет. В интервью о женской прозе К. Йулдошев отмечает, что «...женская проза имеет свои особенности.

Наргиза ИБРАГИМОВА родилась в Навои в 1982 г. Окончила магистратуру при ТГПУ им. Низами и аспирантуру при УзГУМЯ. Литературовед, переводчик.

1 См.: Афруз Ф. Поэзия и проза. – М., 2004. Куролбой кизи З. Улим хеч нарса эмас. «Янги аср авлоди». – Т., 2011. Эргашева Ж. Кайтар дуне. – ziu.uz. Исаханова Ш. Заветное желание. «Шарк». – Т., 2011. Вафо С. Тилсим салтанати. «Шарк» – Т., 2004. Саидова Д. Кисмат уйини. «Шарк» – Т., 2005. Курбанова М. Мухаббат Мавсуми. «Шарк». – Т., 2007. К. Йулдош. Еник суз. Великие прорывы в малом жанре. «Янги аср авлоди». – Т., 2006. С. 130.

Никто, кроме женщины не может описать женскую психологию, ее физиологическое состояние, я убежден в этом, потому что счастье женщины – беременность («Грех» Зульфия Куролбой кизи) или потеря нерожденного ребенка («Потерянная» С. Вафо), женское одиночество («Плач» Д. Саидовой), стремление быть любимой и красивой даже на смертном одре («Женщина» Зульфии Куролбой кизи) – и прочие сугубо женские психологические состояния может описать только женщина, т. к. они свойственны только ей... Произведения Фариды Афруз, Зульфии Куролбой кизи, Наргизы Гулямовой, Саломат Вафо, Мамуры Зохидовой, Дильбар Саидовой, Мехринисо Курбановой доказывают, что они не нуждаются в снисхождении, это настоящая, высокохудожественная литература...»¹

Д. ф. н., проф. Умарали Норматов² в интервью о женской прозе дает высокую оценку данному феномену, в частности, произведениям Зульфии Куролбой кизи. В «Открытом письме к Зульфии Куролбой кизи»³, опубликованном в журнале «Ешлик» в связи с ее рассказом «Тафаккур», он заявляет: «Когда я сталкиваюсь с настоящим искусством, я совершенно забываю о том, что я критик, и живу произведением какое-то время, персонажи становятся для меня живыми людьми, я как участник событий общаюсь с ними, делю их заботы, радости, трудности...» Он называет рассказ Зульфии Куролбой кизи в числе лучших произведений национальной литературы.

Известный писатель Хуршид Дустмухаммад⁴ в интервью также признает, что женская проза получила развитие в узбекской литературе, как и в других странах. «Когда мы говорим “женская проза”, мы имеем в виду творчество наших писательниц, раскрывающих сердце женщины, ее внутренний мир, ее душевную боль, ее психологию и физиологию. Это очень своеобразная литература, отличающаяся не только по гендерному признаку».

Разрозненные наблюдения, суждения и попытки теоретического осмысления отдельных аспектов и проблем женской прозы содержатся в научных статьях узбекистанских литературоведов, исследующих современный узбекский литературный процесс, Н. М. Миркурбанова, А. Н. Давшан, С. Э. Камиловой, О. Ч. Хегай, Н. А. Чекулиной, У. Норматова, Ш. Холмирзаева, К. Йулдошева, Х. Дустмухаммада, в работах о творчестве отдельных представителей узбекской женской прозы, в интервью и докладах на научных конференциях, из которых можно составить некую картину бытования и степени осмысления женской прозы в узбекском литературоведении. Вслед за российскими литературоведами узбекские ученые видят специфику женской прозы не только в том, что эти художественные тексты написаны женщинами, но и в том, что это особый, изображающий сугубо женские проблемы и чаяния, пласт литературы, отображающий мир глазами женщин сквозь призму их психологии, социального и культурного опыта.

Многие узбекистанские исследователи справедливо отмечают, что перемены, произошедшие в стране и мире, повлекли за собой рождение многих новых явлений и обусловили их реализацию в литературе, в том числе появление «женской прозы», возникшей и активно развивающейся как результат возросшего самосознания женщины, назревшей необходимости зафиксировать женский взгляд на мир, место женщины в обществе, перемены, происходящие в жизни женщины сегодня. Известный узбекский критик и литературовед К. Йулдошев в статье «Описание людей, закаленных в муках»⁵ справедливо

1 Из личного архива. 20.12.19 г. «Феномен “женской прозы” в зеркале современной литературной критики Узбекистана». Интервью с д. п. н., проф. К. Йулдошевым.

2 Из личного архива. 20.12.19 г. «Феномен “женской прозы” в зеркале современной литературной критики Узбекистана». Интервью с д. ф. н., проф. Умарали Норматовым.

3 Норматов У. Нафосат гурунглари. «Мухаррир». – Т., 2010.

4 Из личного архива. 21.12.19 г. «Феномен “женская проза» в зеркале современной литературной критики Узбекистана». Интервью с д. ф. н., проф. Хуршидом Дустмухаммадовым.

5 Куролбой кизи З. Армон асираси. «Янги аср авлоди». – Т., 2009.

указывает, что литература периода государственной независимости характеризуется возникновением многочисленных новаций и в содержательно-структурном аспекте, и в области типологических связей.

В ответ на запросы времени в литературе разрабатываются новые темы, возникают и разрешаются новые проблемы, формируется новый тип литературного героя времени, иной становится художественная палитра текста. К. Йулдошев отмечает, что сегодня, в период рыночной экономики, когда в жизни господствуют рыночные отношения и прибыль становится главной целью и основной ценностью, прочие ценности (моральные, нравственные), в том числе и сам человек, отступают на второй план. Человек опускается до уровня вещи, а вещь ценится выше человека. Привычные нравственные категории, такие, как справедливость, доброта, милосердие, чуткость, самоотверженность, вытесняются беспощадностью, жестокостью, хищничеством. Перемены в жизни находят отражение в художественных произведениях. Безотрадная жестокая повседневность обуславливает и мрачную цветовую гамму, и эмоциональный настрой художественных текстов, и характер сегодняшней героини – жертвы обстоятельств, нуждающейся в помощи, или борца за место в жизни всеми силами и средствами, не всегда праведными, стремящейся завоевать место под солнцем. Размышляя о романе Зульфийи Куролбой кизи «Неосуществимые желания пленницы» в статье «Описание людей, закаленных в муках» и о рассказах Саломат Вафо в статье «Великие прорывы в малом жанре», К. Йулдошев, не вдаваясь в глубокое теоретизирование, называет ряд качеств, отличающих женскую прозу: описывая в мельчайших подробностях повседневную жизнь своих героев, не разделяя события жизни на важные и не важные, максимально приближая свои описания к реальной действительности. Авторы не призывают к каким-то действиям, поступкам, не указывают пути преодоления, выхода из тупиковых ситуаций, чаще бурно и подробно обсуждают быт, обстоятельства и их влияние на характер и судьбу героя. Излюбленной является тема «маленького человека», задавленного бытом, обстоятельствами, под воздействием которых трансформируется его душа. В основном это образы обычных людей – неудачников, беспомощных, блуждающих нелегкими путями судьбы. Хуршид Дустмухаммад во вступительной статье «Желание и вера» (сборник рассказов «Ангел зла»¹) подчеркивает, что в женской прозе не наблюдается стремления глубоко проникнуть во внутренний мир героев или психологически мотивировать их поступки. Не занимаясь экстраординарными исследованиями, Зульфийа Куролбой кизи (как и другие представители узбекской женской прозы) создает целостные характеры, восходящие к хорошо знакомым автору жизненным истокам, попадающие в сложные жизненные обстоятельства, зачастую обуславливающие перерождение человека.

Как особенность рассказов Саломат Вафо К. Йулдошев отмечает то, что она не показывает человека «чистым, в выглаженной одежде, если на самом деле он в мятой и грязной одежде», т. е. изображает его таким, какой он есть, без прикрас, и это свойственно женской прозе в целом. Зульфийа Куролбой кизи умело использует детали, помогающие создать убедительную художественную картину мира (характерную для женской прозы вообще). Хуршид Дустмухаммад в статье «Желание и вера», размышляя о героях Зульфийи Куролбой кизи констатирует, что большинство героинь узбекской женской прозы – молодые женщины, беспомощные и несчастные, легко ведущиеся на обман, не способные противостоять жестокому миру, и видит их спасение в умении адекватно судить об окружающем мире. Большинство героинь узбекской женской прозы, как справедливо отмечается в современной узбекской критике, это героини, реализующие свое женское предназначение (матери, жены, возлюбленные, невесты), счастьем для которых является мир в семье,

1 З. Куролбой кизи. Евузлик фариштаси. «Янги аср авлоди». – Т., 2005.

семейное благополучие, здоровье детей и мужа. Они не мечтают о роскоши, работе, карьере, не озабочены социальными проблемами, живут в своем микромире, который, к сожалению, не может уберечь их от внешних бурь и потрясений. В этом, пожалуй, одно из отличий узбекской женской прозы от русской. Кроме того, как отмечает Хуршид Дустмухаммад, большинство героинь узбекской женской прозы несчастные марионетки в чьих-то руках, даже не пытающиеся противостоять обстоятельствам, защитить себя. Это, пожалуй, тоже одна из особенностей узбекской прозы, отличающая ее и восходящая к веками существовавшему на Востоке приниженному положению женщины в обществе. По тонкому наблюдению К. Йулдошева¹, всякая женщина мечтает об уважении, внимании, заботе, любви, а отсутствие их часто становится причиной жизненных трагедий, причиной поступков, противоречащих женскому естеству и природному предназначению (например, добровольный отказ от материнства в рассказе Саломат Вафо «Потерянная», «Грех» З. Куролбой кизи). Здесь же К. Йулдошев подчеркивает, что до недавнего времени считалось важным и значимым изображение в литературе примет времени, в настоящее же время акцент делается на глубинном смысле, внутреннем конфликте личности, что особенно свойственно женской прозе. Если для жизни важен результат, для литературы – процесс, поэтому литература более многогранно и глубоко исследует выбранную тему. Именно этому запросу времени отвечают произведения представительниц узбекской женской прозы, которые, не жалея, не щадя, даже если слово жестоко ранит, создают запоминающиеся образы своих героев, анализируя рассказы Саломат Вафо, К. Йулдошев замечает: «Жесткие, не сортированные, причиняющие боль слова предоставляют возможность создавать незабываемых героев»². Это уместно отнести к особенностям узбекской женской прозы вообще. В интервью критик подчеркивает высокую эмоциональную содержательность и насыщенность слова в рассказах Саломат Вафо, что позволяет создать живой запоминающийся художественный образ.

В узбекской женской прозе возникли новые жанровые формы, такие, например, как рассказ-мозаика (С. Вафо «Родина»), рассказ-гимн (Зульфия Куролбой кизи «О жизнь!»), рассказ-поток сознания (С. Вафо «Потерянная»), пограничные жанровые образования: рассказ-новелла, рассказ-эссе и пр. Необходимо отметить, что, используя традиционные жанры, представительницы узбекской женской прозы обогатили их новыми содержательно-структурными факторами: обновленной композиционной структурой, обусловленной спецификой отображаемых жизненных явлений, характером отношения к ним автора, особенностями идейно-эмоциональной трактовки изображаемого. Трудно не согласиться с народным писателем Узбекистана Шукуром Холмирзаевым, который отмечал сложность задачи, необходимость преодолеть множество препятствий на пути к раскрытию внутреннего мира женщины³. «Творить в прозе... Это все равно, что завязать пояс вокруг талии, повесить на него меч и выйти на поле брани, что кажется неестественным для женщины, которая все же надевает кольчугу, завязывает пояс и вешает этот меч... это неестественное явление становится ценной силой, жизненным явлением».⁴ Создавая художественную картину мира, представительницы узбекской женской прозы стремятся представить собственный взгляд на заявленную в произведении проблему, вовлекая читателя в мир своих героев, подталкивая к размышлениям... Тематика их произведений не нова, нов уникальный женский взгляд на мир и все происходящее в нем, духовное перерождение современной женщины, зачастую перешагивающей в силу новых жизненных обстоятельств через общепринятый национальный уклад жизни.

1 К. Йулдош. Еник суз. Великие прорывы в малом жанре. «Янги аср авлоди». – Т., 2006. С. 130.

2 Там же. С. 131.

3 М. Курбанова. Мухаббат мавсуми. («Такдим». Ш.Холмирзаев). «Шарк» – Т., 2003.

4 Там же. С. 3.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Нелли ЗИГАНШИНА

С глубокой болью в душе прощаясь...

Марат Садыков (1945 – 2021) – Народный художник и заслуженный деятель искусств Узбекистана, академик Академии художеств Узбекистана. Родился в 1945 году в Бухаре. В 1973 году окончил Ташкентский театрально-художественный институт. Персональные выставки художника проводились в Узбекистане, России, Финляндии, Германии, США; его произведения находятся в частных коллекциях в России, Австрии, Испании, Германии, Великобритании, Израиля, Канады. В декабре 2021 года ему исполнилось бы 76 лет.

*Быть понятым, принятым и любимым зрителем для художника большая честь, это – признание его таланта, мастерства...
Марат Садыков*

Марат Садыков – признанный мастер камерно-лирического пейзажа с характерной для него и узнаваемой зрителем индивидуально-интимной трактовкой действительности. Он никогда не создавал картин монументальных, масштабных. Восхищаясь широтой просторов, завораживающей мощью горных хребтов, величием снежных вершин, отдавая дань незабываемой красоте природы, художник тем не менее в своих картинах (на разных этапах творчества – акварель, гуашь, темпера, литография и снова акварель) воссоздает, казалось бы, неприметные пейзажи, незатейливые мотивы будничной жизни. Но в них он видит нечто большее, чем простой наблюдатель, частное для него – это лишь средство раскрытия целого, его сути. В постижении ее он и видит свою задачу.

Куда бы ни забрасывала художника творческая судьба, сердцем своим он тянется к родному Узбекистану, особо милой родной Бухаре, где он вырос.

Многовековая Бухара и ныне сохранила свой облик, свою неповторимость. Величавы памятники старины, традиционна жизнь в старых кварталах. Даже единожды побывав в Бухаре, можно понять, что воссоздаваемые в картинах Марата Садыкова улочки, тупики, дома с плоскими крышами, словно застывшие в ожидании женские фигуры у открытых дверей, ведущих в крохотные дворики с цветами, – все это живет на протяжении столетий. Когда-то попавшее в душу мальчишки, с благоговением взиравшего на приезжих художников, исходившее от них понимание непреходящей, трудно переоценимой значимости увиденного, осталось с ним на всю жизнь.

Нелли ЗИГАНШИНА родилась в 1937 г. в Казани. Окончила филологический факультет Казанского госуниверситета. Искусствовед, кандидат наук, редактор. Автор многочисленных искусствоведческих статей и книг.

Неоднократно в своем творчестве обращается М. Садыков к бухарской теме, утверждая свой принцип мировоззренчески сознательного отбора сюжетов и свою однажды избранную формально-стилистическую живописную манеру.

В акварелях Марата Садыкова предстает мир маленький, замкнутый, естественный в своей простоте, со своим временем, своими ритмами и гармонией. Человек и окружающая его среда в картинах художника едины, слиты: одно состояние, настроение, одни чувства. Эта гармония, тишина и покой, заполняющие акварели, завораживают, притягивают, словно приглашая окунуться в них. В естественных в своей простоте мотивах художник видит не сиюминутность, не вырванный из жизни миг, а состояние вневременное, длящееся бесконечно. Глядя на картины Марата Садыкова, начинаешь понимать, что, несмотря на великое разнообразие мира, его многоликость и многогранность, главным для человека остается осознание гармонии с окружающим. Бесхитростностью мотивов, спокойным ритмом, мягким колоритом, душевностью и теплотой картины М. Садыкова воздействуют не только на чувства зрителя, но и на его сознание, внушая мысль, что все преходяще, кроме подлинных основ человеческого бытия.

Художник любит очень сдержанную, изысканную цветовую гамму, нередко основанную на выявлении бесчисленных граней одного цвета. Таковы его бухарские и другие азиатские пейзажи. Акварели из серии «Белая Бухара» (1979) кажутся монохромными, настолько они выбелены, как сама пылающая жаром земля. Но в этой белизне такие переливы, оттенки, нюансы, что она кажется вобравшей в себя все другие цвета.

Излюбленная гамма художника – жемчужно-серая с голубизной, золотисто-охристая, разбеленная с тончайшими переходами зелень. И все это в нежных, почти прозрачных цветовых и тоновых сочетаниях. Цвета живут своей трепетной жизнью, передавая живописными средствами сущность изображенной природы, среды. В каждой работе М. Садыкова ощущается единство природы и человека.

Осень и вечер... Для М. Садыкова самые любимые времена года и дня и самые близкие, созвучны его душевному настрою состояния природы (картины «Вечер», «Последний луч», «Знойный день», «На закате», «Конец дня», «Тишина», «Ожидание», «Вечерний разговор» и другие).

В несложные мотивы, взятые из обычной жизни, художник вложил свое ощущение присутствия в них непреходящих законов вечности человеческого бытия. Окруженное светлыми стенами домов и дувалов пространство воспринимается в картинах как микромир, в котором протекают будни людей с их заботами, ожиданиями, раздумьями. Но льющийся сквозь проем входной двери свет, словно мостик, соединяет этот замкнутый мир с окружающей жизнью. Освещенные лучами заходящего солнца небольшие фигурки женщин, реже – стариков, воспринимаются как своего рода символы терпения, доброты, мудрости, своеобразная ниточка памяти от прошлого к будущему, как пояснял сам художник.

Многочисленные поездки по Армении, Узбекистану помогли художнику обогатить палитру картин цветовым многообразием весенней природы. Вместо излюбленной им пастельной гаммы в его акварели ворвались глубокие и насыщенные цвета («Сукок» (1985), «По Узбекистану» (1984 – 1985) и др.). Но поездка по Дагестану снова вернула художника к монохромной гамме. Суровая красота этого края требовала сдержанности в художественном воплощении, что стало определяющим в пейзажах из серии «По Дагестану» (1986) и в более поздних произведениях художника.

Акварели М. Садыкова притягивают чистотой, незамутненностью чувств, убедительно раскрывают взаимообусловленность эмоционального состояния человека и окружающей его среды, природы, наполнены ощущением высокой значимости всего, что есть на Земле. Этим они трогают и волнуют зрителя. Это работы, связанные с проникновением человека в неосвоенные земли, их преобразованием (серии автолитографий (1985 – 1986): «Газли», «Освоение Голодной степи», «Узбекистан индустриальный»). Показывая новую взаимосвязь человека и окружающей среды, художник оставался верен своему убеждению: нельзя вторгаться в природу без оглядки, слишком дорого приходится платить за

необдуманность поступков. Болью пронизаны акварели из серии «Арал». Гибель моря произошла на глазах современного поколения. Она неотвратимо пагубна для планеты, это роковая расплата за бездумные и безумные действия людей.

С присущей художнику искренностью, глубиной чувств и мыслей он создавал картины, в которых утверждал неповторимость, непреходящую ценность бытия, красоту и гармонию мира.

Когда-то в одной из бесед художник признался: «Мне кажется, что ежечасная обыденная жизнь, будничные мир с уймой своих проблем и глобальные проблемы предотвращения всех угроз Земле – это звенья одной цепи. Сейчас никто не может оставаться безразличным к экологическим проблемам. Активное вмешательство человека в природу оборачивается подчас подлинным и не всегда поправимым бедствием. Пример тому – Аральское море». Это тревожит художника во время поездок по новостройкам республики, местам, где осваиваются новые земли. Сам факт продвижения цивилизации в отдаленные, необжитые места не может вызывать возражения. Но то, как это делается, зачастую настораживает. М. Садыков отмечал: «Не раз бывал я в Каршинской степи, видел, как идет ее освоение. Вторгаясь в степь, ее веками сложившуюся экологическую среду, человек порой не задумывается, что, даже совершая нужные и важные дела, можно принести вред. В данном случае идет своего рода засилье: железобетон, асфальт, многочисленные металлические конструкции подавляют вокруг себя все живое. Хотелось бы, чтобы, осваивая новые районы, человек как можно бережнее обращался с природой»¹.

Живя в современном мире, художник должен активно откликаться на современный прогресс. Открытия, достижения науки, взлеты человеческой мысли не могут оставаться вне поля зрения художника. Освоение космоса, величайшие научные достижения не только восхищают и поражают беспредельными возможностями человеческого разума, но и вселяют веру в добрые деяния людей, в построение жизни без войн и насилия. Именно эти мысли воплотились в листе «Земля – Космос». Он решен порой как прямое противопоставление величия человеческого разума и духа, воплощенного в полете в космос, низменности земных человеческих дел, существованию насилия, по самой природе противостоит естественного для человека. Деятельность человека должна облагораживать Землю, природу, но не портить ее, не наносить вреда. Возводя новые города, заводы, перекрывая реки, прокладывая дороги, человек должен помнить о Земле, о ее первозданной красоте. Вмешательство человека в природу должно иметь меру. Этой теме посвящены литографии «В степи», «В горах», «Город будет» и другие. Кстати, в листе «Город будет» в изображении тяжелых, нависающих железобетонных блоков, символизирующих будущий город, воплощены мысли-опасения о порой бездумном и опрометчивом вторжении человека в природу. «Обращаясь к производственной теме, стараюсь всегда исходить из необходимости сохранения окружающей среды. Иногда мои произведения выливаются в своего рода протест, предостережение против необдуманного вмешательства, иногда – в приятие и воспевание гармонического соединения деятельности человека с природой. Главная мысль моих работ – помнить, беречь и не нарушать гармонию всего сущего», отмечал М. Садыков в интервью автору данной статьи.

Рожденные любовью к Земле, сыновней преданностью ей, работы Марата Садыкова привлекают глубоко личностной, активной оценкой художника окружающей жизни. Воплотившие его преклонение перед гармонией и красотой мира, остроту его мироощущения, эти работы вновь и вновь заставляют нас задумываться над вечными истинами. Сила их воздействия – в их искренности, глубине чувств и мыслей художника, в его душевной чистоте и ясности, в гармонической цельности философского начала. В основе же всего этого – безусловная убежденность художника в том, что всякое живописное произведение должно нести как эмоциональный, так и интеллектуальный заряд, заставляющий зрителя сопереживать и размышлять вместе с автором.

¹ Размышления на эту тему вылились в серию автолитографий «Освоение Голодной степи» и другие работы.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

Татьяна АВДОНИНА

Имя Сергея Донатовича Довлатова (1941 – 1990), одного из интереснейших русских писателей второй половины XX века, до сих пор воспринимается неоднозначно. Возможно, причина кроется в совершеннейшем отказе художника от морализаторства, в полном отсутствии стремления навязать свое понимание происходящего. Часто Довлатов вообще скрывается за маской рассказчика анекдотов, как бы не претендуя ни на что серьезное в своем творчестве. А. Генис усматривает в творческой позиции писателя бунт против «идейной» литературы, против любого метафизического подтекста. По мнению критика, Довлатов скользил по поверхности жизни, принимая с благодарностью и доверием любые ее проявления, стремился очистить словесность от литературщины, в результате чего у него осталась чистая пластика художественного слова.¹

В довлатовском творчестве принципиальное значение приобретает стиль, поскольку именно в этой категории выражается художественное осознание эпохи и художественное мышление писателя, которое одновременно воплощает и творит типы художественного осознания его времени. Обманчивая простота стиля писателя раскрывает перед вдумчивым читателем всю сложность мира. Автор облекает хаос в простые формы, пытается упорядочить его хотя бы внешне, чтобы таким образом, быть может, преодолеть трагизм существования.

Интересными документами, свидетельствующими об авторской позиции, являются записные книжки. Наравне с дневниками, письмами, автобиографией, заметками, воспоминаниями, мемуарами их принято в современном литературоведении называть аутентичными (подлинными) текстами, или эго-документами. При их исследовании обнаруживаются относительное единство и внутренняя противоречивость рефлексии пишущего индивида, психологические особенности автора, лексико-стилистическая спецификация отдельных видов и форм повествования, жанровые черты и особенности эго-документов, возможности их типологического и сопоставительного анализа как близких культурных феноменов. Интерес к эго-документам определяется разными причинами, целями и задачами: можно проследить основу рождения сюжета, вывести определенную связь художественного произведения с некоторыми жизненными реалиями, обратить внимание на психологический процесс рождения образа, зафиксировать яркие диалоги и детали, используемые писателем в произведениях в дальнейшем.

Татьяна АВДОНИНА родилась в 1952 г. в Ташкенте. Окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Работала в Гулистанском педагогическом университете и ТГПУ им. Низами. Автор многочисленных статей по проблемам современного литературоведения.

¹ Генис А. Первый юбилей Довлатова // «Звезда», 1994, № 3. – С. 167.

Но в любом случае эти лично маркированные документы ведут к истокам психологии художественного творчества.

Отличие записных книжек от всех других видов эго-литературы заключается в обрывочном, случайном, несистематизированном, фрагментарном характере. Чаще всего записные книжки являются откровенным высказыванием писателя о мире, хотя в некоторых записях могут быть намечены герой и сюжет. Функция записных книжек – быстрая фиксация того, что для писателя является значимым фактом и отражает его эстетический идеал.

Литературное творчество Сергея Довлатова в той или иной степени связано с его биографией. Его прозу даже называют псевдодокументальной, имея в виду тесную связь героя-повествователя с самим автором, а происходящие в его произведениях события с реалиями жизни писателя. Но в итоге автобиографизм Довлатова получается очень литературным, наполненным самыми разнообразными ассоциациями и выразительными деталями. Таким образом, записные книжки в контексте творчества Довлатова связаны с индивидуальным стилем писателя, его своеобразной поэтикой. Короткие фразы, построенные на антитезе, выразительность речи, абсурдное сопоставление несопоставимых вещей, порой напоминающее подлинные авторские истории из жизни, – вот те специфичность и кажущаяся простота стиля, которые завораживают читателя и не поддаются редакторской правке.

Характерной чертой довлатовского рассказа является использование писателем короткого анекдота в качестве сюжетообразующей основы произведения, благодаря чему жизненная история обретает неожиданно яркую форму. Пересечение свойственной анекдоту заостренности, парадоксальности развития фабулы и сугубой достоверности происходящего и создает художественный эффект. Форма анекдота придает тексту Довлатова динамичность, подвижность, мобильность, авторская идея при этом выражается резко и в неожиданной форме. Писатель тонко улавливает специфику анекдота как жанра, по сути своей принадлежащего устной речи – такие его черты, как краткость, уместность появления, неожиданность концовки. А самое главное – в рамках именно этого жанра бытовая повседневность превращается в литературу без скучных поучений, долгих объяснений, а повествование становится динамичным. Записные книжки С. Довлатова изобилуют анекдотами.

Жанровые модели этой формы широко используются у Чехова. С Чеховым Довлатов сближает отношение к писательскому труду. В одном из интервью Довлатов заметил: «Не думайте, что я кокетничаю, но я не уверен, что считаю себя писателем. Я хотел бы считать себя рассказчиком. Это не одно и то же. Писатель занят серьезными проблемами – он пишет о том, во имя чего живут люди. А рассказчик пишет о том, КАК живут люди. Мне кажется, у Чехова всю жизнь была проблема, кто он – рассказчик или писатель?»¹. Тем не менее, подчеркивая значимость «ремесла», и Чехов, и Довлатов понимали, что творческим стимулом уже становится не исчерпавшая себя пророческая миссия, а долг – чувство, имеющее преимущественно внутренний характер. Такое отношение к творчеству проявляется в разных по жанру произведениях обоих писателей и, в частности, в их записных книжках. Они различны по форме. Если чеховские записные книжки – это рабочий материал, то у Довлатова – это узаконенный жанр, игра, которая имеет форму рабочей записи, готовое произведение. В этом проявляются постмодернистские тенденции в творчестве Довлатова, реализуется его поиск новых форм в литературе, стремление к простоте и ясности выражения, т. е. «псевдодокументализм», как называл это сам Довлатов. Разница между записными книжками Чехова и Довлатова обусловлена и внелитературными факторами: различные социальные условия жизни, разные события, нравы и характеры

¹ Цитируется по кн.: Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. – СПб.: 2006. – С. 351 – 352.

людей, иная языковая реальность. Ни в довлатовских, ни в чеховских записных книжках не отдается предпочтение каким-либо темам, преобладает свободное сочетание разных зарисовок. Писателей сближают такие особенности, как переплетение драматического и комического, лаконичность, простота языка, добрый смех, смешение абсурдности и нормы, соотношение героев с реальными и художественными прототипами.

Первая часть записных книжек Довлатова «Соло на ундервуде» вышла через год после его эмиграции в Америку (1980). Позже была опубликована вторая часть – «Соло на IBM». В этом собрании различных записей множество сюжетов, событий, реплик, диалогов, набросков и даже мистификаций. Записи велись с перерывами, без фиксации дат, местности, обстановки. В них множество самых различных источников информации, начиная с собственных наблюдений и кончая слухами и легендами. Все это похоже на хаос, который не поддается систематизации, но именно здесь обнаруживаются истоки творчества писателя.

Лаконизм записных книжек Довлатова позволил ему запечатлеть обстоятельства жизни множества людей и свой собственный образ, хотя здесь нет особого внимания к себе, его больше интересуют нравы эпохи. Записки Довлатова – это яркая детализация факта и необыкновенно острое ощущение языка. Это не просто байки, в них есть мораль. Писатель умеет подмечать всякого рода недоразумения и с мягким юмором изображать нелепость происходящего.

Стремление обнажить социальные и бытовые стереотипы в сочетании с иронией и разговорной интонацией характерны для стилистики его произведений, причем, это не просто байки, в них дается оценка происходящему.

Героями коротких историй, анекдотов становятся известные поэты и писатели (А. Ахматова, Вера Панова, А. Битов, И. Бродский, Е. Евтушенко, Д. Хармс и др.), родственники, случайные люди, объединяет их факт наличия юмористической ситуации, связанной с языковой игрой.

Немало в записных книжках Довлатова афоризмов, например: «Атмосфера, как в приемной у дантиста»; «Гимн и позывные КГБ: «Родина слышит, родина знает...»»; «Убийца пожелал остаться неизвестным»; «Я болел три дня, и это прекрасно отразилось на моем здоровье»; «За Борю я относительно спокоен, лишь когда его держат в тюрьме!»¹ Это не развернутые истории со своими событиями, но языковая конструкция, содержащая скрытое ассоциативное сопоставление «привычного» с «непривычным».

Встречается в записных книжках Довлатова и законченная форма анекдота: «Как известно, Лаврентию Берии поставляли на дом миловидных старшеклассниц. Затем его шофер вручал очередной жертве букет цветов и отвозил ее домой. Такова была установленная церемония. Вдруг одна из девиц проявила строптивость. Она стала вырываться, царапаться. Короче, устояла и не поддавалась обаянию министра внутренних дел. Берия сказал ей:

– Можешь уходить.

Барышня спустилась вниз по лестнице. Шофер, не ожидая такого поворота событий, вручил ей заготовленный букет. Девица, чуть успокоившись, обратилась к стоящему на балконе министру:

– Ну вот, Лаврентий Павлович! Ваш шофер оказался любезнее вас. Он подарил мне букет цветов.

Берия усмехнулся и вяло произнес:

– Ты ошибаешься. Это не букет. Это – венок».

В этом тексте нет открыто выраженного насилия, грубости – напротив, все изяшно и просто: Берия, барышня, цветы, кажущаяся свобода выбора. Но одно тонкое замечание – «это не букет, а венок» – рождает страшные ассоциации с происходившим в стране в 30-е годы.

¹ Довлатов С. Записные книжки. – СПб.: 2008.

Можно выделить в записных книжках Довлатова чисто литературные наблюдения:

«Рассказчик действует на уровне голоса и слуха. Прозаик – на уровне сердца, ума и души. Писатель – на космическом уровне. Рассказчик говорит о том, как живут люди. Прозаик – о том, как должны жить люди. Писатель – о том, ради чего живут люди»;

«Помню, Иосиф Бродский высказывался следующим образом:

– Ирония есть нисходящая метафора.

Я удивился:

– Что значит нисходящая метафора?

– Объясняю, – сказал Иосиф, – вот послушайте. "Ее глаза как бирюза" – это восходящая метафора. А "ее глаза как тормоза" – это нисходящая метафора»;

«Божий дар как сокровище. То есть буквально – как деньги. Или ценные бумаги. А может, ювелирное изделие. Отсюда – боязнь лишиться. Страх, что украдут. Тревога, что обесценится со временем. И еще – что умрешь, так и не потратишь».

Подобного рода записи интересны с точки зрения осмысления творческого процесса: размышления о себе и о своем месте в литературе, о значении искусства в жизни.

У Довлатова очевидны традиции классической литературы: у Гоголя и Чехова писатель перенимает своеобразный способ изображения общей обстановки жизненного абсурда в государстве, когда нормальными считались явления, события и факты, противоречащие логике здравого смысла:

«Два плаката на автостраде с интервалом в километр. Первый: "Догоним и перегоним Америку..."

Второй:

"В узком месте не обгоняй!"»

«В Нью-Йорке гостил поэт Соснора. Помнится, я, критикуя Америку, сказал ему:

– Здесь полно еды, одежды, развлечений и – никаких мыслей!

Соснора ответил:

– А в России, наоборот, сплошные мысли. Про еду, про одежду и про развлечения».

Главное в этих коротких историях – удивительно образное видение реальности. Надо быть очень внимательным на проезжей части, чтобы связать воедино два плаката, висящих на автостраде. Именно в записях С. Довлатова композиция характеризуется как монтажная, в которой композиционно-синтаксическими средствами изображается динамическая ситуация наблюдения. Это достигается воссозданием «живой» картины путем перечисления ее компонентов простыми номинативными предложениями и выразительными средствами речи.

Большую часть записных книжек составляют истории, связанные с литературной жизнью. В них можно выделить следующие содержательные уровни: 1) авторскую негативную оценку языковых ошибок в произведениях невысокого художественного уровня; 2) факты встречи писателей и поэтов с недалекими читателями; 3) курьезные факты из реальной жизни творческих личностей; 4) неожиданные проявления личностных качеств писателей; 5) словесная игра с именами; 6) шутки о здоровье; 7) шутки о национальной принадлежности: *«Генис и злодейство – две вещи несовместимые!»*; *«Коза закричала нечеловеческим голосом...»*; *«Романс Сергея Вольфа: "Я ехала в Детгиз, я думала – аванс..."»*; *«Бахчанян говорил, узнав, что я на диете: "Довлатов худеет, не шадя живота своего"»* и т. д.

В центре внимания писателя всегда были простые будни и их частности, а все нелепости и драматизм ощущений свидетельствовали о характере личности:

«Поэт Охапкин надумал жениться. Затем невесту выгнал. Мотивы: "Она,

понимаешь, медленно ходит. А главное – ежедневно жрет...»

«Случилось это в Пушкинских Горах. Шел я мимо почтового отделения. Слышу женский голос – барышня разговаривает по междугороднему телефону:

– Клара! Ты меня слышишь?! Ехать не советую! Тут абсолютно нет мужиков! Многие девушки уезжают, так и не отдохнув!»

Записные книжки Довлатова являются лабораторией его писательского мастерства, которая проецируется на все творчество. Писатель широко использует многозначность слова, включая различные семантические ряды. Причем первичный ситуативный ряд и внутренний контекстуальный всегда поражают неожиданной игрой слов, как бы выбивая читателя из привычного восприятия. Например, вспоминая поэта Светлова, Довлатов пишет:

«Михаила Светлова я видел единственный раз. А именно – в буфете Союза писателей на улице Воинова. Его окружала почтительная свита. Светлов заказывал. Он достал из кармана сотню. То есть дореформенную, внушительных размеров банкноту с изображением Кремля. Он разгладил ее, подмигнув кому-то и говорит:

– Ну что, друзья, пропьем ландшафт?»

В других историях Довлатов использует не многозначность слова, а каламбур, словесную игру:

«Как-то мы сидели в бане. Вольф и я. Беседовали о литературе.

Я все хвалил американскую прозу. В частности – Апдайка. Вольф долго слушал. Затем встал. Протянул мне таз с водой. Повернулся задницей и говорит:

– Обдай-ка!»

В прозе С. Довлатова индивидуальная речь персонажей нередко насыщена алогичной лексикой, то есть словами, не совместимыми по своему значению в рамках одного смыслового понятия – прием лексического абсурда, например:

«Однажды были мы с женой в гостях. Заговорили о нашей дочери. О том, кого она больше напоминает. Кто-то сказал:

– Глаза Ленины.

И все подтвердили, что глаза Ленины.

А Найман вдруг говорит:

– Глаза Ленина, нос – Сталина».

«Художника Копеляна судили за неуплату алиментов. Дали ему последнее слово. Свое выступление он начал так:

– Граждане судьи, защитники... полузащитники и нападающие!..»

Есть в записных книжках Довлатова истории, построенные на нелепости содержания самого текста:

«Один эмигрант вывез из Союза прах нелюбимой тещи. Объяснил это своим принципиальным антибольшевизмом. Прямо так и выразился:

– Чтобы не досталась большевикам!»

Таким образом, записные книжки Сергея Довлатова состоят из различных историй, реплик, диалогов, набросков и даже мистификаций, отличающихся лаконизмом, афористичностью. Предпочтение отдается простым предложениям. Чутко улавливается синтаксическая специфика речевого портрета героев. Записи отличаются композиционной цельностью. При всей своей краткости (в несколько слов или строк) они являются законченными произведениями по остроте характеристик, четкости формулировок и глубине смысла. Стиль и содержание записных книжек С. Довлатова естественным образом вписывается в контекст всего его творчества.

ЖИВОПИСНЫЙ ЭКФРАСИС В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Елена КАМИНСКАЯ

Картина первая: Девушка и Смерть

Повествование – это движущийся в сюжетно-композиционной системе координат организм. Точкой, задающей ритм повествованию в произведении Сухбата Афлатуни, является картина «Девушка и Смерть». Героиня изучает, описывает картину с помощью научного руководителя, эта работа ничем не примечательна. Ценнее то, что вокруг героини сгущается живописная предметность так, что становится тесно жить. Сама жизнь становится живописной, предметно-образной. Картина перетекает со страниц научной работы, которую героиня защищает, не блистая особыми способностями и дарованиями, в обычную, обыденную жизнь. Живопись включается в литературную игру, задавая общий ритм художественному действию. Что на картине? Конкретный момент. Одна поза. Один миг влюбленных, поглощенных общением. Прекрасная дева в объятиях любовника. Любовник – тлеющая смерть. В художественном тексте один миг, запечатленный художником на живописном полотне, получает развитие и завершение. Одно живописное мгновение становится историей с трагическим концом. Девушка может полюбить смерть, но любовь эта не станет частью жизни, это трамплин в никуда... Вокруг любовников – прекрасный пейзаж. Идиллическая картина, где все располагает к любовной неге. Но смерть остается смертью. Смерть есть тлен, и зацепиться любви не за что. Нет ничего: ни глаз, ни сердца. Пытаясь вернуть охладевшего любовника, девушка бросается на него, разрывает на части. Становится очевидной пустота, которая была прикрыта тленом, ветошью. Даже дитя, которого ждет девушка от тлена, – появившийся на свет ужас и мрак, воплощенное в человеческое обличье зло. Смерть сеет вокруг себя смерть. Почему прекрасное, пышущее жизнью существо отдает себя в объятия смерти, тлена? Разве прекрасный пейзаж, чистый и благоухающий, не наводит на мысль о красоте и гармонии жизни? Почему в райском месте прекрасное живое существо тянется не к красоте, а к смердящему уродству и бесплотному злу? Библейская история грехопадения – один из лейтмотивов романа. В основе этой древней истории – идея познания мира. На фоне абсолютной красоты и гармонии, что и есть суть рая, существует мир человеческих

Елена КАМИНСКАЯ родилась в 1978 г. в Ташкенте. Окончила НУУз. Доцент, докторант кафедры мировой литературы НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей о проблемах русскоязычной литературы Узбекистана.

судеб и страстей – мир другой, простой красоты. Этот мир немислим без добро-го и злого начал в их взаимном проникновении и соитии. Может ли добро быть злом, а зло – добром? Где граница между грехом и добродетелью? Должно ли быть добро возведено в абсолют? Все ответы – в Женщине. Ее тяга к познанию не имеет границ. Ее желание дойти до самой сути, прочувствовать, пережить безоглядно, безудержно, даже ценой своей собственной жизни не поддается никаким объяснениям, кроме одного: она – Женщина. Она знает смерть в лицо. Будучи однажды изгнанной из рая, она остается на земле хранительницей многих знаний и чувств. Она знает смерть в лицо и изнутри. Зло и добро – в ее чреве. Дар Женщины – в умении чувствовать смерть, преодолевать ее и поддерживать жизнь, быть началом новой жизни. Она – Женщина-Вселенная. В ее силах создать рай на Земле. Она и есть Земля!

Картина вторая: Девушка и Поле

Возле дома главной героини поле. Это вторая картина, созданная средствами художественного текста. Героиня смотрит в окно. Рама окна похожа на раму картины. Это изображение всегда перед глазами Плюши (Полины). Вся жизнь героини проходит через соотношение «Поля и поле». Связь между ними идет из глубины веков. Полюшка-Поля до конца не осознает всю сложность своей судьбы и ее связи с судьбами Мира: Поля – поле. Картина «Поле» у нее перед глазами всякий раз, когда она смотрит в окно, она в какой-то мере определяет образ ее жизни. Поле – сотни чужих судеб, трагически завершивших свое земное существование и нашедших в поле последний приют. Первая и вторая картины пронизаны идеей смерти. Делом всей жизни героини становится изучение архивных материалов. Каждое новое дело – судьбы убитых и преданных забвению простых людей. Работа в архиве сменяется работой в музее репрессий. Каждая новая жизнь – это новая смерть. Внезапность и беспричинность смерти заставляют думать о ценности жизни. Большое историческое время (целая эпоха), как большое поле, невидимыми нитями переплетается с малым историческим временем – малым полем самой героини. Малое поле перетекает в большое и наоборот. Героиня носит в себе большое поле – сотни человеческих судеб, сотни невинно убиенных. Малое поле ее жизни подчинено законам сотен жизней чужих людей, которых уже нет. Одна сторона жизни героини – медленное, аморфное существование среди бумажной архивной пыли, скучная работа, ничего не дающая, никуда не ведущая и бесконечная, как и само поле. Такова кажущаяся атмосфера бледного, безликого существования, подкрепляемая специфическим внешним видом и образом жизни героини. Картина «Девушка и Смерть» отражает суть жизни героини. Смерть – неотъемлемая часть ее жизни, работы, проникающая с каждым новым архивным документом все глубже в сознание. Происходит приятие смерти в виде смерти чужих, совсем незнакомых людей, которых лишили жизни. Героиня сопереживает трагическим обстоятельствам их жизни (возможно, близких по крови, по национальности) и тем самым впускает в себя Смерть. Но разве Смерть может стать жизнью? Экфрасис – картина «Девушка и Смерть» – доводится автором до логической развязки: девушка полюбила Смерть, но рыцарь темного мира охладевает к своей возлюбленной и отвергает ее. Ребенок в чреве женщины оказывается монстром, истинным порождением и воплощением Смерти. Наступает самый пронзительный и трагический момент в отношениях Девушки и Смерти. Уже будучи матерью,

носящей в своем чреве ребенка, Девушка бросается на Смерть, пытаясь вернуть былые отношения и чувства, но та буквально рассыпается в ее руках. Гибель Девушки, полюбившей Смерть, и ее ребенка в итоге принесли исцеление от чумы – таков конец этой легенды, заключенной художником в живописное полотно. Но план реальной жизни оказывается намного глубже. Мертвое незримо входит в героиню, заполняя ее изнутри. Как и в легенде, на картине общение со смертью не может дать новую жизнь. Главная героиня не может иметь детей. В финале произведения она пытается подать на усыновление – долгий процесс – и результат его неизвестен. Реальная картина, которую рисует автор параллельно с живописным полотном «Девушка и Смерть», намного сильнее и ярче и в художественном, и в философском, и в психологическом плане.

Картина третья: Девушка и Память

Главная героиня – Плюша, Поля, Полушка – носит в себе не просто мертвых, но невинно убиенных людей, каждый из которых постепенно входит в нее, срастается с ее сознанием, с ее чревом. Она и есть «поле», мать-заступница за человечество. Поле, усеянное мертвыми костями, ее детьми, синтезируется в ней, чтобы возродиться. Постепенно собирая сведения об убитых и замученных, героиня восстанавливает общую Память об этих людях и их судьбах. Эти чужие люди становятся близкими для Плюши, живут с ней и в ней. Мысль об их возрождении зреет и растет в героине, как ребенок в чреве матери. Чем ближе к «рождению» умерших, невинно убиенных, тем актуальнее наличие в произведении не одной, а двух героинь. Плюша и ее подруга Натали (не менее странная и эксцентричная) всегда рядом с Полей, у каждой своя функция. Героини по-своему равновелики. Без Натали, прожигательницы жизни с крайне беспокойным и неуравновешенным характером, невозможно материнское перевоплощение бесплодной Плюши, которое осуществляется только после смерти Натали, когда Плюша выполняет ее последнюю волю и поднимается на вертолете над полем. Рассеивая прах Натали над полем, Плюша трансформирует смерть в жизнь. Рассеиваясь, мертвые песчинки оседают на живом теле земли. Спускаясь, Поля встречает своих детей: «На асфальте трудились дети: ползали по нему на корточках, чертили разноцветными мелками. Плюша остановилась, стала наблюдать. Дети не обращали на нее внимания, молча проводили линии и раскрашивали. Где-то она уже видела этих детей, где? Рисунки были похожи на какие-то схемы...»¹ Оказалось, что ставшие детьми когда-то убитые взрослые рисовали свои дома, в которых они жили: «Вот это моя комнатка. Вот стол, топчан, на котором я спал в ту ночь. Вот полка для книг... А еще я нарисовал в своей комнате на столе чашку, чтобы каждый мог зайти и выпить воды или чая... Вы зайдете?...»² Дети показывали Плюше свои комнаты, приглашая ее в свой мир, о котором она уже знала по многочисленным архивным материалам-делам: «...А это, если хотите знать, окно на улицу. Сейчас Арон нарисует дверь, и вы сможете зайти...Плюша обошла еще несколько рисунков, везде ее приглашали войти»³. Через какое-то время она принесет этим рисующим и приглашающим ее к себе детям вязаные шапочки. Плюша – носитель памяти о поле и прошлом. Приглашение в комнату, нарисованную на асфальте, – знак для Плюши, которая должна открыть маленькую комнату в своей квартире –

1 Цитируется по изданию: Афлатуни С. Рай земной. – М.: Эксмо, 2019.

2 Там же.

3 Там же.

комнату ушедших воспоминаний. Открыть означает вспомнить. Вспомнить означает простить, отпустить, примириться с тем, что осталось в прошлом, и жить дальше. Открыв комнату и перебрав накопившиеся в ней предметы-воспоминания, Полина-Ева видит в окне крест, поднимающийся над полем. Это символ новой жизни, новых событий и новых воспоминаний. Память о погибших восстановлена, живые примирились с умершими, и для главной героини начинается новая жизнь в новом для нее качестве приемной матери. Момент воспоминания совпадает с моментом начала нового этапа в жизни героини. Двойственность судьбы отражена в самом имени героини. Фраза из записей отца Фомы «Не от имени ли во мне все?» может быть спроецирована и на саму Плюшу, имя которой содержит «поле», где покоятся мертвые души. В крещении Полина приняла имя Ева, что стимулировало ее на новую жизнь с маленькой приемной дочкой Наташенькой (почти перерожденной Натали). Благодаря двойственности женского образа в нем соединяются черты и Евы, и Девы Марии, а вместе с тем безграничные возможности и грешной, и праведной жизни. Одна небольшая деталь: случайно зайдя в магазин эротической продукции, героиня увидела деревянную статую со своим лицом, хотя нажать на достопамятное райское яблоко по предложению продавца отказалась. Жалея мертвых (сохраняя память о них), даря им успокоение, Полина-Ева становится ближе к образу заступницы Девы Марии.

Вместо заключения

Благодаря тому что героиня воплощает образы «Души Мира», «Розы Мира», «Женщины Вселенной», раскрывается главное назначение образа поля в тексте. Поле – в центре повествования. Огороженный участок земли, аномалия в центре жилого массива, который живет своей тайной жизнью. Поле в обрамлении оконной рамы напоминает картину (героиня постоянно смотрит в окно своей квартиры). Миф создается людьми и существует, признается как факт именно в контексте человеческой жизни. Иногда миф существует на грани фарса, когда группы «экскурсантов», желающих окунуться в мистику, пробираются на поле в поисках непонятно чего и кого. Но есть и те, кто, подобно героине, не имея прямого отношения к полю, становится его частью или, правильнее сказать, делают его частью своей судьбы. Судьба Полины-Евы, ее образ жизни и страдания за судьбы умерших – это и есть настоящее поле. Нет необходимости бессмысленно блуждать по полю в поисках приключений и экзотики. Жизнь намного сложнее поля. Идея о сохранении памяти о погибших дает надежду на духовное возрождение человечества. Заступаясь за невинно убиенных, Поля «просит» и за окружающих ее живых людей, за спасение и очищение душ, за восстановление духовного равновесия. Все это в самой героине, в ее поступках, в ее страдании, женском и материнском. Поле ее жизни становится полотном для читателей. Содержание романа порождает несколько вопросов, связанных с названием романа «Рай земной», где слиты воедино противоположные понятия в пространственных обозначениях, представленные как небесная вертикаль и земная горизонталь. Отсюда вопросы... Возможен ли рай на земле? Есть ли рай на земле? Нужен ли он? От чего или от кого зависит его появление на земле? В силах ли простой человек создать рай на земле? Может, это его естественная потребность? И мы просто сегодня забыли об этом, поддавшись суете сует...

Юрий ФЛЫГИН

ПИОНЕР РОССИЙСКОГО ИСЛАМОВЕДЕНИЯ

Имя Александра Эдуардовича Шмидта хорошо известно востоковедам и особенно исламоведам всего мира. Его педагогическую и научную деятельность, значительная часть которой связана с Узбекистаном, ведущий отечественный историограф Б. В. Лунин считал «достойной восхищения, поразительно энергичной и разнообразной».

Коллеги А. Э. Шмидта известные российские востоковеды В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург в свое время писали, что он, пожалуй, единственный ученый, работы которого «почти исключительно посвящены исламоведению».

Действительно, исламоведение и все, что связано с мусульманским миром, представляло основной круг научных интересов Шмидта. Он является автором признанных работ по арабскому языку и литературе, мусульманскому праву. А. Э. Шмидт известен и как талантливый преподаватель, организатор высшей школы, видный библиотековед, опытный исследователь восточных рукописей. Его вклад в развитие востоковедения, становление высшего образования в Узбекистане исключительно велик.

Александр Эдуардович Шмидт родился 24 (12 по старому стилю) марта 1871 года в Астрахани в семье обрусевших немцев. Его отец Эдуард Егорович фон Шмидт служил военным врачом одновременно в Астраханском казачьем конном полку и Астраханском госпитале. Дед А. Шмидта был лютеранским пастором, а сам Александр крещен по евангелическому лютеранскому обряду. Приставка «фон» перед фамилией говорит о том, что предки будущего востоковеда имели дворянское происхождение. Мать Вера Мария Луиза, урожденная Байер, происходила из дворянского рода.

В 1877 г. Эдуарда Егоровича перевели в Тифлис: началась русско-турецкая война, его назначили главным врачом военного госпиталя Кавказской армии. В Тифлисе юный Саша Шмидт поступил в классическую гимназию с хорошей репутацией, в которой работали высокопрофессиональные преподаватели. Кроме Шмидта ее известными питомцами в разные годы были такие знаменитости, как С. Ю. Витте, В. Н. Немирович-Данченко, И. Г. Чавчавадзе; Н. М. Бараташвили,

Юрий ФЛЫГИН родился в 1950 г. в Ташкенте. Окончил исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Историк, публицист, общественный деятель. Автор многочисленных научных, научно-популярных статей и книг преимущественно по проблематике российско-среднеазиатских связей.

Л. Н. Андроников, недолго – будущий поэт Н. С. Гумилев.

Окончив гимназию с золотой медалью, А. Шмидт в 1889 г. поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет, но на следующий год перевелся на факультет восточных языков. В конце XIX века там преподавали такие светила востоковедения, как К. Г. Залеман, Н. И. Веселовский, И. Н. Березин, В. Д. Смирнов, В. Р. Розен, Н. А. Медников.

Во время учебы А. Шмидта деканом факультета восточных языков был барон В. Р. Розен, выдающийся ученый, известный среди студентов и строгостью, и почти отеческой добротой и заботливостью. Он обратил внимание на дарования Шмидта и стал заниматься с ним дополнительно арабистикой. Розен ценил Шмидта. «А ведь какой талантливый человек!» – отзывался наставник о своем студенте.

Среди дарований Шмидта – его исключительные способности к языкам. Он был настоящим полиглотом, знал английский, немецкий, французский, испанский, голландский, латинский, греческий, еврейский, арабский, персидский, турецкий, узбекский языки.

Университет А. Шмидт окончил в 1894 г. Его мечтой было остаться там для подготовки к профессорскому званию. Шансов на это даже у такого талантливого выпускника, как Шмидт, было немного. Помогло счастливое стечение обстоятельств: выбранный Розеном первый кандидат отказался от предложения, место досталось Шмидту.

А. Э. Шмидт сохранил на всю жизнь любовь и глубокое уважение к своему учителю. Впрочем, в этом он не был единственным: Розена обожали все, кто у него учился. В статье «Памяти незабвенного учителя», написанной в 1937 г. для книги «Памяти академика В. Р. Розена» (вышла в 1947 г.), А. Э. Шмидт с признательностью писал, что Розен зарекомендовал себя как «учитель, сумевший быть для своих учеников не только авторитетным руководителем в научных занятиях, но и <...> близким им человеком, с удивительным тактом и чуткостью вникавшим и в материальную, и даже <...> интимные стороны их личной жизни».

В. Р. Розен, считавший изучение письменных памятников ислама важным в плане познания всемирной истории, оказал исключительное влияние на формирование научных интересов Шмидта.

В 1896 г., сдав магистерский экзамен, Шмидт по рекомендации Розена был направлен на два года за границу для дальнейшего научного совершенствования. В эти годы он дополнил школу Розена школой крупнейшего исламоведа тех лет венгерского ориенталиста И. Гольдциера, который отзывался о Шмидте как о самом лучшем ученике из приезжавших к нему из Европы и Америки.

После занятий у Гольдциера в Будапеште Шмидт поехал в Лейден, где занимался у голландских ориенталистов М. Я. де Гуэ и Г. ван Влотена. Через несколько месяцев, в октябре 1897 г., Шмидт переезжает в Вену, где занимается у востоковеда Й. фон Карабачека, а в конце того же года возвращается в Петербург.

В 1898 г. А. Э. Шмидт приступил к преподавательской работе на факультете восточных языков Петербургского университета в качестве приват-доцента (внештатного преподавателя). В 1897 г. он опубликовал свою первую статью по арабистике.

К сожалению, материальные обстоятельства вынуждали А. Э. Шмидта совмещать преподавательскую деятельность с дополнительной службой. В начале 1898 г. А. Шмидт стал семейным человеком, женившись на своей двоюродной

сестре Вере Юлиевне Мютель. В 1899 г. у них родился первый сын – Виктор (умер в восьмилетнем возрасте), в 1904-м – второй – Эдуард, в 1906-м – Александр. В поисках дополнительного заработка Шмидт стал работать секретарем редакций газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Рассвет».

В 1900 г. А. Э. Шмидт дополнительно получил место инспектора Александровского лицея (бывшего Царскосельского, в 1843 г. переведенного в Петербург). Должность эта считалась престижной, к тому же инспектор обеспечивался хорошей казенной квартирой. Но у А. Шмидта совершенно не было нужных качеств для исполнения такой работы: он не обладал требовательностью и не пользовался авторитетом у воспитанников. Сам Шмидт тяготился этой работой. Осенью 1904 г. он оставил инспекторскую должность, продолжая педагогическую работу в университете в качестве приват-доцента и оставаясь секретарем в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

В 1905 г. А. Э. Шмидт попытался устроиться в МИД, но безуспешно. Материальные обстоятельства вынуждали его вновь искать дополнительную службу. И в сентябре 1909 г. он устроился в Императорскую публичную библиотеку на должность регистратора, а в 1914 г. был повышен в должности, стал библиотекарем. В те времена и служба в Публичной библиотеке, и обе должности Шмидта считались довольно престижными.

В 1914 г. Шмидт защитил магистерскую диссертацию, посвященную сочинению суфийского шейха Абд ал-Ваххаби аш-Шарани «Книга рассыпанных жемчужин». В своей диссертации Шмидт произвел критический разбор этой книги, дал биографию ее автора, охарактеризовал учение шейха и время, в которое тот жил. Диссертация получила высокую оценку. На защите его коллега и ученик И. Ю. Крачковский назвал его пионером научного исламоведения в России.

После революционных событий 1917 г. А. Э. Шмидт продолжил работать в университете и в библиотеке, где был повышен в должности, возглавив в 1919 г. сначала отделение общего каталога, а затем – отделение литературы на восточных языках. Немного позже он был назначен еще и помощником директора библиотеки. В Санкт-Петербургском университете в 1917 г. Шмидт стал экстраординарным, а на следующий год – ординарным профессором. Его сотрудничество с редакцией газеты «Санкт-Петербургские ведомости» прекратилось, но общая нагрузка превышала человеческие возможности.

Октябрьские события 1917 г. почти все ведущие российские востоковеды встретили довольно прохладно. Что касается А. Э. Шмидта, то, хотя его едва ли можно было причислить к числу сторонников революции, все же создается впечатление, что он воспринял ее достаточно лояльно. Во всяком случае, в послеоктябрьский период ученый окунулся в водоворот различных мероприятий новых властей, его знания и опыт востоковеда были востребованы.

Известный ташкентский ученый-ботаник А. В. Благовещенский вспоминал, что Шмидт глубоко интересовался событиями послереволюционного времени, которые его увлекали и волновали.

Летом 1918 г. на съезде преподавателей высшей школы в Москве А. Э. Шмидт был избран профессором и деканом историко-филологического факультета Петроградского университета. С октября того же года стал читать курс мусульманского права и исламоведения в Лазаревском институте восточных языков в Москве.

В этот же период А. Э. Шмидт проявил себя не только как ученый, но и как энергичный и деятельный организатор высшего образования. Еще с конца

1917 г. он вместе с группой других российских ученых принимал активное участие в большом деле, круто изменившем его судьбу и связавшим до конца жизни с Узбекистаном.

В конце 1917-го А. Э. Шмидт, как работник Публичной библиотеки, участвовал в передаче мусульманским активистам хранившегося в библиотеке Корана Османа – известной реликвии мусульман.

Важной страницей в деятельности А. Э. Шмидта явилось его сотрудничество с журналом «Мир ислама», редактором которого был В. В. Бартольд. Сотрудничество это было непродолжительным, поскольку и сам журнал просуществовал недолго. В 1912 г. Шмидт в нескольких его номерах опубликовал обстоятельный очерк по истории ислама, а также рецензию на материалы о Средней Азии, содержащиеся во французском издании «Обзорение мусульманского мира».

Новой вехой в жизни и деятельности А. Э. Шмидта стало участие в организации университета в Ташкенте, а затем и педагогическая работа в первом вузе Средней Азии. Инициатива создания университета в Ташкенте исходила от группы русских интеллигентов Ташкента, объединившихся в Общество ревнителей высшего образования. Эта инициатива, поддержанная местной властью, выразилась в апреле 1918 г. в создании Туркестанского народного университета, предшественника Национального университета Узбекистана. Подготовительная государственная работа по открытию университета велась и в центре – в Москве и Петрограде.

29 июня – 1 июля 1918 г. Наркомпрос РСФСР созвал совещание по вопросу организации Ташкентского университета. На совещании присутствовали представители ведущих российских вузов. Петроградские востоковеды были представлены В. В. Бартольдом и А. Э. Шмидтом, который был избран членом оргкомитета. Он активно занимался подбором преподавательских кадров и комплектованием библиотеки для нового вуза.

Именно Шмидт стал руководителем первой группы профессоров и преподавателей Туркестанского университета, прибывшей в Ташкент 10 апреля 1920 г. А. Э. Шмидт был назначен профессором и деканом историко-филологического факультета университета и активно участвовал в становлении Туркестанского восточного института. В декабре 1920 г. он сменил на посту ректора ТВИ туркестановеда М. С. Андреева. В ТВИ Шмидт читал лекции по исламоведению, мусульманскому праву, мусульманской догматике, арабскому языку и арабской литературе. Среди его студентов были ставшие впоследствии известными учеными и писателями А. К. Боровков, Е. К. Бетгер, М. О. Ауэзов, М. И. Шевердин.

Насыщенной педагогической работой не исчерпывался круг научно-исследовательских, организационных, административных и общественных дел, которыми занимался в ту пору Александр Эдуардович Шмидт. При университете под его председательством в 1920 – 1922 гг. функционировало Общество историко-филологических и социально-экономических наук. Он состоял членом Совета Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис). В сентябре 1920 г., вскоре после свержения бухарского эмира, Шмидт вместе с группой востоковедов (Бартольдом, Бетгером, Вяткиным и др.) совершил поездку в Бухару для осмотра памятников старины и разработки мер для их охраны. В 1922 г. он участвовал в экспедиции в город Туркестан, во время которой были произведены фотосъемки и архитектурные обмеры мавзолея Ахмада Яссави и приняты меры к его охране. Вместе с другими учеными А. Э. Шмидт принимал участие в подготовке материалов

по национально-административному размежеванию Средней Азии. Одновременно он выполнял обязанности помощника редактора ташкентского журнала «Наука и просвещение» (1922 г.), заместителя председателя государственного Ученого совета при Наркомпросе Туркестанской АССР (август 1922 – февраль 1923 гг.), члена Научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана (1920 – 1921).

В середине 20-х годов А. Э. Шмидт участвовал в исследовательских экспедициях в Киргизии и Туркмении. Его большой заслугой явилось совместное с другими учеными участие в реформе письменности узбекского, таджикского и других среднеазиатских народов.

Глубокие научные познания, исключительная преданность работе, достойнейшие человеческие качества Шмидта снискали ему любовь и уважение друзей, коллег и учеников. В 1923 г. к 25-летию первой его лекции в качестве преподавателя Петербургского университета (15 января 1898 г.) был издан «Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта». Сборник включал разнообразные востоковедческие статьи. Среди его авторов были А. А. Семенов, Н. Г. Малицкий, М. С. Андреев, В. Л. Вяткин, Е. К. Бетгер, Е. Д. Поливанов и другие.

Авторы сборника писали, обращаясь к Шмидту: «Преподаватели и студенты Туркестанского Восточного института горячо приветствуют Вас – своего старшего сочлена и высокоавторитетного учителя – и просят благосклонно принять их совместный труд как посильную дань глубокого к Вам почтения и признательности за всегдашнее теплое и отзывчивое к ним отношение».

В сентябре 1924 г. Восточный институт объединился с университетом, получившим к тому времени новое название – Среднеазиатский государственный университет (САГУ). Институт стал восточным факультетом САГУ, а Шмидт – его деканом. Эту должность он занимал до 1926 г., потом был назначен проректором университета по учебной работе.

Многогранная научная и педагогическая деятельность ученого получила достойное признание: в 1926 г. А. Э. Шмидта избрали членом-корреспондентом союзной Академии наук, единственного из ученых Узбекистана в те годы.

Увы, невероятно напряженная деятельность А. Э. Шмидта привела к ухудшению здоровья ученого. Это совпало с ужесточением идеологической нетерпимости в государстве.

В сентябре 1928 г. Шмидт был освобожден от должности проректора САГУ. Университет возбудил ходатайство о назначении ему персональной академической пенсии в знак признательности за большой вклад в дело становления вуза. Такую пенсию ученому определил союзный Наркомат финансов в августе 1929 г. А. Шмидт продолжал преподавательскую работу в университете.

Однако в самом начале 1931 г. он был арестован и осужден. Начался процесс над профессорами-востоковедами, в котором отразился идейный конфликт между преимущественно молодыми приверженцами новых – марксистских – науки и образования и научно-преподавательскими кадрами, сформировавшимися еще в имперский период, ставившими во главу угла не декларации верности идеологическим принципам, а овладение фундаментальными знаниями.

Тучи над Шмидтом неоднократно сгушались и ранее. Временами у него обострялись отношения с руководством университета, которое поддерживало сторонников идеологизированного партийного подхода к делу образования, среди которых были студенты-коммунисты пролетарского происхождения, которые

руководствовались классовой нетерпимостью к дореволюционной «буржуазной» интеллигенции. Были такие, кто сознательно или неосознанно спекулировал понятием нового народного образования и выступал против «буржуазных методов» – домашних заданий, например, полагая, очевидно, что при новом образовании и знания должны входить в голову по-новому – без каких-либо усилий.

Будучи ректором Восточного института, Шмидт всячески противился попыткам выторговывать льготы и поблажки при поступлении и в процессе учебы по мотивам социального и национального происхождения, партийности. Для него существовал лишь один критерий – знания и способности. Отдельные недоброжелатели пытались настроить против него мусульманских деятелей.

В начале 1930 г. восточный факультет САГУ закрыли. В 1931 г. А. Э. Шмидт был вынужден уволиться из университета в связи с прекращением изучения арабского языка и других востоковедческих дисциплин. Осенью 1930 года он получил предложение переехать в Сталинабад для работы в Таджикском государственном научно-исследовательском институте. Шмидт согласился, но по ряду причин переезд не состоялся. Предполагается, что противодействовал этому этнограф М. С. Андреев.

7 мая 1931 г. А. Э. Шмидт был арестован вместе с группой востоковедов (А. А. Семенов, Н. Г. Малицкий, И. И. Умняков, М. Ф. Гаврилов, М. С. Андреев, А. В. Панков, А. А. Гаррицкий, Н. Н. Фиолетов, Д. С. Граменицкий, П. Е. Кузнецов).

Ученые были обвинены в антисоветской деятельности: они якобы мешали социалистическому реформированию учебного процесса. 19 января 1932 г. А. Э. Шмидту был объявлен приговор Особого совещания при Коллегии ОГПУ. С профессорами власть обошлась относительно мягко по условиям того времени. Они были высланы на три года поселения в разные города. А. Шмидта выслали в Казань.

В Казань Шмидт приехал вместе с женой. Им пришлось испытать много трудностей с жильем и работой. Сначала Александр Эдуардович недолго работал в библиотеке, но из-за мизерного жалования оставил работу. Потом устроился старшим плановиком-экономистом в систему промкооперации, где и проработал до конца ссылки – до середины 1934 г.

Шмидт пытался добиться пересмотра дела и оправдания, обращался в разные инстанции, в том числе в Красный Крест, но реакции не последовало.

Проблема с работой ждала его и по возвращении в Ташкент: учебных дисциплин по его профилю уже не существовало, и как педагог он не был востребован. Летом 1934 г. А. Э. Шмидт устроился на работу в Государственную публичную библиотеку УзССР в качестве консультанта и в этом качестве смог внести достойный вклад в науку.

В апреле 1933 г. государственные власти Узбекистана приняли постановление «Об объединении республиканских рукописных фондов». Государственная публичная библиотека в Ташкенте (нынешняя Национальная библиотека Узбекистана) была объявлена центральным хранилищем рукописей. Для организации хранения и изучения рукописей в библиотеку были приняты в качестве сотрудников заметные востоковеды – А. А. Молчанов, А. Э. Шмидт и А. А. Семенов. Итогом сотрудничества этих ученых явился подготовленный к изданию первый том Каталога восточных рукописей, что послужило фундаментом для последующей работы по их описанию. И. Ю. Крачковский писал, что именно

по инициативе Шмидта началась планомерная подготовка каталогов большого собрания рукописей Ташкентской библиотеки. А. Э. Шмидт составил также «Описание рукописей Авиценны в собрании ГПБ Узбекистана».

В последние годы жизни по инициативе Института востоковедения союзной Академии наук он занимался критическим комментированным переводом важного источника по социально-экономической истории Арабского халифата VIII – IX вв. – «Книги о налоге» Абу Юсуфа. «Книга о налоге» (Китаб ал-харадж) является одним из самых ранних дошедших до нас памятников мусульманской письменной традиции. Она отражает многие явления, характерные для времени становления мусульманской общины и образования Арабского халифата.

Полностью завершить и подготовить свой труд к изданию Шмидт не успел. Книга увидела свет лишь в 2001 г.

После казанской ссылки в связи с наличием судимости А. Э. Шмидт не мог вернуться к педагогической работе, лишился академической пенсии, не имел права на постоянное проживание в Ташкенте. Несколько лет он обивал пороги разных инстанций, надеясь на содействие Ташкентского университета и библиотеки, но тщетно.

В середине июня 1938 г. А. Э. Шмидт неожиданно был вновь арестован. Во время допроса он заявил, что якобы действительно занимался антисоветской деятельностью, создав в университете реакционную группу из числа востоковедов, оговорив и своих коллег, участников предыдущего судебного процесса 1931 г. Что стало причиной такого поступка ученого, физическое и психическое состояние которого было чрезмерно подорвано предыдущими событиями, теперь уже узнать невозможно.

В середине лета 1939 г. А. Э. Шмидт был освобожден в связи с онкологическим заболеванием. Было совершенно очевидно, что дни его сочтены. Через пару недель после освобождения он скончался. Похоронен он на русском кладбище в Ташкенте, известном как Боткинское.

Во время Великой Отечественной войны сыновья и вдова Шмидта были высланы в Самаркандскую область (в кишлак Лаиш). Но вскоре сыновья Эдуард и Александр были направлены на строительство Челябинского металлургического завода. Эдуард, подававший надежды востоковед, который мог бы стать продолжателем дела отца, умер в декабре 1942 г. После войны Александр вернулся в Ташкент, работал в соответствии со своим техническим образованием. Умер в 1960 г. Вдова А. Э. Шмидта Вера Юлиевна осенью 1946 г. вышла замуж за друга и коллегу своего первого мужа – профессора Александра Александровича Семенова. Последние годы они жили в Сталинабаде (Душанбе), где с 1951 г. Семенов руководил Институтом истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Умерла Вера Юлиевна в декабре 1958 г., вслед за своими мужем, который умер за полтора месяца до ее кончины. На русском кладбище Душанбе сохранились их могилы.